

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Университет префектуры Симанэ

**Культурные, экономические,
технологические
контакты и взаимодействие
Японии и Татарского мира:
история и современность**

Сборник научных трудов

Выпуск II

Казань – 2018

УДК 93+325.2(571)
ББК 63.3(255)
К 90

Научный редактор *М.М. Гибатдинов*

Составители:

Л.Р. Усманова, Р.Р. Абызова

Перевод текстов *Л.Р. Усманова*

К 90 Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность: сборник научных трудов. Вып. II. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 256 с.

ISBN 978-5-94981-286-0

Основу данного сборника составили статьи участников Международной конференции «Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность», состоявшейся в Казани 4–7 августа 2016 г. и явившейся четвертой в череде международных конференций и круглых столов, организованных в рамках сотрудничества Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и Университета префектуры Симанэ в 2014–2016 гг. в Казани, Москве, Токио, Мацуэ.

На обложке: материалы журнала Asahi Graph, № 30 (20 мая 1938 г.), стр. 14–15; афиши японских цирковых трупп (Государственный архив Республики Татарстан, ф. 171, оп. 1, д. 374, л. 1 и д. 373, л. 1).

ISBN 978-5-94981-286-0

УДК 93+325.2(571)
ББК 63.3(255)

© Авторы, 2018

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Иноуэ Ацуси</i> . Формирование современного пространства и его влияние в Северо-Восточной Азии	6
<i>Ли Сяодун</i> . Влияние обучения китайских студентов в Японии на формирование модерна в Китае	15
<i>Лилия Габдрафикова</i> . Дальний Восток и Япония в общественной жизни провинциальной России начала XX в. (на примере Казанской губернии)	33
<i>Иноуэ Осаму</i> . Предпосылки описания книг по истории модерной Монголии: каким образом бурятские историки изложили неожиданную встречу с Россией?	48
<i>Вэньсуо Лю</i> . О металлургии и связанных с нею вопросах в древнем Синьцзяне в хуннский и тюркский периоды	72
<i>Wensuo Liu</i> . On Iron Metallurgy and Related Questions in Ancient Xinjiang during the Xiongnu and Turks Periods	79
<i>Марселла Феста</i> . Археологические культуры бронзового и железного века и передача металлургии на примере долины реки Или и региона Тачэн (Синьцзян): методологический подход	93
<i>Marcella Festa</i> . Bronze age cultures and transmission of metallurgy: a methodological approach the case of the Yili river valley and Tacheng region (Xinjiang)	98
<i>Петр Подалко</i> . Россияне в Японии: люди и встречи	138
<i>Саеко Нумата</i> . Миграция татар из Японии в Турцию и США: что произошло с ними после Второй мировой войны?	154
<i>Марат Гибатдинов</i> . Токийский Коран: к истории изучения	165
<i>Дияра Усманова</i> . Журнал «Яңа Япон мөхбире» как источник по истории татарской эмиграции на Дальнем Востоке в 1930-е гг.	177
<i>Ляйсан Гибадуллина</i> . Татары в Японии: по материалам газеты «Милли Байрак»	189

<i>Исида Тору.</i> Определение значения острова Цусима в Северо-Восточной Азии	195
<i>Сато Такэси.</i> Влияние Китая как державы на перемены порядка в Северо-Восточной Азии	206
<i>Андрей Дикарев.</i> Японо-китайские отношения: тенденции последних лет и подходы к конфликтам вокруг островов в открытом море	220
<i>Гузель Гузельбаева.</i> Японский и российский опыт противодействия экстремизму: сравнение подходов	231
<i>Милеуша Хабутдинова.</i> Образ японских узников сталинских лагерей в романе А.М. Гилязова «Давайте помолимся!»	248

ВВЕДЕНИЕ

Основу данного сборника составили статьи участников Международной конференции «Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность», состоявшейся в Казани 4–7 августа 2016 г. и явившейся четвертой в череде международных конференций и круглых столов, организованных в рамках сотрудничества Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и Университета префектуры Симанэ в 2014–2016 гг. в Казани, Москве, Токио, Мацуэ. Кроме того, в сборник включены статьи российских и японских исследователей, освещающих различные аспекты культурных и иных контактов двух стран на протяжении истории.

Одной из основных тем конференции в Казани стали вопросы модернизации традиционного общества. Проходившие в Японии и России в разные исторические периоды и в разных экономических, исторических и политических условиях эти процессы, тем не менее, имеют много общего. Сравнение татарского (мусульманского), китайского и японского кейсов модернизации выявляют много интересных особенностей, позволяющих глубже понять специфику перехода от традиционного к современному обществу.

Другой важной темой явилось изучение Северо-Восточной Азии, что на протяжении нескольких лет является ключевой проблемой исследования Центра изучения Северо-Восточной Азии (NEAR Center) Университета префектуры Симанэ. Два года назад Центр получил грант Министерства науки и образования Японии для изучения пространства модерна этого региона и, таким образом, стал национальным центром изучения регионального развития в период модерна.

Традиционными темами наших конференций являются исторические связи татарского мира и Японии, история татарской миграции на Дальнем Востоке и история распространения металлургической технологии «Татара».

Выражаем благодарность всем российским и японским коллегам, оказавшим содействие в организации и проведении конференции, а также в подготовке данного сборника. Особую благодарность хочется выразить Университету префектуры Симанэ, Центру NEAR и лично профессорам Осаму Иноуэ и Ацуси Иноуэ за большой вклад в развитие научного сотрудничества между нашими институтами.

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Иноуэ Ацуси

Директор Центра изучения

Северо-Восточной Азии (NEAR Center)

Университета префектуры Симанэ (Япония)

a-inoue@u-shimane.ac.jp

В статье, в рамках проекта «Формирование и становление модернистского пространства в Северо-Восточной Азии», основным исследовательским центром которого является Центр изучения Северо-Восточной Азии, анализируются предпосылки, позволяющие рассматривать регион Северо-Восточной Азии как единое целое, выявляются общие ценности, характерные для данного региона, говорится о западном влиянии, которое оказывается на процесс модернизации Северо-Восточной Азии, несмотря на сильное отличие философских и идеологических воззрений Востока и Запада.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, модерное пространство, общие ценности, тибетский буддизм, конфуцианство, разум.

О термине «Северо-Восточная Азия»

Термин «Северо-Восточная Азия» используется в качестве общего термина для обозначения обширного региона, объединяющего Северную и Восточную Азию, в частности, Сибирь, Дальний Восток России, Восточный Туркестан, Монголию, Китай, Тибет, Маньчжурию, Корейский полуостров, Японию и Тайвань.

Для того чтобы представить этот обширный регион как одно целое, необходимо привести некоторые показатели. Например, он этнически очень разнообразен, так что вряд ли можно найти что-то общее. Кроме того, как кажется, нет ничего общего и в религиозном отношении, так как существует смешение религий: христианство, ислам, буддизм, конфуцианство, шаманизм и т.д. Более того, исторически сложилось так, что существуют страны, имеющие одни и те же этнические группы с одним историческим прошлым, но разделенные границами современных приграничных районов, и я не думаю, что с этой точки зрения так же имеется что-то общее для них.

Так почему мы должны говорить о регионе Северо-Восточной Азии как об одном целом?

Автор книги «Путь к Северо-Восточной Азии» Сигеаки Уно называет в качестве одной из причин для этого необходимость «исследования исторического характера западной (модернистской) науки с азиатской точки зрения». Другими словами, важно «выразить азиатский универсализм в противоположность всемирному универсализму» и рассмотреть западноевропейскую модернистскую научную мысль со стороны «Северо-Восточной Азии». Можно заметить, что для автора, пр. Уно, являющегося китаеведом, важна идея создания принципа «азиатского универсализма», который можно соотнести с западноевропейским универсализмом, что является идеей глубокой рефлексии в отношении роли западной науки, созданной европейцами и американцами, в мировой истории. И пр. Уно, сделав эту идею основой своих суждений, утверждает важность «того, что будет признан в нынешнем мире простой путь, которым мы живем» [6; с. 22].

Это великолепное видение пр. Уно, предпринимающего попытки сравнения с западной модернизацией, заключается в том, как велико влияние тенденции так называемой постмодернистской мысли. Глубокая рефлексия пр. Уно в отношении жертв многих войн, широко распространившейся в Северо-Восточной Азии колониальной войны, как негативного последствия того, что Япония, которая быстрее всех в Азии восприняла западную современную мысль в 1868 году после реставрации Мэйдзи, осуществила формирование современного национального государства, – это объяснение, в котором постоянно присутствует мысль о раскаянии именно от поколения, прошедшего через опыт войны.

«Вторжение, культурное и психологическое, является тем же, что и военная агрессия, более того, оно оставляет более серьезный корень зла. А когда война длится долго, агрессия разрывает любые формы человеческих отношений и ударяет прямо в сердце и отчаянно болезненный дух. Эти следы сердечной боли даже после окончания войны не проходят, а наследуются, выдавливая и далее новые шрамы» [7; с. 3].

Как можно увидеть, в этой цитате словосочетание «удар в сердце» для пр. Уно является ключевым понятием в осмыслении запад-

ной модернизации, и, кажется, именно оно приводит к переоценке понятия «сожаления» в мировой истории.

Меня, как специалиста по философии и истории мысли, привлекает эта точка зрения пр. Уно. Однако метод, которым я пользуюсь для осмысления западной модернизации, подобно пр. Уно, является не только последовательным изучением истории Северо-Восточной Азии, но и охватывает более глубокий интерес к проблеме того, почему не сформировались какие-то общие ценности в процессе создания общего модернистского пространства данного региона, со времен начала формирования региона Северо-Восточной Азии как целого, когда вошли Монголия и российский Дальний Восток, до сегодняшнего момента.

Прошло более 20 лет с момента окончания холодной войны, и американское влияние относительно уменьшилось, но в то же время на фоне растущего присутствия России, Китая, Индии региональная структура соседних стран, окружающая Японию, продолжает сильно меняться. Японии, чтобы прийти к решению различных вопросов, возникающих между Россией, Китаем, Монголией, Южной и Северной Кореей, нужно изменить свое представление о данном регионе как о едином целом, обратившись к понятию «Северо-Восточная Азия».

Как говорилось ранее, религии здесь различны, этнические группы отличаются, языки разные. Тем не менее, не является ли для русских, тибетцев, китайцев, маньчжуров, корейцев и японцев движение монголов, которые пересекли огромные территории, чем-то общим, несущим какую-то единую ценность? Тогда это динамическое переселение народов и культурное смешение является, вероятно, тем, что в формировании современного пространства в Северо-Восточной Азии помогло создать взгляд на мир и ценности, отличные от западных.

Ценности, охватывающие регион Северо-Восточной Азии

Итак, рассмотрим данные ценности конкретнее. Одним из ключей для разгадки, который привлекает внимание, является тибетский буддизм. Тибетский буддизм, с центром в Тибете, является универсальной религией внутренней Азии, Монголии, России (особенно для бурятских монгол в Сибири), Китая (Северного Китая),

Маньчжурии, Бутана, Непала, индийского штата Сиккима, индийских регионов Ладакх и Кашмир [5; с. 6].

В своих идеологических особенностях он включает в себя понятие «материальность». Говоря другими словами, «Дже Цонкапа, установивший ортодоксию тибетского буддизма, не только понимает термины буддизма Махаяны «пустота» и «отсутствие самости (не-я)» (отсутствие индивидуальности) как простые абстрактные понятия, ему этот опыт нужен через телесность [5; с. 1], чтобы подтвердить концепцию, поэтому требуется телесность как абстрактное понятие. Широко известно, как появилась мандала, то есть иконография мысли того, что существует в феноменальном мире и имеет смысл в существовании как абсолютная преданность священнику (ламе), обладающего религиозной властью. Человеческое существование как «священное существование в качестве страдающего и принимающего тела через смерть и состояние Бардо, и также через стадии вхождения в лоно, пребывание в нем, становление в нем и выход из лона, и снова становящегося страдающим и трансформирующимся телом» стало пониматься положительно (то есть приобрело святость).

Еще одна особенность тибетского буддизма привлекает внимание: утверждение мира и человеческого тела не требует трансцендентной власти за пределами этого мира и человека. Тот факт, что Далай-лама является инкарнацией или «воплощением Будды», выражает это символически. В общем, для нас интересны критерии разделения «воплощенного Будды» и обычного человека. Возможно, это «душа», как говорится, «душа становится основным телом реинкарнации, что очень важно для тибетцев» [5; с. 95]. Далай-ламой может стать человек, выбранный из предыдущей жизни по закону реинкарнации и не связанный с результатами родословных и социальных достижений. Таким образом, признавалось, что в тибетском буддизме нет никакого смысла в теле с утерянной душой, которое является шелухой, и важно именно тело, которое реинкарнируется [5; с. 94]. Поэтому интересно, какое влияние оказал тибетский буддизм, который характеризуется такими особыми чертами, как важность души, положительность тела и феноменального мира, в странах Восточной Азии, а именно в Китае, Корее, Японии в результате распространения в качестве универсальной религии.

То, что необходимо указать в начале этого исследования, – это принцип «неба», положенный с давних времен в центр всех религий

в Китае в качестве трансцендентной власти. И даосизм, и конфуцианство положили в основу своей веры абсолютную уверенность в принципе «неба». Именно это является особенностью китайской мысли. Следовательно, можно сказать, что собственно является самой большой подсказкой – это философская мысль и религия, возникшая в период Юань (1271–1368), когда Китай захватили монголы, верившие в тибетский буддизм, основной особенностью которого является признание тела и феноменального мира на основе переосмысления религии и философской мысли всего региона Северо-Восточной Азии.

Поэтому интересно то, что родилось при встрече тибетского буддизма и китайской мысли в период династии Юань.

В последние годы активно развивается анализ конфуцианских текстов, которые были до недавнего времени «лакуной» для исследователей. На основе результатов этих исследований стало ясно, что в XIV веке, в начале династии Юань, произошел беспрецедентный издательский бум, особенно книг-комментариев с иллюстрациями, предназначенных в основном для начинающих верующих. Представителем этого потока книг можно назвать книгу «Sishu Zhangtu» (四書章句) (Четыре книги с картинками) (1337?), автором которой является Cheng Fuxin (程復心) (1257–1340) [4].

В части «Необходимость сердца в теории мудрецов» в начале книги «Четыре книги с картинками» он говорит следующее (китайский текст):

蓋心者一身之主宰、而敬又一心之主宰也。學者熟究於主一無適之說、整齊嚴肅之說、與夫其心收斂、常惺惺法之說、則其為工夫也。盡而優入於聖、亦不難矣。 [2; с. 69].

Это означает: «главенствование одного тела» есть сердце, «главенствование сердца» есть уважение (почет). Ученые мужи занимаются только внутренней частью, так называемой «не подходящей главному», но и формируют внешнее, называемое «утверждение структурного», что просветляет. Утверждается, если ученый муж ищет метод «постоянного просветления сердца», то вхождение в святилище (святое место) не представляется сложным. Понятно, что в этом отрывке подчеркнута «воспитание (вращивание) сердца».

Cheng Fuxin и его современник Wu Cheng (1249–1333), для того чтобы восстановить первоначальный облик тогдашнего неоконфу-

цианства в противостоянии жесткому обывательскому отношению, высоко оценивали деятельность Lu Jiuyan [2; с. 22]. Вот что говорит Wu Cheng (китаезычный текст):

朱子、靜而不知所以存之、則天理昧而大本有所不立。此言當矣。但謹按朱子曰以下、朱子之言、間有未瑩者。執事已自能知之、今不復再言。欲下実工夫。惟敬之一字、是要法。 [2; с. 170, 463].

Мне кажется неслучайным тот факт, что конфуцианские ученые периода Юань Cheng Fuxin и Wu Cheng вместе не только рассматривали принцип «убытка каждой вещи», но и направили свои взгляды на теорию воспитания сердца как «основного, что требует уважения».

К тому же не были странными опасения императора династии Мин Хун-ву о связи Чосен (Корея) и Монголии для восстановления памяти о прочной связи древней Монголии с древним государством Корё [4; с. 235]. Поэтому с момента основания корейской династии Чосон императором Тхэджо (1335–1408) [правил в период 1392–1398] в течение первых четырех лет была ускоренно создана и быстро восстановлена система подготовки и создания текста на основе китайского языка «Множественные смыслы Великого Учения» с требованием использования правильного языка, а не «знаков прямого перевода» (это были не классические иероглифы китайского письменного языка, а знаки разговорного языка, испытывавшего влияние монгольского языка) [4; с. 211–228].

«Множественные смыслы Великого Учения» – это текст комментариев к «Великому Учению», автором которых был Синтоку Сю (учитель Восточной горы) (1178–1235), – конфуцианец, яркий представитель чжусианства династии Южная Сун. Книгу называли еще «книгой воспитания императоров», так как в ней даются наставления, как воспитать склонного к проявлениям сердца человека, ставшего императором. Здесь представлена фраза из 16 иероглифов, цитата из «Ши Цзина» (Книга истории), которая получила название «1000-летней истории учения сердца»: «Человеческая природа обладает беспокойством, благомыслие пути сердца, единственность семени, [справедливо соблюдать середину] (人心惟危、道心惟微、惟精惟一、允執厥中)» [3; с. 425], придерживаться «учения сердца», что означает сдерживать человеческую природу и поддерживать путь сердца. С этого момента направленность на чжусианское

«учение сердца» в конечном итоге станет одной из основных тенденций развития [1].

На неоконфуцианство, которое преобразовалось через «учение сердца» благодаря конфуцианским ученым династии Юань, до сих пор не обращали внимания. На заднем фоне конфуцианские тексты эпохи Юань загрязнены переводами монгол, поэтому оригинальное (истинное) неоконфуцианство не было хорошо понято и воспринималось с долей предрассудков. Однако корейское конфуцианство, хорошо обученное конфуцианским текстам эпохи Мин и текстам эпохи Юань, оригинальным текстам, связанным с чжусианством, направленным на «учение сердца», произвело смешение идей вследствие встречи монгол и китайцев, то есть стало продуктом идеологической трансформации. Поэтому я считаю, что нам необходимо повторно и надлежащим образом изучить «неоконфуцианское (чжусианское) учение сердца».

Возможно, феномен «неоконфуцианского (чжусианского) учения сердца» не застрахован и от влияния тибетского буддизма с его позитивной установкой на телесность. Но здесь аргументы требуют философского исследования, и я хотел бы воздержаться от более подробного изложения.

Особенности «модернизации» в Северо-Восточной Азии

Это неудивительно, если учесть, что процесс модернизации проводился странами Северо-Восточной Азии под сильным давлением «западного влияния» (Western impact), что в регионе была отличная от западных стран философская и идеологическая концепция, которая выражена в идее «сингаку» (постижение сердца) и у японцев, и у корейцев, и у китайцев, и которая выросла на оригинальных конфуцианских текстах династии Юань, выражающих в свою очередь тибетский буддизм как универсальную религию Внутренней Азии. Страны Северо-Восточной Азии хотя и приняли имперскую стратегию западных модернистских государств-наций, однако сохранение наследия традиционного учения «сингаку» (постижение сердца), возможно, было попыткой самореформирования и сопротивления.

Исследовательский проект «Формирование и становление модернистского пространства в Северо-Восточной Азии», основным исследовательским центром которого стал Центр изучения Северо-

Восточной Азии, мне представляется грандиозным философско-идеологическим явлением.

Литература

1. Араки Кенго. Исследование религиозной мысли периода конца династии Мин. Предисловие «Учение о сердце» и логика». Изд-во Собунся, 1979. [荒木見悟『明末宗教思想研究』創文社、一九七九、「序章—心学と理学」を参照].

2. Архив Сихоса г. Нагоя. Четыре книги Великого учения с картинками в переводе с корейского. Материалы (1443), изданные старокорейским шрифтом. 1570. [名古屋市蓬左文庫所蔵『四書輯釈章図通義大成』、朝鮮古活字印版一、二行本 明正統八（一四四三）年建昌府儒学丘錫序 隆慶四（一五七〇）年宣賜].

3. Ассоциация исследователей Ли Сисасай. Все тексты Ли Сисасай, изданные в Японии. Ч. 2. Изд-во Хотарюки, 1983. [李退溪研究會『日本刻版李退溪全集（下）』螢雪出版、一九八三].

4. Мия Норико. Издательская культура монгольских времен. Ч. 7. «Чень Фусин. Четыре книги с картинками». Изд-во университета Нагойи, 2006. [宮紀子『モンゴル時代の出版文化』名古屋大学出版会、二〇〇六、第七章程復心『四書章図』出版始末攷、を参照].

5. Накамура Хадзиме, ред. Определения. Т. 4. «Путь мышления корейцев и тибетцев». Изд-во Сюдзюся, 1989. [中村元選集〔決定版〕第4巻『チベット人・韓国人の思惟方法』春秋社、一九八九].

6. Уно Сигеаки. Путь к изучению Северо-Восточной Азии. Изд-во Кокусайсэин, 2012. [宇野重昭『北東アジア学への道』国際書院、2012].

7. Уно, Сигеаки, ред. Углубленная агрессия, гибкое сопротивление. Изд-во Кенбун, 2001. [宇野重昭編『深まる侵略 屈折する抵抗』研文出版、2001].

FORMATION OF MODERN SPACE AND ITS INFLUENCE IN NORTH EAST ASIAN REGION

Inoue Atshushi

*Director of the North-East Asia Research Center,
the University of Shimane (Japan)*

a-inoue@u-shimane.ac.jp

In the article, in the framework of the project “Formation of a modernist space in North-East Asia”, a major research centre which is the Centre for the study of North-East Asia, analyzes the preconditions, which allows to consider the region of North-East Asia as a whole, identifies common values, specific to the region, also speaks of the western influence on the process of modernization of North-East Asia, despite the significant difference of philosophical and ideological views of the East and West.

Keywords: *North-East Asia, modern space, common values, Tibetan Buddhism, Confucianism, mind.*

ВЛИЯНИЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В ЯПОНИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕРНА В КИТАЕ

Ли Сяодун
профессор Университета
префектуры Симанэ (Япония)
x-li@u-shimane.ac.jp

В статье рассматривается история обучения китайских студентов в Японии в эпоху модерна. Освещаются основные этапы и особенности национальной политики по обмену студентами каждой из этих стран, описываются трудности, с которыми пришлось столкнуться иностранным студентам в процессе реализации данной образовательной политики, а также раскрывается роль исторических личностей, внесших свой вклад в становление международных отношений между Японией и Китаем.

Статья является краткой версией опубликованной в Японии статьи.

Ключевые слова: Япония, Китай, международные отношения, японо-китайская война, эпоха модерна, культура, обучение, иностранные студенты.

Введение: иностранные студенты – «перевозчики культуры»

Хотя история взаимоотношений между Японией и Китаем насчитывает несколько тысяч лет, именно с начала Новейшего времени обмен между странами начал развиваться глубже и достиг беспрецедентного масштаба. Можно сказать, что именно обмен студентами олицетворял (символизировал) этот масштаб. Мой доклад затрагивает следующие вопросы: как реализовывался (осуществлялся) обмен студентами Китая и Японии в новую эпоху, какое влияние они оказали на китайско-японские отношения, и что же осталось нашему современному поколению.

Размышляя на эту тему, в этой главе сначала хотелось бы коснуться вопроса об обучении за границей.

Как известно, американский ученый по международной политике Джозеф Най выдвигает теорию, которая называется «мягкая сила». Согласно Наю, в отличие от тяжелой силы, которая подразумевает возможность достижения желаемого результата в принуж-

дении за счёт военной мощи или через экономическую силу, мягкая сила позволяет достичь желаемого результата на основе очарования и привлекательности страны [1, с. 26].

Согласно Наю, когда другие страны чувствуют притягательность вашей страны, то можно говорить о мягкой силе. То есть это означает, что культура вызывает привлекательность, а привлекательность – мягкую силу. В частности, это указывает на высокую культуру (*high culture*), и Най, который определил культуру как «систему ценностей и деятельности, имеющие значение для общества», подчеркивает, что культурный обмен, нацеленный на элиту общества, является важным фактором для формирования мягкой силы [1, с. 34].

Однако сила остается силой, даже если речь идёт о «мягкой». Другими словами, если делать собственное положение сильнее за счёт усиления привлекательности «культуры», это не что иное, как один из способов самовыражения господствующего положения в международной политике с помощью таких средств, как мощь и культура. В этом отношении «культура» понимается как чрезвычайное стратегическое мышление.

Кэничиرو Хирано также согласен с тем, что через «культуру» можно повлиять на международные отношения. Тем не менее, для Хирано, хотя культура и является способом мышления международных отношений, она не является средством. Хирано определяет культуру как «проект (дизайн) для жизни» (*designs for living*) [2, с. 11]. Если рассматривать с такой точки зрения, то международные отношения сами по себе являются одним из видов культуры. Прежде всего, так как национальное государство (*nation-state*) – это такое государство, которое было создано искусственно, то в таком случае оно является и продуктом культуры. Кроме того, международные отношения, если можно так выразиться, это отношения между одной и другой страной, и, в конце концов, это взаимодействие людей (деятельность людей). Следовательно, и государство, и отношения между нациями являются человеческой культурой.

Однако интересно, например, что термин «международное общество (сообщество)» на английском языке будет *international society* (международное общество), но Хирано указывает, что иногда международное общество в современном мире понимается как *inter-state society* (межгосударственное общество). Другими слова-

ми, изначально международные отношения – это отношения наций (*nation*), где культурная деятельность индивидуума будет играть главенствующую роль.

С этой точки зрения Хирано утверждает, что «движущиеся культурные элементы» создают международные отношения. Международные отношения – это не отношения между абстрактными государствами, а отношения между действиями различных субъектов, в частности, между людьми. И среди таких «движущихся культурных элементов» «носитель культуры» (*culture carriers*) является важным субъектом [2, с. 66].

Описанная выше Наем «высокая культура» (*high culture*), которую он в частности осознает в элите, и выделенный Хирано «культурный носитель», все же являются некоторыми отклонениями от нормы, но это не меняет тот факт, что в международных отношениях человек имеет очень большое значение в развитии культуры. Мы стараемся изучать «Азиатское сообщество (общая для всей Азии структура)» как отдельное сообщество (*community*), и это сообщество, само собой разумеется, является продуктом культурной деятельности человека. В этом случае рост культуры имеет очень важное значение. Иностранцы студенты, описанные в этой главе, как «перевозчики» (носители, медиаторы) культуры и были теми людьми, которые оказали решающее влияние на отношения между Китаем и Японией в период модерна.

Если посмотреть с точки зрения «перевозчика» (носителя) культуры, то существовавшая в современной Восточной Азии учеба за границей по личному обмену была грандиозной историей. Обучение китайских и японских студентов за рубежом, на Западе, обучение китайских, корейских, вьетнамских студентов и студентов других азиатских стран в Японии, а также большое количество нанятых иностранных преподавателей из западных стран, советников, миссионеров и т.д., самые различные носители и медиаторы культуры – все они способствовали многомерным отношениям между странами Восточной Азии. Среди этих студентов особо выделились китайские студенты, которые учились за границей в Японии в эпоху модерна, и это явление отличалось не просто величиной масштаба и глубоким влиянием на Китай, но и было одной из самых грандиозных историй.

1. Обучение в Японии китайских студентов в эпоху модерна

(1) Вступление

А. Возможности обучения за рубежом

Китайские студенты начали обучаться в Японии в эпоху модерна с 1896 года, и это обучение, став формальной государственной политикой в 1898 году, продолжилось вплоть до начала японо-китайской войны. В частности, как говорят, за 6 лет до 1905 года и спустя шесть лет, количество китайских студентов, обучавшихся в Японии, достигло примерно восьми тысяч человек. Так как же случилось, что учеба в Японии стала большой тенденцией?

Прежде всего, это было огромное поражение Китая в японо-китайской войне. До этого Япония рассматривала Китай как огромную страну. На это было две причины. Во-первых, исторически китайская культура оказала значительное влияние на Японию, а во-вторых, с начала реставрации Мейдзи Япония начинает существовать как современное государство, и Китай становится для нее серьезной угрозой. Вскоре после начала эпохи Мейдзи Япония, преследуя свои национальные интересы, попыталась установить свою власть на территории Корейского полуострова. Однако этим попыткам Японии препятствовала китайская династия Цин. Таким образом, теория угрозы со стороны Цинской империи широко распространилась внутри Японии. И Япония, благодаря своей победе в японо-китайской войне, смогла избавиться от этого внутреннего напряжения. Вследствие японо-китайской войны позиции Китая и Японии противоположно изменились.

После японо-китайской войны в Китае почувствовали необходимость увеличения темпа реформ. Реставрация Мейдзи в Японии значительно стимулировала китайскую элиту того времени. Для того чтобы справиться с кризисом в Китае, некоторая часть интеллигенции и чиновников активно выступала за проведение реформ и срочной подготовки для этого людских ресурсов. Одним из наиболее характерных трудов была книга «Канманабухэн» (勸学篇 – «книга о поощрении обучения») Чжан Чжидуна (1895). Эта книга

пропагандировала обучение в Японии, за что ее называли «Манифестом обучения в Японии».

Чжан Чжидун первым представил опыт Японии. «Япония – маленькая страна. Почему она так выросла? Ито, Ямагата, Эномото, Муцу и другие – все они были студентами, которые учились на Западе всего 20 лет назад. [Они] считали Японию страной, которая находится под угрозой влияния Запада, [сокращено] и они совершили поездки для обучения в Германию, Францию, Великобританию, узнали политику промышленности, изучили торговлю и искусство войны, и по возвращении их назначили на ответственные посты, поэтому многие [японские] политические дела изменились, и она стала господствовать над Востоком» [3, с. 116]. Чжан Чжидун считал, чтобы укрепить страну, необходимо поучиться за границей, и это является наиболее эффективным способом использования в своей стране новых знаний с Запада.

Чжан Чжидун отстаивает эффективность обучения за границей: «Один год учёбы на Западе превосходит пятилетнее чтение книг о Западе... [сокращено] Один год обучения в зарубежной школе превосходит три года обучения в китайской школе». Потому что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» [3, с. 116].

Но почему, для того чтобы получить знания о Западе, надо учиться в Японии, а не в самих западных странах?

Чжан Чжидун назвал причины близости (сближения) и взаимовыгоды двух стран. Говоря о близости, он утверждал, что обе страны имеют близкое географическое расстояние, то есть имеется возможность часто отправлять туда кого-либо и легко изучать эту страну. Так как языки близки, легко учиться. Кроме того, манеры и обычаи двух стран похожи и легко поддаются копированию. С другой стороны, говоря о взаимовыгоде, в западных книгах много всего, и то, чему особо не придавалось значения, японцы смогли довести до ума [3, с. 117]. Чжан Чжидун подчеркивает близость двух стран на основе схожести языка и обычаев Китая и Японии, и это наводит на мысль, что «раз одинаковые письменные знаки, то значит одна и та же раса», и он настаивал на том, что особого результата можно добиться, обучаясь в Японии.

Необходимость в реформах, которая усилилась после японо-китайской войны, в скором времени привела к «Ста дням реформ». В 1898 году Кан Ювэй, Лян Цичао и другие интеллигенты при под-

держке императора Гуансюй объявили о проведении реформ. Реформа представляла собой модель реформы реставрации Мэйдзи в Японии. Лидер реформ Кан Ювэй придерживался тех же идей, что и Чжан Чжидун. То есть, по словам Кан Ювэя, Запад и Америка достигли нынешнего положения за период сроком в 300 лет, когда, копируя Запад, в нынешней Японии политическая система была реализована за 30 лет. Если взять пример с Японии, то Китай, у которого больше и территория, и население, сможет воссоздать такой национальный проект (гранд-дизайн) за 3 года, за 5 лет – сделать все приготовления, за 8 – достичь результатов, а за 10 лет даже превзойти эти результаты. Так, Кан Ювэй громко заявлял об этом и подчеркивал важность следования примеру Японии [4, с. 105]. И, как часть реформы, учеба в Японии должна была стать в качестве одной из форм национальной политики.

Тем не менее, реформы «Ста дней» закончились провалом всего за три месяца в результате государственного переворота, устроенного императрицей Цыси. Кроме того, все усилия по проведению реформ оказались напрасными, но политика отправки студентов на учебу в Японию осталась. Кан Ювэй и другие были жестко осуждены, однако рекомендованное Чжан Чжидуном обучение за границей (в Японии), даже несмотря на политические изменения, было поддержано императрицей Цыси, и обе страны признали, что политические меры по обучению в Японии выгодны для обеих стран.

Б. Положительное влияние со стороны Японии

С другой стороны, даже китайская сторона положительно повлияла на японскую сторону. С 1897 года вся Япония расширяла активную кампанию против влиятельных людей Китая. В частности, особо активным был Генеральный штаб. Заместитель начальника штаба Каваками Сороку отправил на юг Китая Таро Уцуномию и Ясумаса Фукусиму для встречи с влиятельными людьми, в том числе и с Чжан Чжидуном, с той целью, чтобы добиться отправки военных студентов в Японию. Кроме того, в Китай также приезжали педагоги Дзигоро Кано, Утако Симода и другие, чтобы договориться с китайской стороной об отправке студентов в Японию.

Почему же Япония стала активно действовать? Можно посмотреть на конец письма японского министра-резидента в Китае Фумио

Яно, который писал министру иностранных дел Японии в 1898 году [5]:

«Нет сомнений, что большинство военных Цинской империи стремятся «японизировать» [армию], использовать офицеров по японскому [образцу], вдохнуть в старую империю новый человеческий материал, воспитанный на наших ценностях, то есть после вступления наших войск в Восточную Азию, надо не только посадить деревья, но и следующим шагом рассматривать не только японскую военную пехотную силу, преследующую военные цели, но следует достигнуть превосходства в военных самолетах, машинах и др.».

Он подчеркивал необходимость подготовки в Японии «про-японской группы» людей и стремление оказать военное влияние Японии на династию Цин.

Такое предположение подкреплялось в Японии у некоторых из-за ощущения наступления очередного японского кризиса после японо-китайской войны. Для них победа в войне стала означать лишь созревание нового кризиса. Империя Цин была разбита, но Китай остался одной из великих держав, и возможность для мести все также оставалась. Например, в книге, выпущенной в 1895 году Сохо Токутоми, работавшим в издательстве «Минъюся», говорилось, что «когда-нибудь в будущем, через сто лет, Япония примет особую политику в отношении империи Цин», и утверждалось, что «если граждане Японии того времени не смогут в конце концов остановить приближение железной мощи, мы же, как один препятствующие всей силе империи Цин, никогда не сдадимся» [6]. Кроме того, в том же году Юкио Одзакэ проанализировал ситуацию после японо-китайской войны и упомянул, что «Китай вернется отомстить», и это приведет к разрушению восточных связей. Он утверждал, что, только опередив великие европейские державы, удастся предотвратить возрождение китайской империи [7].

«Минъюся» требовало милитаризации Японии как части политики в отношении Цин, и Одзакэ настаивал на аннексии Цин. Эти требования отличались от ожиданий в Китае, и метод подготовки обучения за границей, который назывался «про-японский», получается, означал то, что его целью было воссоздание империи Цин.

Конечно, не следует упускать из виду, что существовал еще один план из вышеупомянутого политического расчета. На самом деле, Япония была открыта для Китая, и опыт китайско-японских отношений был необходим для противостояния могущественному давлению со стороны Запада. Действительно, например, согласно Фукудзава Юкити, автору передовицы «Дацу-а-Рон» (Good-bye, Asia) (1885 г.), где описываются провальные попытки проведения реформ в Китае и Корее, прочно укоренилась идея «китайско-японского альянса» для противостояния Западу. После японо-китайской войны, когда в японо-китайском союзе главенствовала Япония, отношения постепенно менялись. Тогда часто говорили фразу «раз одни и те же иероглифы, значит одной расы» и пословицу «тайные отношения зубов и рта» (взаимозависимость), выражая тем самым истинные отношения Китая с Японией. Таким образом, из-за общих условий и сильного давления со стороны Запада, появилось чувство единства, которое родилось из исторических связей между двумя странами, и, наверное, поэтому это был один из факторов, почему Япония даже в агрессивный период своей истории принимала к себе студентов из Китая.

Таким образом, чиновники и интеллектуалы, стремящиеся изменить Китай изнутри, в результате серьезного сотрудничества с Японией создали единый поток обучения в Японии. Чжан Чжидун в своей работе пишет, что, например, из провинции Хубэй был послан один – военный – китайский студент. Вот так Генеральный штаб Японии удачно вербовал китайцев для лоббирования своих интересов.

(2) Этапы обучения иностранных студентов в Японии

К 1896 году в Японию были отправлены первые тринадцать человек. Тем не менее, они были отправлены не по политическим причинам, а с дипломатической миссией. Эти тринадцать студентов были вверены на обучение директору Токийской общеобразовательной высшей школы Дзигоро Кано. Позже он назвал школу «Академия Хирофуми», в которой обучалось много китайских студентов, однако условия жизни первых тринадцати из них были не очень благоприятными.

Идея «раз те же иероглифы, значит одной расы» столкнулась с разными препятствиями. Четыре студента из первых тринадцати вернулись на родину в течение 2–3 недель, не сумев приспособиться к жизни в Японии. Помимо различий в еде и питье, они не смогли выдержать психологического давления. На улицах китайские студенты подвергались насмешкам из-за национальной одежды и кос, что было вызвано пренебрежением со стороны японцев после окончания японо-китайской войны. Позже еще два студента бросили обучение. В конце концов, почти половина из этих студентов разочаровалась и перестала учиться.

Тем не менее, после этого первого опыта обучения в Японии, каждая провинция (что эквивалентно префектуре Японии) начала отправлять студентов одного за другим, и это стало национальной политикой династии Цин. К ним прибавились студенты, обучающиеся за свой счет, и таким образом выработалась стабильная система отправки студентов. К 1903 году количество иностранных студентов достигло более тысячи человек. Причем ситуация существенно изменилась в 1905 году. Количество китайских студентов, приехавших учиться в Японию в этом году и в последующих годах, составило 8000 человек и достигло своего пика.

На это было две причины. Первой причиной была отмена в Китае в 1905 году императорского экзаменационного теста более чем по тысячелетней истории. Как хорошо известно, императорский экзамен являлся проверкой качеств государственных деятелей, и был воротами для достижения успеха в жизни, которые были открыты для всех взрослых мужчин. Государственная служба экспертизы, которая функционировала как часть китайской помпезной бюрократии, была больше не в состоянии адаптироваться к новой эпохе, где нужны были практические знания. В конце концов, эти времена требовали новых знаний, отличных от Священных писаний Конфуция, для того чтобы укрепить страну после «шока Запада».

Тем не менее, отмена императорского экзамена в то же время означала, что людям была закрыта дорога к успешной жизни. После того как императорский экзамен был отменен, люди должны были придумать ему замену. Тем не менее, школ, преподающих в Китае новые знания, было еще очень мало, и обучение за границей было почти единственным способом, чтобы получить эти новые знания. В итоге, для достижения новых результатов много людей прибыло в

Японию. Причина, почему именно Япония была выбрана страной для обучения за рубежом, была описана, как уже говорилось, Чжан Чжидун в его работе «Канманабухэн» («Поощрение обучения»).

Кроме того, была еще одна причина, почему именно Япония привлекала внимание. В 1905 году Япония победила в русско-японской войне. Китай должен был создать конституционное правительство, и победа Японии послужила причиной для того, чтобы более надежные люди учились именно в этой стране.

И по этим двум вышеописанным причинам студенты из Китая в массовом порядке приезжали в Японию. Обучение восьми тысяч иностранных китайских студентов в истории китайско-японских отношений явилось беспрецедентным случаем. До тех пор пока не разразилась война в 1937 году, в Японии было более 50000 иностранных студентов. Следует отметить, что даже на следующий день после начала войны, студентов продолжали отправлять в Японию из Маньчжурии и Китая режима Ван Цзинвэя.

Студенты, которые учились в Японии, специализировались в области права, политики, преподавательской деятельности, но больше всего было иностранных студентов, специализирующихся в военной области. Это соответствовало реформам, которые были реализованы в Китае в конце династии Цин той же эпохи. Студенты, после того как они получили в Японии новые знания и затем вернулись домой, сыграли ключевую роль в каждой области. Кроме того, среди тех, кто направлялся на обучение в Японию, было мало тех, кто сдал экзамен «Дзинси» (jìnshì). В 1906 году правительство Цин позволило тем, кто успешно сдал экзамен, поступить на факультет политики и права университета Хосэй. «Дзинси» – под этим названием понимался тот, кто прошел заключительный тест экзамена на гражданскую службу. Помимо этого, в экзамен «Дзинси» было также включено звание «Джёмото» («Zhuanguyan»), которое присваивали тем, кто получал наивысший результат [8].

Изначально это были образованные люди, которые являлись элитой Китая. Тем не менее, интеллектуалам, отправленным в Японию, приходилось проходить обучение с самого начала, но в ускоренном темпе. В этом было большое символическое значение. Например, Чжан Чжидун, который содействовал обучению в Японии, был типичным представителем теории «вестернизации китайского

стиля» (中体西用). А для типичного представителя этой теории важно было «использовать» (用) технологии Запада, опираясь на традиционные этические ценности Китая (中体), и это было схоже с идеей «восточная этика, западное искусство» японского философа Сакума Сёдзана (1811–1864). Для Чжан Чжидуна это означало сохранение превосходства собственных этических ценностей без необходимости копирования японских.

Однако теперь среди вышеупомянутых студентов, сдавших экзамен «Дзинси» и отправленных на обучение в Японию, такой эгоистичной идеи, как «синоцентризм», уже не существовало.

2. Обмен и обучение за рубежом

(1) Чувство симпатии учителя и ученика

Китайские иностранные студенты, которые приезжали в Японию, должны были обучаться у японского преподавателя. Какие же чувства испытывали учителя и ученики в процессе обучения?

Прежде всего, если говорить о чувствах иностранных студентов, то это было похоже на ситуацию «почитать Императора и отвергать варваров» («сонно дзёи») в поздний период Эдо (Токугава). Люди так называемой школы «сонно дзёи» активно открывали сельские школы. В боях за Симоносеки (1863–1864) во время бомбардировки княжества Сацума (Кагосима) сёгун Японии Тёсю столкнулся с проблемой собственной власти и силой правящего класса. Он понял, что самураи уже не победят, и решил укрепить свои силы и следить за противником. После бомбардировки Кагосимы на переговорах произошло сближение Сацума и Соединенного Королевства, фракция «сонно дзёи» вместо «отвержения варваров» стала активно способствовать открытию страны. Так, сёгунат был принужден к открытию страны под давлением адмирала Перри. Китайские студенты, приехавшие в Японию после японо-китайской войны, подверглись современному сознанию Японии. И их ощущения были похожи на «сонно дзёи». Можно сказать, что чувство потери себя и в дальнейшем укрепление своего духа у китайских студентов были схожи с патриотическими настроениями японцев в поздний период Эдо. Как было уже сказано выше, было много таких китайских студентов, которые не

выдержали жизни в Японии и вернулись в свою страну, но были и те, кто приехал в Японию с целью обрести новые знания, согласно словам «путешествовать ради обучения» (遊学). Например, как приведено в цитате ниже, в большинстве материалов первого журнала, изданном китайскими студентами того времени, можно сказать выражается чувство симпатии множества иностранных студентов, воспринявших модернистское гражданское сознание.

«Ах, наши граждане о себе думают лучше. После китайско-японской войны, несмотря на то, что Япония победила, нашу страну она боится. Наша страна проиграла, но проснулась. Если говорить о том, что позвать одного, двух гуманных человек, нельзя сказать определенно, состоится ли мирное общение или нет, но в спокойствии можно предаться песне... Ах, это ведь тоже человеческая природа. И если попробовать уничтожить ее, что же, попробуйте, если сможете» [9].

С другой стороны, чувства японских педагогов отличались большим разнообразием. Например, исторически долгое время Япония была под сильным влиянием Китая, а в настоящее время китайцы приезжали в Японию, чтобы получить там знания. Япония как бы возвращала «культурный долг» консервативному Китаю, обучая китайских студентов. Но все же есть аргумент против, который с точки зрения «управления континентом» Японией, подразумевал некую стратегическую идею. И одной из угроз в то время была распространённая в Европе «теория опасности жёлтой расы», заключающаяся в том, что все восточные монголоидные расы объединялись в одно целое. Кроме того, эти дискуссии существовали отдельно друг от друга.

В частности, давайте рассмотрим пример Аояги Ацусицунэ, который был директором китайских студентов в университете Васэда. С одной стороны, Аояги считал, что обучение иностранных студентов связано с «международной близостью, в связи с большой важностью проблем безопасности в Восточной Азии, в связи с возрастанием влияния нашей страны в Китае, и рано или поздно в нашем парламенте придется говорить о масштабах китайской проблемы» [10]. Он считал, что проблема в отношении Китая в том, что необходимо достичь взаимопонимания с Японией, примирить их на основе идеи Монро, а для этого он развернул обсуждение серьезной политиче-

ской важности обучения иностранных студентов. С другой стороны, в качестве педагога он одновременно наблюдал следующее:

«Один студент из империи Цин приехал к убеленному сединами старому учителю, и двигаясь вперед, смотря на женщин-студенток, обучающихся под дождем в грязи над рукописными книгами, думал о своем несчастном положении, запрещая себе проливать слезы, полные дум о китайских студентах в богатой Цинской империи» [10].

Аояги как педагог отверг манеру японского публичного общества в их презрительном отношении к китайскому народу и подчеркивал, что учитель должен преподавать иностранному студенту (китайцу) с «чистой искренней добротой» [11].

Таким образом, и у учителей, и у учеников в течение обучения возникали различные чувства и ситуации. Обучение иностранных студентов проходило в такой атмосфере, как описано выше.

(2) Обмен между учителем и учеником

Обучение китайцев в Японии вызвало целый ряд проблем. Больше всего на свете японо-китайская война позиционируется как война «цивилизации» против «варварства», да и не все представители японского общества после победы на войне охотно принимали иностранных студентов. Но, тем не менее, у учителей с учениками складывались теплые сердечные отношения.

Сначала был обмен между известным Гонкуро Фуджино и Лу Синем. Лу Синь, прежде чем прийти к литературе, сначала учился в медицинской школе в городе Сендай. Японские студенты вокруг только и делали, что презирали Лу Синя, выходца из Китая, но только учитель Фуджино относился к нему очень дружелюбно. Для Лу Синя это осталось навсегда незабываемым. Общение с учителем Фуджино описано в романе «Фуджино – сенсей Лу Синя», и этот роман издается по сей день.

Еще бы я хотел отметить мыслителя Сакудзо Ёсино (1878–1933). Хотя точные подробности не были известны, обмены с Китаем иностранных студентов, можно сказать, оказали решающее влияние на китайское признание Ёсино. Ёсино был ответственным в период 1906–1909 гг. за сына Юань Шикая, который в то время

вместе с отцом был крупнейшим воротилой Китая. Чтобы остаться и получить опыт работы в Китае на эти три года, Ёсино также многое пришлось пережить, что оставило у него не очень хорошее впечатление. Недовольство зарплатой, влиянием политических сил в Китае... Многие его надежды не осуществились, даже несмотря на сближение с Юань Шикаем [12, с. 152]. На фоне этого в 1915 году японское правительство предъявляет двадцать один пункт Юань Шикаю. Тем не менее, этот запрос из двадцати одного пункта с просьбой защитить Китай хорошо известен. Ёсино утверждал, что Япония не сможет стоять и просто смотреть на то, как великие державы соревнуются в Китае [12, с. 150]. В то время он считал, что «ожидать хороших перспектив в Китае, того, что он станет самостоятельным государством, пока не стоит».

Однако взгляд Ёсино на Китай изменился. В своей книге «Китай после третьей революции» (1921) он писал, что «будущее вечных центров сил Китая является местом, где воспеваются реформы», что нужно рассчитывать на «молодой Китай», «молодежную партию Китая». На самом деле, в это время Ёсино начал изучение истории китайской революции, был в контакте с молодыми революционерами из числа китайских студентов в Японии и сотрудничал с Тору Терао [13, с. 168].

Так что Ёсино можно легко представить себе как человека, поддерживающего молодых, революционно настроенных иностранных студентов в Китае. Ёсино считал, Китай – это не только Юань Шикай, он почувствовал новую надежду в «Young China» (Молодом Китае), типичным примером которого являлись молодые иностранные студенты. Ёсино усилил прогноз для Китая в том, что отношения значительно изменятся, и, отойдя от идеи 21 пункта, убедился в победе третьей революции. Он сочувствовал движению сопротивления китайских иностранных студентов против Японии и активно поддерживал их в период движения «4 мая».

3. Иностранный студент и модернизация Китая

Каким же образом иностранный студент династии Цин мог повлиять на модернизацию Китая?

В первую очередь, с точки зрения этой главы, студенты были носителями новой культуры «модернизации».

Другими словами, это была роль просветительской интеллигенции. Новые знания о современном Западе и Китае и формирование современного сознания были большой силой иностранных студентов. Сила просветления непосредственно появилась в ходе Синьхайской революции. Пока в Китае не было явного лидера. Учанское восстание было той [спичкой], что разожгла Синьхайскую революцию, и оказало влияние на каждую часть страны. Это означало не что иное, как то, что вся страна уже созрела для революции. Успех революции не мог бы осуществиться без главной силы, а именно без просветительской деятельности иностранных студентов. В этом смысле Синьхайская революция, можно сказать, и была революцией иностранных студентов.

Кроме того, иностранные студенты, даже после возвращения домой, играли огромную роль в процессе модернизации в различных областях жизни Китая, таких как право, политика, образование и военное дело. Само собой разумеется, что иностранные студенты получили за границей огромный опыт и знания в каждой области, но все они были помечены разными штампами, как «про-» или «анти-японцы», но с маркером «японский».

Для иностранных студентов, а также для модернизирующегося Китая, Япония была очень значимым «Другим».

Заключение

Что же оставил нам китайско-японский обмен студентами в эпоху модерна, достигший рекордного масштаба? Здесь слова Сакудзо Ёсино являются намёком на обмен с китайскими студентами. Ёсино говорит о дипломатии Японии с Китаем в книге «Китайская проблема» («對支問題») (1930) следующее. Фразы «если одни письменные знаки, то и одна раса» или «рот и зубы в одной повозке» повторяются в дзен-учении неоднократно, взаимовыгода и взаимная симпатия по-разному проявляются, какими бы они не были, указывает Ёсино [14, с. 288].

«Япония проанализировала свои прошлые действия в отношении Китая. Такие размышления должны сделаться не только добродетелью для нас, но одновременно позволить нам вынести уроки, и мы заново оценим то, что открыли друг другу границы дружелью-

бия. [сокращено] Те же действия с их стороны не ограничиваются у наших соотечественников только значением индивидуального. Мы действительно думаем об этих отношениях как важных. Принимая во внимание этот момент, наиболее важным является то, что отправной точкой рассмотрения начала отношений Японии и Китая является государственный или политический [интерес]. Я не знаю, что было бы, если бы мы реализовали наши бесполезные сомнения из-за пренебрежения этой стороной» [14, с. 393].

Было не так много людей, которые поддерживали партнерские китайско-японские отношения так, как это делал Ёсино. Тем не менее, партнерские отношения по многим причинам не всегда могут показать разницу в силе наций. В противоположность этому Ёсино хотел стать истинным «Аюа» (партнером), следуя исключительно расчетливым политическим заповедям, и фиксировал отношения между двумя странами в прошлом одинаково прозрачно, что в определенной мере отразилось на японцах. Хотя вышеупомянутые слова Сакудзо Ёсино можно использовать сегодня не только в отношении Японии, но и в отношении всех стран и народов Восточной Азии.

Литература

1. Най, Джозеф. Невидимые силы для победы в международной политике с помощью мягкой силы в 21 веке. (перевод Ёичи Ямаока). Изд-во Нихон Кейзай Симбун, 2004. [ジョセフ・S・ナイ (山岡洋一訳) 『ソフト・パワー——21世紀国際政治を制する見えざる力』、日本経済新聞社、2004年、26頁以降を参照されたい].
2. Хирано, Кеничиро. Теория международной культуры. Издательство Токийского Университета, 2000. [平野健一郎『国際文化論』、東京大学出版会、2000年].
3. Чжан Чжидун и др. Поощрение обучения. Изд-во Накачюкосеки, 1998 [張之洞著『勸学篇』、中州古籍出版社、1998年].
4. Кан Ювей. Полное собрание сочинений, четвертое издание. Издательство Китайского Народного университета, 2007. [康有為撰、姜義華等編校『康有為全集・第四集』、中国人民大学出版社、2007年].
5. Дипломатический архив (1898–1903). Различные материалы, связанные с китайскими студентами. Раздел военных студентов. (1898–1903) [外交史料館所蔵「在本邦清国留学生關係雜纂 陸軍學生ノ部一」 (明治

31 年—明治 36 年)。ただし、原文のカタカナをすべてひらがなに变换して、適宜句読点をつけた、以下同]。

6. Молодежная среда. Монография, 1-й том. Подготовка военных. Изд-во Мингюся, 1895. [(青年叢書第一卷) 『武備教育』、民友社、1895 年]。

7. Одзаки, Юкио. Политика в отношении Китая. Сейрин, Ичиро, и Комацу Эцудзи. Накудосю. Ёмиури синбун, 1909, стр. 1413. [尾崎行雄「对支那処分案」、清峯太郎、小松悦二編『愕堂集』、読売新聞社、1909 年、1413 頁。]。

8. Материалы Комитета по истории и архивам университета Хосей «Сборник архивных материалов университета Хосей» № 11. Специальный сборник материалов по правовому обучению иностранных студентов из империи Цин в университете Хосей», 1988, 148 стр. [法政大学史料委員会編『法政大学資料集・第 11 集 (法政大学清国留学生法政速成科特集)』、1988 年、148 頁]。

9. Цзян Фан Чжэнь. Военное и гражданское образование. В журнале «Вестник новых граждан» № 22, Архив периодических изданий, Тайвань. 1966, 47 стр. [蒋方震「軍国民之教育」『新民叢報』22 号、台湾藝文印書館、1966 年、47 頁]。

10. Аояги Ацусицунэ. Наша страна и обучение иностранных китайских студентов. Дипломатический вестник. № 122. 1908, январь. [青柳篤恒「支那留学生教育と列国」『外交時報』122 号、明治 41 (1908) 年 1 月。]。

11. Аояги Ацусицунэ. Почему китайские дети приезжают учиться в нашу страну? Вестник университета Васэда. № 141. 1906, 1 ноября. [青柳篤恒「支那の子弟は何故に我邦に遊学せざる可からざる乎」『早稲田学報』141 号、明治 39 年 11 月 1 日。]。

12. Сакудзо Ёсино. Теория японо-китайских обменов. В сб. Собрание сочинений Сакудзо Ёсино, т. 8. Изд-во Иванами. 1996. [吉野作造「日支交渉論」『吉野作造選集 8』、岩波書店、1996 年、152 頁。]。

13. Сакудзо Ёсино. Китай после третьей революции. В сб. Собрание сочинений Сакудзо Ёсино, т. 7. Изд-во Иванами. 1995. [吉野作造「第三革命後の支那」『吉野作造選集 7』、岩波書店、1995 年、168 頁。]。

14. Сакудзо Ёсино. Проблемы в отношении Китая. В сб. Собрание сочинений Сакудзо Ёсино, т. 7. Изд-во Иванами. 1995. [吉野作造「对支問題」『吉野作造選集 7』前掲、288 頁。]。

INFLUENCE OF CHINESE STUDENTS TRAINING IN JAPAN FOR THE FORMATION OF MODERN IN CHINA

Li Syaodun

Professor of the University of Shimane (Japan)

x-li@u-shimane.ac.jp

The author explores the history of teaching Chinese students in Japan in the modern era. The main stages and peculiarities of the national policy on the exchange of students of each of these countries are analyzed, the difficulties faced by foreign students in the process of implementing this educational policy are described, and the role of historical personalities who contributed to the formation of international relations between Japan and China is disclosed.

This article is the redigest version of published work.

Keywords: *Japan, China, international relations, the Sino-Japanese war, the modern era, culture, education, international students.*

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЯПОНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Габдрафикова Лилия Рамилевна

доктор исторических наук

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

bahetem@mail.ru

В статье рассматривается отношение российской провинции к Дальнему Востоку и Японии. Выделяются два периода – накануне русско-японской войны и после ее окончания. Параллельно с шовинистическими представлениями об Азии и азиатских народах в российском обществе существовал и идеализированный взгляд на Японию. Реформы Мейдзи либералы рассматривали как образец успешной модернизации и прогресса. Интерес обывателей к японской культуре активно использовался предпринимателями. Приводятся примеры коммерческих проектов с участием японцев в России. Отдельный сюжет исследования – судьба православного миссионера Коосуке Накамура, который проживал в Казани накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Япония, Китай, Дальний Восток, Сахалин, Харбин, реформы Мэйдзи, образ Японии в России, Китайско-Восточная железная дорога, русско-японская война, Казанская губерния, Казань, татары, Казанская духовная академия, православная миссия, Первая мировая война.

Дальний Восток в экономике и общественной жизни провинции накануне русско-японской войны

Контакты и взаимодействие России и Японии насчитывают несколько столетий. Но особый интерес к Стране восходящего солнца в России появился к концу XIX в. С одной стороны, это было связано с «открытием» Японии, с другой – дальневосточными интересами Российской империи. Например, будущий император Николай II одним из пунктов своего долгого, почти кругосветного, путешествия выбрал и Японию. Он посетил страну в 1891 г., был полностью очарован ею, даже неудачное покушение цесаревич воспринял с юношеской беззаботностью и быстро забыл об этом инциденте [21, с. 30–32].

С освоением дальневосточных территорий в жизни внутренних губерний России все чаще возникали задачи, связанные с этими краями. Например, с 1870-х гг. на Сахалин начали отправлять осужденных-каторжан. Через тридцать лет на острове уже сформировалось местное общество, отличавшееся национальным и географическим колоритом. Особое беспокойство в столице вызывали дети ссыльного населения. На Сахалине не было никакой социальной инфраструктуры в виде школ и приютов, а местные условия жизни, по мнению столичного общества, оказывали на подрастающее поколение негативное воздействие. К 1900 г. Обществом попечения о семьях ссыльно-каторжных на Сахалине было открыто 3 приюта, где разместили 120 детей. В 1900 г. был объявлен сбор денег на строительство новых приютов. «На Сахалине находится свыше 2 тысяч детей, почти в равной мере нуждающихся в призрении, в школьном обучении, в спасении их от ужасных растлевающих условий местной жизни», – говорилось в воззвании Общества [10, л. 3]. В Казанской губернии организацией сбора денежной помощи для сахалинских детей были заняты представители местной власти. Благотворительные средства собирались до весны 1903 г. [10, л. 28].

Если Сахалин был самым восточным рубежом империи, то китайские земли оказались в зоне российского влияния еще в XIX в. Например, первые переселенцы-татары появились на территории Китая в 1830-х гг. Среди них много было выходцев из Центральной России и Поволжья. Мусульмане оставляли свои родные места, в основном, из-за нежелания служить в царской армии [9, с. 129]. Наряду с этим предприимчивых татар привлекали и новые возможности для развития торгового дела. Например, в 1851 г. Китай и Россия заключили соглашение, согласно которому в Кульдже и Тарбагатае отменялись торговые пошлины для российских подданных. Поэтому уже в 1860-х гг. особенно много татарских эмигрантов проживало в Кульдже, большая часть семей была занята в сфере торговли [24, с. 53–54].

На рубеже XIX–XX вв., в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги, российские крестьяне, страдающие на родине от малоземелья, в поисках новых источников доходов и для улучшения своего материального положения уезжали на Дальний Восток. Они работали на лесоповалах, участвовали в строительстве железной дороги, позднее стали обслуживать ее и развивали инфра-

структуру новых станций. К началу XX в. в Харбине образовалась российская колония.

Дальневосточное направление давало крупную прибыль и солидным предпринимателям. Например, Торгово-промышленное общество Алафузовских фабрик и заводов в Казани, специализирующееся на военном обмундировании, благодаря заказам во время Боксерского восстания в Китае 1900 г., а также русско-японской войны стало одним из ведущих военно-промышленных комплексов Поволжья [5, с. 81].

Символом российской власти на восточных землях, помимо русских административных учреждений, являлись православные храмы. Поэтому во внутренних губерниях России особенно активно собирались деньги на возведение церквей. Так, в 1903 г. епископ Приамурский и Благовещенский просил у губернаторов организовать сбор финансовых средств на сооружение Благовещенского кафедрального собора и помочь «делу увековечения памяти чудного избавления г. Благовещенска от нашествия китайцев и вместе с тем спасением славы нашего дорогого Отечества в глазах неверных народов Востока» [11, л. 1]. На официальное прошение казанского губернатора об этом «добровольном» сборе откликнулись представители местных властей. Всего на строительство церкви в Благовещенске губернским населением пожертвовано около 332 рублей [11, л. 19–29]. Это было значительно больше суммы, собранной накануне на строительство детских приютов на Сахалине. Видимо, на нужды церкви население жертвовало гораздо охотнее.

Русско-японская война и российская провинция

Русско-японская война расставила новые приоритеты в жизни провинциального общества. Сразу после объявления русско-японской войны должностные лица Казанской губернии старались продемонстрировать лояльность государю, выразить свои патриотические чувства. Проводились торжественные молебны в церквях, отправлялись верноподданнические адреса императору, открывались добровольные подписки в пользу военного флота и Российского Красного Креста. Судя по всему, из-за того, что каждую семью обязали внести по 10–15 копеек в пользу военного дела, по уездам собрали внушительные, по сравнению с прежними пожертвованиями на приюты и церковь, суммы по несколько тысяч рублей [12,

л. 2]. Например, только три волости Чебоксарского уезда к 20 марта 1904 г. собрали 6428 рублей [12, л. 31 об.]. Конечно, здесь не малую роль сыграло и то, что мобилизация охватила широкие слои населения, отправлялись на фронт запасные солдаты и, по сути, жертвования адресовались своим же родным и близким.

В это время с фронта уже возвращались инвалиды, а оставшиеся без кормильцев крестьянские семьи были вынуждены выживать в новых условиях. Из-за того, что нуждающихся жертв войны было слишком много, даже благотворительные организации ограничивали свою деятельность, поскольку не могли охватить всех. Теперь приоритетной являлась помощь местному населению. Например, когда в ходе русско-японской войны Общество Китайской Восточной железной дороги г. Харбина распространило письмо о необходимости помощи местному детскому приюту, реакция казанского общества была довольно холодной. Харбинский детский приют был учрежден в конце 1903 г., содержалось в нем 35 детей до 13-летнего возраста. Общество опасалось военного наступления, поэтому готовилось к эвакуации приюта и просило принять харбинских воспитанников в приюты внутренних губерний [13, л. 1]. Вместе с детьми предлагался капитал приюта – 24 тысячи рублей. Однако в Казанской губернии на это предложение ответил лишь Ольгинский детский приют трудолюбия в г. Казани, он согласился принять не более 6 детей. Попечительство приюта оправдывалось тем, что уже приняло на себя обязательства по призрению четырех сирот «из семейств нижних чинов, умерших от ран в настоящую войну» [13, л. 6].

Обратной стороной возникшего военного конфликта на востоке империи было интернированное население вражеской страны. С начала русско-японской войны по всей территории России были собраны японские подданные для высылки за границу. 1 сентября 1904 г. из Департамента полиции МВД казанскому губернатору поступило распоряжение следующего характера: «По соглашению с Посольством Северо-Американских Соединенных Штатов, все японские подданные, находящиеся в настоящее время в Томской, Пермской и Вологодской губерниях, числом около 1000 человек, будут сосредоточены к 15 сентября в Перми, откуда они будут отправлены на пароходах в Рыбинск для следования затем по железной дороге через Вержболово (совр. Вирбалис – прим. Л.Г.) за границу». Губернатора просили организовать охрану пристаней, чтобы японцы не выходили

на берег и для ограничения доступа посторонних лиц на эти пароходы [14, л. 1]. Уже 7 сентября в Казань прибыл первый пароход, где было 707 японцев. Их конвоировали жандармские чины [14, л. 25]. 19 сентября из Перми в Казань был отправлен еще один пароход со 130-ю японскими подданными, наконец, 24 сентября последовал пароход, где разместилось 117 японцев. Причем большинство составляли женщины (87 человек), мужчин насчитывалось 22 человека. Кроме того, на пароходе было 8 детей [14, л. 49]. Уездные исправники сообщали губернатору о том, что никаких внештатных ситуаций во время прибытия данных пароходов на местах не наблюдалось.

Несмотря на эти меры по выселению японцев из страны, на территории Казанской губернии оказался один японский подданный – Константин Николаевич Сиотаро. Он проживал в Казани в доме Марусовых на Старогоршечной улице. Это был мещанский район губернского города. С 25 октября 1905 г. за японским гражданином установили негласное наблюдение полиции [15, л. 2]. Возможно, Сиотаро не подлежал депортации из-за его вероисповедания. Скорее всего, крещеные в православии иностранцы пользовались определенными льготами.

Особый взгляд на Японию

После 1905 г. Япония повысила свой авторитет на международной арене. У российских обывателей еще больше усилился интерес к этой загадочной стране. Несмотря на цензурные ограничения, в газетах время от времени появлялись сводки не только с дальневосточного фронта, но и заметки о жизни и культуре Японии. Эти статьи были, как правило, переводами из западной прессы. И даже довольно сдержанная, правая газета «Казанский телеграф» не стала исключением. Япония представлялась в них почти европейской страной, обогнавшей Россию в культурном росте [7, с. 110]. Рассуждая о причинах успехов японцев, автор газеты «Волжский листок» в 1905 г. писал: «Кроме весьма добросовестного усвоения японцами европейской науки и техники – они сделали многое еще и сами для развития их и пополнили европейский опыт своим собственным опытом» [2]. Но, как и в «Казанском телеграфе», не все статьи о Японии, готовившиеся для публикации в «Волжском листке» проходили цензорский контроль. Например, в 218-м номере газеты «Волжский листок» от 1 июля 1905 г. цензор зачеркнул материал о

японской конституции. «Ближайшее ознакомление с Японией убедило нас в том, что и в политическом отношении японский народ представляется более развитым и по своему строю более подходящим к народам Западной Европы, чем Россия. Мы только теперь и, правду говоря, в сущности, только благодаря японцам, догадались постичь недостатки нашего государственного строя, с разрешения правительства, набрались смелости говорить об учреждении особого департамента из народных представителей при Государственном совете», – отмечалось в статье [3].

В одной из публикаций нами уже была представлена общая картина татарской общественной мысли рубежа XIX–XX вв. и ориентиров развития татарско-мусульманского мира, где в качестве положительного примера умелого сочетания традиций и новаций рассматривался опыт Японии эпохи Мэйдзи [4]. Об этом писали в татарских газетах и журналах, положительный образ Японии фигурировал в художественных текстах. Татарские интеллектуалы подчеркивали исполнительность японцев и их стремление к знаниям. Некоторые татарские путешественники (Габдурашид Ибрагимов, Салихжан Урманов) публиковали свои путевые заметки о Японии.

Образ Японии, созданный татарской интеллигенцией, был довольно идеализированным. Но между тем он очень хорошо вписывался, как элемент пропаганды, в татарские публикации о возможности прогресса в восточном обществе, без слепого копирования Запада. Особенно восхищал татар «национальный дух» японского общества. Обзор русской провинциальной печати начала XX в. показывает, что татарским интеллектуалам больше импонировал образ прогрессивной Японии, созданный либеральной печатью Запада и России.

Здесь надо отметить, что такой взгляд был не типичным как для России, так и части западно-европейского общества, где присутствовал определенный снобизм по отношению к азиатам. Так называемая «японофильствующая» печать встречала резкую критику со стороны приверженцев правых взглядов. Им не нравилось сравнение России с Японией, главным образом, акцентирование внимания на либеральных победах Страны восходящего солнца: правовом порядке, свободе слова и печати [6, с. 658]. На обывательском уровне постоянно поддерживался миф о «желтой угрозе». В русской прессе постоянно фигурировал образ агрессивного соседа-азиата. Сатирические журналы использовали для визуализации врага не

только героев мужского пола, но создавали дополнительные объекты критики. Например, в 1904–1905 гг. таким сатирическим образом стали «бесстыжие гейши». Они использовались при создании карикатур, фельетонов и сатирических стихов [23, с. 155].

Коммерческий успех японской культуры в России

Несмотря на негативный идеологический фон, японская культура продолжала интересовать россиян. мода на японскую культуру зародилась еще на рубеже XIX–XX вв. В 1900-х гг. в городских домах можно было наблюдать «японский» стиль в оформлении комнат (пуфики, софы, ширмы и т.д.), большое распространение получили японские гравюры. Исследователи называют это мифологическим образом «Живописная Япония», который продолжал существовать в стране даже после начала русско-японской войны, параллельно с другим мифом о «желтой опасности» [8, с. 108].

Этот интерес к Японии по-разному использовался предпринимателями. Так, после русско-японской войны по всей России гастролировала японская труппа цирковых артистов. Рекламный буклет гласил, что многие из них в Японии служили в Цирке Микадо. Например, «придворный артист Цирка Микадо и Корейского императора» Итао-сан Ямадо. Любимцем японской и российской публики был его маленький сын Магоити. Четыре девушки выступали на сцене в роли японских гейш. Были среди артистов «прыгуны и туннелисты» братья Пари, «сыны воздуха» Манио Мияучи, Кицигросан Ямани, эквилибрист Вада-сан Ионезо, а также драматические артисты и так называемые мимисты (Содзиро-сан, Иванага Саватаро) [19, л. 76–90]. Однако их реальный статус в родной стране, вероятно, был немного иным. Иначе в поисках материального благополучия артисты не отправились бы в Россию.

По России японская труппа гастролировала под началом директора-режиссера С.И.Морозенко. В Казани они выступали с 6 августа по 10 сентября 1910 г.¹ Всего в труппе было 20 человек. Из них 11 взрослых и 9 детей от 9 до 16 лет. Среди артистов было много

¹ Надо отметить, что годом ранее – в мае 1909 г. в Казани выступал другой японский цирковой артист – Оно Окитаро. В Национальном архиве РТ сохранилась афиша этого представления.

людей с одинаковыми фамилиями Ямадо, Яmano, Исотани. Они являлись родственниками. Руководителем труппы был 45-летний Камекичи Ямада. Путешествовала с артистами 65-летняя дама Зинзо Ямадо. Все они получили визу в Одессе [19, л. 1].

Воспоминания об этих японских акробатах оставил советский артист Д.С.Альперов. Он выступал вместе с ними в Архангельске. Он упоминает 24 человека. «Среди японских артистов были прекрасные воздушные гимнасты, которые поражали даже нас, привыкших к большому мастерству. Они казались какими-то чертями, умевшими держаться за воздух и как бы ходить по нему. Был искусный жонглер-антиподист. Началось выступление японцев парадом. Артисты выходили в великолепных парчовых, тканых золотом халатах. Их представляли публике, выкрикивая их диковинные имена. (...). Основаны были номера на рискованных трюках, вызывавших у публики напряженное состояние, полное волнения. По городу артисты ходили в японских костюмах. В труппе были подростки и дети», – писал он [1]. Доходы артистов в Японии были мизерными, поэтому они решились попытать счастья в далекой России. По замечанию Дмитрия Сергеевича, вывезший цирковую труппу из Японии предприниматель Морозенко платил артистам Ямада-сана за гастролы (очевидно, за каждый город) тысячу рублей, а сам получал доход с каждого представления. «Насколько ему это было выгодно, можно судить по тому, что впоследствии он построил себе каменный дом в одном из поволжских городов», – рассуждал русский артист [1].

Уже после отъезда японской труппы из Казани, в конце сентября 1910 г. в местной полиции получили письмо из японского посольства, в котором интересовались точным адресом некоторых японских акробатов. Через месяц посольство просило передать пакет японскому подданному Ититаро Исотани, состоявшему при цирке Братьев Никитиных в Казани. Как выяснилось, родители данного артиста и его сестер, которые также гастролировали вместе с ним, никак не могли связаться с ними. Поэтому разыскивали их в России через дипломатическую миссию. Представители посольства писали о том, что родители Исотани уже в преклонном возрасте и очень беспокоятся об их будущем, просили уговорить его и сестер вернуться на родину [16, с. 12]. Но японца казанская полиция не нашла [16, с. 14]. К тому времени он уже уехал в Ростов-на-Дону [16, с. 16].

Судя по всему, японские артисты особенно молодого возраста, уехавшие в Россию в некоторых случаях против воли родителей (как в предыдущем случае), через какое-то время либо продолжали гастроли уже в составе других цирковых трупп, либо возвращались в Японию. Так, если артист Альперов упоминает о 24 японцах, казанская жандармерия зафиксировала 20 цирковых артистов, а через год на гастролях в Херсоне их было уже 18 человек [19, л. 36]. Везде за ними наблюдали органы жандармерии, однако как констатировали сами представители политической полиции, никаких «положительных результатов» это работа не дала. Японские артисты не были замечены в шпионаже [19, л. 18].

Коосуке Накамура – православный миссионер из Японии

После первой русской революции шпиономания стала основной идеей внутренней политики страны. В этих условиях вызывали подозрение даже российские подданные, а иностранцы тем более воспринимались как потенциальные шпионы. В 1911 г. казанская политическая полиция начала следить за японцем Коосуке Накамурой. К тому времени он уже целый год находился в Казани и обучался на миссионерских курсах при Спасо-Преображенском монастыре. Приехал он из Владивостока и вел в Казани тихую монастырскую жизнь. Но на одной из главных улиц города однажды его заметил сам главнокомандующий Казанским военным округом, генерал Сандецкий и тут же заподозрил в нем тайного агента [19, л. 2]. С тех пор за Накамурой установили негласное наблюдение. Интересно, что во время гастролей японских артистов цирка в Казани Накамура успел познакомиться со своими соотечественниками и вел с ними переписку [19, л. 29]. Однако казанская жандармерия до 1911 г. не была осведомлена об этом. Кроме артистов цирковой труппы, Накамура вел переписку с японскими подданными – корейцем Борисом Ивановичем Сианан и японцем Хан-Хонь Кеми. Они тоже некоторое время проживали в Казани, позднее выехали в Нижний Новгород и Самару.

Коосуке Накамура жил в России с весны 1909 г., визу он получил в Приморской области. Родился он в 1879 г. и был крещеным. На православный манер его звали Михей Иванович Накамура. Прошел обучение в Духовной семинарии [19, л. 52], его религиозным наставником был токийский архиепископ Николай (в миру

Иван Дмитриевич Касаткин, 1836–1912). Именно в его семинарии в течение пяти лет и обучался Накамура до отъезда в Россию [22, с. 14]. Вероятно, Накамура неслучайно приехал в Казань, в местную духовную академию. Его учитель – архиепископ несколько раз (в 1870, 1880 г.) бывал в Казани и был знаком с известными казанскими миссионерами Н.Н.Ильминским, Е.А.Маловым. Очевидно, результатом приезда И.Д.Касаткина в Казань стала подготовка в Духовной академии в конце 1880-х гг. японской миссии.

В 1881 г. Казанская духовная академия удостоила токийского архиепископа звания почетного члена. «Казанская духовная академия – мать миссионерства Русской церкви», – писал архиепископ Николай [17, л. 1], поэтому сюда он направил и своего талантливую ученика Накамуру.

Жандармские служащие составили словесный портрет православного японца: «... бороды не носит, усы имеет средней величины; одевается в черную тужурку, черные брюки на выпуск и носит черную шляпу». Они отмечали, что Накамура является оригинальной личностью; развитый, живой; а по политическим убеждениям сторонник конституционной монархии. На вопрос, почему он выбрал Казань, Михей Иванович отвечал, что лучше всего ознакомиться с православной миссионерской деятельностью можно только в Казани [19, л. 52 об.]. Помимо русского языка и основ религии, он изучал татарский язык. Между тем центром миссионерской деятельности являлась Казанская духовная академия. Но Коосуке Накамура в первые годы своего пребывания в Казани держался подале от этого учебного заведения. Своим собеседникам он говорил, что в монастыре чувствует себя комфортнее. «Мы люди простые, здесь проще и меньше толков», – говорил он [19, л. 53]. На курсах Накамура подружился с учителем церковно-приходской школы из соседней Симбирской губернии, чувашом Михаилом Андреевичем Крышкиным. Своим родным в Японию Коосуке отправил фотографию, где они были запечатлены вместе с Михаилом Крышкиным [19, л. 20 об.].

Тем временем казанская жандармерия развернула активную деятельность по установлению личности загадочного японца из казанского монастыря. Через розыскной пункт были отправлены сообщения о нем в самые дальние уголки империи. Жандармское полицейское управление Уссурийской железной дороги составило

список лиц с фамилией Накамура, въехавших в последнее время в Россию. Поиск усложнялся из-за того, что фамилия эта считалась достаточно распространенной среди японцев [19, л. 56]. В 1912 г. Казанское ГЖУ и Уссурийское ЖПУ сошлись во мнении, что казанский Накамура не идентифицируется с подозрительными иностранцами с аналогичной фамилией из Дальнего Востока [19, л. 63].

Интересны письма Коосуке Накамуры родным в Японию. Он подписывался Михаилом. А жену свою то называл по-японски Фусуко, то на православный манер – Марьей. Видимо, она тоже принадлежала к православной общине. В письмах неоднократно упоминается миссионерское издание «Сейкио Симпо» (Православный вестник). В далекой России Накамура скучал по «цветущей вишне» и по родным, беспокоился о здоровье матери и жены, просил ее прислать свою фотографию. В то же время он сравнивал японское лето и казанское, и находил, что в России летом очень хорошо. «В настоящее время чувствуешь здесь [себя] так хорошо, когда под сенью деревьев читаешь, невыразимо хорошая погода, во всех общественных садах массы народу, повсюду пьют чай из самоваров, пьют пиво, и все, по-видимому, от души веселятся», – писал он в одном из писем [19, л. 67]. В этот период, летом 1911 г., Накамура усиленно готовился к вступительным экзаменам в Казанскую духовную академию, называл ее даже университетом. Он переживал, что не сможет поступить, поэтому просил жену не рассказывать родным и близким о его планах хотя бы в течение трех месяцев. Японец предполагал, что при провале экзамена, он может вернуться на родину уже зимой.

Несмотря на неудовлетворительные оценки (средний балл 2,83), Коосуке Накамуру все же приняли в ряды студентов Казанской духовной академии. Решение в пользу японского подданного было принято архиепископом Казанским и Свияжским Иаковым, он обратил особое внимание на его набожность, старательность, тихое поведение и принял в монгольский отдел миссионерского отделения. Из-за того, что материальное положение у японского подданного было тяжелым, он получал стипендию Синода. Учеба давалась Накамуре нелегко, он не блистал высокими оценками. В 1914 г. из-за Первой мировой войны ему пришлось на время прервать учебу. По приглашению японского посольства в Петрограде он работал переводчиком в японском лазарете Красного Креста. «Как не неприятен был вынужденный перерыв наших занятий, однако твердо

помня долг христианина повиноваться своим законным властям и терпеливо нести возложенные на него обязанности, мы с радостью отправились на место нашего служения», – писал он об этом позднее [18, л. 2 об.]. В том же 1915 г. студентом монгольского отдела Казанской духовной академии стал еще один выпускник Духовной семинарии в Токио – Петр Давидович Уцияма [22, с. 14–15]. Однако он уже не успел окончить академию, среди выпускных работ нет его фамилии. В 1916 г. Михей Иванович Накамура, японец из Токио, все же сдал выпускные экзамены в Казанской духовной академии и был удостоен степени кандидата богословия, но без права преподавания в духовно-учебных заведениях Российской империи как иностранный подданный. В фонде Казанской духовной академии в Национальном архиве Республики Татарстан сохранилась рукопись его выпускной научной работы «Очерки истории православной миссии в Японии». Труд Накамуры включает 14 глав, хронологические рамки охватывают период с середины XVI до начала XX в. Помимо общих сведений о распространении христианской культуры на территории Японии, автор подробно описывает православные миссии в Хакодате, Токио, Киото, Сендае, Мацуяме, Санумасси, Такасимидзусси [18, л. 1].

* * *

В годы Первой мировой войны политическая и обычная полиция в России искала потенциальную угрозу уже среди выходцев из Запада. Борьба с так называемым «немецким засильем», еврейским «шпионажем» на западной границе империи являлась приоритетным направлением внутренней политики. В то же время не забывали и о восточных окраинах империи, в том числе о «желтой угрозе». Например, летом 1914 г. под надзор казанской полиции попали 27 китайцев, проживавших в «Оренбургских номерах». Занимались они в Казани продажей шелка. Но при этом постоянно расспрашивали местных жителей о расположении городов, шоссежных дорог, за какое время можно пройти пешком от одного пункта до другого, где мосты и какие. Поэтому китайских торговцев заподозрили в шпионаже в пользу Германии [20, л. 5]. После обыска их номеров, 8 человек были задержаны в полицейской части, а затем отправлены в Казанскую губернскую тюрьму. Остальные 16 человек были отпущены в свои номера, под наблюдение полиции. Но уже через не-

сколько дней тоже заключены под стражу [20, л. 7]. При обыске ничего подозрительного не нашли, если не считать фотокарточку с изображением двух китайцев в военной форме.

Судя по всему, служащие жандармерии не случайно заинтересовались китайскими торговцами, из 27 человек в первую очередь обратил на себя внимание некий Син-Шу-Пин, который прекрасно владел русским языком, жил в номере один, чисто одевался, располагал деньгами и мало интересовался торговлей. В коллективе он был лидером. Однако он выбыл из Казани еще до ареста товарищей [20, л. 23]. При этом никто из арестованных не признался (или не знал) куда он уехал. К концу 1914 г. остальные китайцы были высланы за территорию Казанской губернии [20, л. 91].

Таким образом, в начале XX века вопросы, связанные с Дальним Востоком и Японией, периодически возникали в общественной жизни Казани и губернии. Если до войны с Японией имперские задачи страны скрывались под видом социальных программ и православного миссионерства, то с 1904 г. благотворительная помощь Дальнему Востоку была напрямую связана с военными нуждами России. Именно в годы войны усилилась пропаганда восточной угрозы в печати, а пребывание японских подданных в России в 1910-х гг. сопровождалось негласным наблюдением за их жизнью политической полицией. Несмотря на неоднократные подозрения японцев и китайцев в шпионаже, и даже случаи их ареста, казанской жандармерии не удалось представить достаточно аргументов в пользу данных версий и доказать это.

Литература

1. Альперов Д.С. На арене старого цирка. М.: Гослитиздат, 1936. [Электронный ресурс] <http://www.ruscircus.ru/alper13> (Дата обращения: 30.06.2016 г.)
2. Волжский листок. – 1905. – № 203. – 12 июня.
3. Волжский листок. – 1905. – № 218. – 1 июля. Цензорский экземпляр.
4. Габдрафикова Л.Р. Образ Японии в восприятии татар начала XX века // Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 80-летию мечети в г. Кобе (Токио-Мацуэ, 19, 23 октября 2015 г.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – С.24–32.

5. Габдрафикова Л.Р., Измайлов Б.И., Салихов Р.Р. Фирма Алафузова (вторая половина XIX – начало XX века): промышленная история России. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 276 с.
6. Денисов Я.А. Мнимые причины японских успехов (несколько образований по поводу русско-японской войны) // Мирный труд. – 1905. – Т. 3. – С. 147; В.Ш. Иностранцы о России // Исторический вестник. – 1905. – Т. 99. – С. 658.
7. Зайцев В.А. С. Роль цензуры в освещении русско-японской войны газетой «Казанский телеграф» (1904–1905 гг.) // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150. – Кн. 1. – С. 107–112.
8. Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996. – 184 с.
9. Мы из Китая. Сборник воспоминаний. – Алматы, 1999. – 164 с.
10. Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф.1. Оп.4. Д.88.
11. НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1017.
12. НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1380.
13. НА РТ. Ф.1. Оп.4. Д.1749.
14. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.259.
15. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.350.
16. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.657.
17. НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д.10974.
18. НА РТ. Ф.10. Оп.2. Д.1275.
19. НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.777.
20. НА РТ. Ф. 199. Оп.1. Д. 985.
21. Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 421 с.
22. Успенский В.Л. Монголоведение в Казанской духовной академии // Монголика-III / Сост. И.В.Кульганек, отв. ред. С.Г.Кляшторный. – СПб.: Фарн, 1994. – С. 11–17.
23. Филиппова Т. О «бесстыжих гейшах» и «чайных домиках». Образы вражды в отечественной сатире эпохи русско-японской войны 1904–1905 годов // Родина. – 2012. – № 10. – С. 155–157.
24. Хамамото М. Связующая роль татарских купцов Волго-Уральского региона в Центральной Евразии: звено «Шелкового пути Нового времени» (вторая половина XVIII – XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII–XX вв. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 39–58.

**THE FAR EAST AND JAPAN IN THE SOCIAL LIFE OF
THE PROVINCE OF RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY
(THE CASE OF KAZAN PROVINCE)**

Gabdrāfikova Liliya Ramilevna
Doctor of Historical sciences
Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
bahetem@mail.ru

Subject article is the relationship the Russian province towards the Far East and Japan. There are two periods: before the Russian-Japanese War and after its end. There was chauvinistic opinions about Japan in Russia and West, but, with it, was else an idealized image of Japan. Liberals evaluated Meiji reforms as an example of successful modernization and progress. The interest of ordinary people to Japanese culture was used extensively by entrepreneurs. The article gives examples of commercial projects with participation of Japanese in Russia. A separate story of the research is the fate of the Orthodox missionary Koosuke Nakamura, who lived in Kazan on the eve of the World War I.

Keywords: *Japan, China, the Far East, Sakhalin, Harbin, the Meiji reforms, the Image of Japan in Russia, the Chinese Eastern Railway, Russian-Japanese War, the Kazan province, Kazan Tatars, Kazan Theological Academy, the Orthodox Christianity mission, World War I.*

ПРЕДПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ КНИГ ПО ИСТОРИИ МОДЕРНОЙ МОНГОЛИИ: КАКИМ ОБРАЗОМ БУРЯТСКИЕ ИСТОРИКИ ИЗЛОЖИЛИ НЕОЖИДАННУЮ ВСТРЕЧУ С РОССИЕЙ?

Иноуэ Осаму
профессор Университета
префектуры Симанэ (Япония)
os-inoue@u-shimane.ac.jp

Автор статьи, основываясь на различных исторических источниках, проводит детальный анализ истории бурят. Он пытается понять: было ли вхождение бурят в состав Российской империи мирным или завоевательным, чем было обусловлено стремление бурят находиться под контролем России, как выглядела политика русских правителей по отношению к бурятскому обществу.

Ключевые слова: буряты, история, Монголия, Россия, Богдо-хан, Цыбен Жамцарано, Тугулдэр Тобоев, Вандан Юмсунов.

1. Цели и предпосылки: монгольская модернизация и буряты

Я бы хотел проанализировать деятельность по составлению национальной истории современной Монголии, которая осуществляется сейчас, – Монголии, которая хотя в начале XX века получила независимость, но оказалась сначала под сильным влиянием советского социализма, а потом в качестве демократического государства стала склоняться к национализму.

Однако, выбрав темой исследования данный вопрос, я хотел бы рассмотреть пока только проблему одной предпосылки. Это проблема существования истории бурят. Буряты – это народность, проживающая в северной части современной Монголии (Монгол Улус) на границе с Россией, а также на российской территории, в основном в Республике Бурятия. Часть бурят проживает также во Внутренней Монголии Китайской Народной Республики, и данная народность использует язык монгольского происхождения. Буряты взрастили из избранной части своего народа бурятскую интеллигенцию с момента вхождения под контроль Российской империи, приняв российскую

имперскую систему образования. Известно, что именно эта бурятская интеллигенция внесла большой вклад в строительство национального государства в современной Монголии.

Когда я говорю о «Монголии» и «монгольской модернизации», то не разделяю этих терминов, однако в действительности необходимо объяснить, что понимается под «монгольской модернизацией» и какой регион мы называем «монгольским».

Я бы хотел использовать термин «монгольский» для обозначения современного национального государства «Монголия», то есть «Внешняя Монголия».

Поясню, что подразумеваю под термином «монгольская модернизация». В Японии есть широко известные термины для понятия модернизации – «индустриализация и строительство национального государства» и «капиталистическое общество после феодального общества». Однако думается, что эти понятия не применимы к Монголии. Конечно, начавшаяся в XIX веке вестернизация вызвала в Азии реакцию, которая оказала на нее сильное влияние. Но я чувствую сопротивление для того, чтобы принять некритически пассивную теорию модернизации в Азии.

В результате Синьхайской революции, вспыхнувшей в 1911 г., князя и ламы внешней Монголии, которая смогла выйти из-под феодального господства Цинской династии, перевоплощенного ламу Джебцундамба Хутукту VIII (the 8th Jebtsundamba Khutuktu) короновали в монархи с титулом «богдо-хана» и создали таким образом национальный общественный монархический строй. Этот строй назван «богдо-ханский». В качестве суверенного государства он не был широко признан на международной арене, но Кяхтинским договором, подписанным Россией, Китаем и Монголией в 1915 г., был признан как самостоятельное автономное административное образование «внешняя Монголия» под протекторатом Китайской Республики. Воспользовавшись Русской революцией 1917 г., Китай, для восстановления Внешней Монголии вторгшийся в 1919 г. на ее территорию, прекратил существование автономного государственного образования, однако в октябре 1920 г. бежавшие сюда под натиском Красной Армии войска Белой Армии под предводительством Унгерна-Штернберга смогли восстановить режим «богдо-хана».

Однако войска Унгерна действовали с насилием в столице Монголии Хурээ (Khüree), что вызвало неприятие со стороны монгол. В 1920 г. монгольские националисты и социалисты объединились и создали Монгольскую народную партию (впоследствии – Монгольскую народную революционную партию), и попросили помощи у Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В ответ на это Красная Армия и силы Дальневосточной республики вошли в Монголию, заставив бежать Белую армию, и создали народное правительство во главе с Богдо-ханом в июле 1921 г., которое стало самостоятельным монархическим государством под сильным влиянием СССР. С 1911 по 1924 гг. строй Богдо-хана, который до этого времени в Монголии вообще отсутствовал, был монархией, ставящей целью адаптацию европейской модели государства, например, осуществлялась подготовка конституции, издание газет, формирование системы школьного образования и двухпалатной системы парламента. После смерти Богдо-хана в 1924 г. народное правительство ликвидировало монархию, преобразовав её в народную республику и создав Монгольскую Народную Республику. За это время Монголия не прошла опыт капитализма. В качестве государственной идеологии в стране выступал социализм, пришедший из Европы, и была принята социалистическая конституция, а индустриализация проводилась в основном в легкой промышленности и коллективизация – в социалистическом сельском хозяйстве. Во второй половине 1980-х гг. в Монголию тоже пришла волна советской перестройки, здесь усилились демократические движения, и в 1990 г. распался однопартийный режим Монгольской народной революционной партии, а в 1992 г. Монгольская Народная Республика была преобразована в государство Монголия, которое приняло новую Конституцию, полностью освободившись от социализма. И это Монгольское государство существует до сих пор.

С момента начала монгольского движения независимости в 1911 г. от феодального господства династии Цин монархия Богдо-хана привела страну к нынешней демократии через социализм. Учитывая тот факт, что современное развитие Монголии рассматривается только с 1911 г. и до периода падения в 1924 г. Богдо-хана как эпоха, которая способствовала развитию модернизации, а затем через современный социалистический период дошла до 1992 г., бы-

ло бы уместно сказать, что фактов модернизации в Монголии не очень заметно.

В начальный период модернизации, то есть в период правления Богдо-хана, бурят с российским гражданством, Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1881–1942), родившийся в поселке Судунтуй Агинского района Забайкальского края, работал с 1911 г. министром иностранных дел, получив назначение от Богдо-хана. Затем Жамцарано, не связывая монгольское движение за независимость с Россией, заключил упомянутый выше Кяхтинский договор в 1915 г., а с 1913 г. выпускал газеты «Новое зеркало» (Shinetoli) и «Свободная столичная газета» (Niislel Huree sonin bichig). После Русской революции он вошел в монгольское движение, став членом Коминтерна, участвовал в написании устава Монгольской народной партии, являлся лидером в академических исследованиях Монгольской Народной республики, был причастен к созданию научной комиссии, предшественницы монгольской Академии наук, и к переводам классических книг. Деятельность Жамцарано была связана с переносом, распространением базовых академических знаний, которых до сих пор не было в Монголии, из России и Советского Союза, с созданием той системы образования, которой он сам обучался в Санкт-Петербурге, столице Российской империи в подростковом возрасте, и со стремлением ввести эту систему образования в освобожденной от Цинской империи Монголии. Он думал о том, чтобы в полученные им самим знания внести новое знание.

Если говорить об истории, которая является предметом данной статьи, это написанная Жамцарано в период между 1916 и 1917 гг. «История Монгольского государства» (The History of Mongol Uls) [2]. Основной особенностью исторического описания монголов до этого были повествования о происхождении монгол, истории о буддизме, пришедшем в Монголию через Тибет из Индии, истории о предках Чингисхана до конца существования большого ханства чингизидов в Монголии, о генеалогии и биографии монгольских царей и князей из аристократии династии Цин. История, написанная в период жизни Богдо-хана, была историей о периоде династии Цинского господства. «История Монголии, дарованная Императором» была написана в 1919 г. Хотя здесь смоделированы генеалогия и биографии царей и князей периода эпохи Цин, она не может рас-

сматриваться как история периода модернизации, так как метод исторического описания у нее прежний, описательный.

Однако написанная Жамцарано «История Монголии (История монгольского улуса)» – это история народов, которые с древних времен взаимодействовали на монгольском плато, история о том, как Чингисхан создал свою империю, это и история создания династии Юань, и последующая часть со времени основания династии Юань [3]. В частности, есть части, рассказывающие об истории Чингисхана и имперской истории династии Юань, об активности монгольской армии в Средней Азии, Европе, об экспедиции в Иран, о потомках Чингисхана и производных от монгольского государства ханствах – Кипчакском ханстве (Золотая Орда), Чагатайском ханстве (Чагатайский улус), существует также упоминание об Ильском ханстве (государстве Хулагуидов).

Современные монгольские историки написали историю после 1927 г., не прибегая к описанию истории династии Цин, то есть только о периоде после Народной Революции. Особенно в написанной А.Амаром (1887–1940) в 1934 г. «Краткой истории монгол» изложены данные о появлении монгол, их история от хуннов до эпохи Цзинь, история предков Чингисхана и история о Чингисхане [1]. И эти части книги в целом похожи на историческое повествование Жамцарано.

И здесь меня заинтересовал еще один момент. Жамцарано был человеком, рожденным и воспитанным в царской России, он стал советским человеком и был бурятом, не стремящимся к независимости. И такой человек написал историю страны, стремящейся в период Цин освободиться от контроля и идущей к собственной независимости. Как понять историю бурят, которые не смогли стать самостоятельными, как понять их близкие отношения с Россией и их стремление быть под контролем России? Не был ли в это время создан исторический взгляд, определяющий, с одной стороны, освобождение от Цинской империи, и с другой стороны, определяющий зависимость от России? Об этом я хочу порассуждать в данной статье и немного проанализировать историю, созданную бурятскими историками.

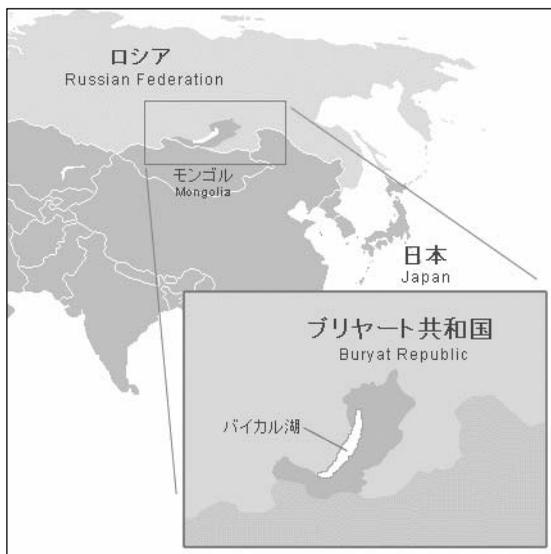
2. Исторический дискурс бурят

Говоря об историческом дискурсе бурят, широко известен труд в 9–10 редакциях под названием «Бурятские летописи» на русском

языке, или «Бурядай түүхэ бэшэгүүд» на бурятском языке. Предшественников данной работы и их авторов можно легко определить. Это, например, работа 1863 г. Тугулдэр Тобоева под названием «Прошлая история хоринских и агинских бурят» [5]. Есть работа 1887 г. «История перекочевки в Баргузин», написанная Цэдэбжаб Сахаровым [5]. С какого момента бурятские историки стали писать о своей истории на бурятском языке? Это было во второй половине XIX века, когда в 1881 г. появилась работа Жамцарано «История бурят». Я проведу небольшой анализ, основываясь на работах Тугулдэра Тобоева «Прошлая история хоринских и агинских бурят» (1863) [5]. «Хоринские» и «агинские» обозначают представителей народностей, создавших единый бурятский народ.

Посмотрите на карты, представленные ниже, они взяты в свободном доступе в интернете. Первая карта – положение современной Республики Бурятия. Представители Татарстана хорошо её знают. Вторая карта показывает положение бурятского народа в начале XVII века. Красным четырехугольником выделены «хори», красной линией отмечены «булагаты» (буряты) и «эхириты» – названия двух бурятских народностей. Места проживания бурятов в начале XVII века входили в состав территории Российской империи. На третьей карте выделен г. Нерчинск в связи с хорошо известным Нерчинским договором. Договор был заключен между Цинской империей и царской Россией в 1869 г. в городе Нерчинск на востоке от Байкала и определил государственные границы между странами. Благодаря этому договору, места, где проживали буряты, попали на территорию со стороны российской границы, и по расположению города Нерчинска это можно легко понять. В книге советского ученого Ф.А.Кудрявцева «История бурят-монгольского народа» [4, с. 39–60] история бурят в период с 1625 до 1689 гг. называется «завоеванием бурятской земли», то есть о процессе вхождения бурят в пределы царской России можно сказать, что в действительности он не был мирным.

Перейдем к рассказу о книге Тугулдэр Тобоева «Прошлая история хоринских и агинских бурят». По определенным причинам, о которых я упоминал, Тугулдэр Тобоев в своей книге не смог сделать детального анализа. Однако можно убедиться в том, каким образом оценивается и выражается процесс встречи россиян с бурятами на примере двух книг Тугулдэр Тобоева и Кудрявцева.

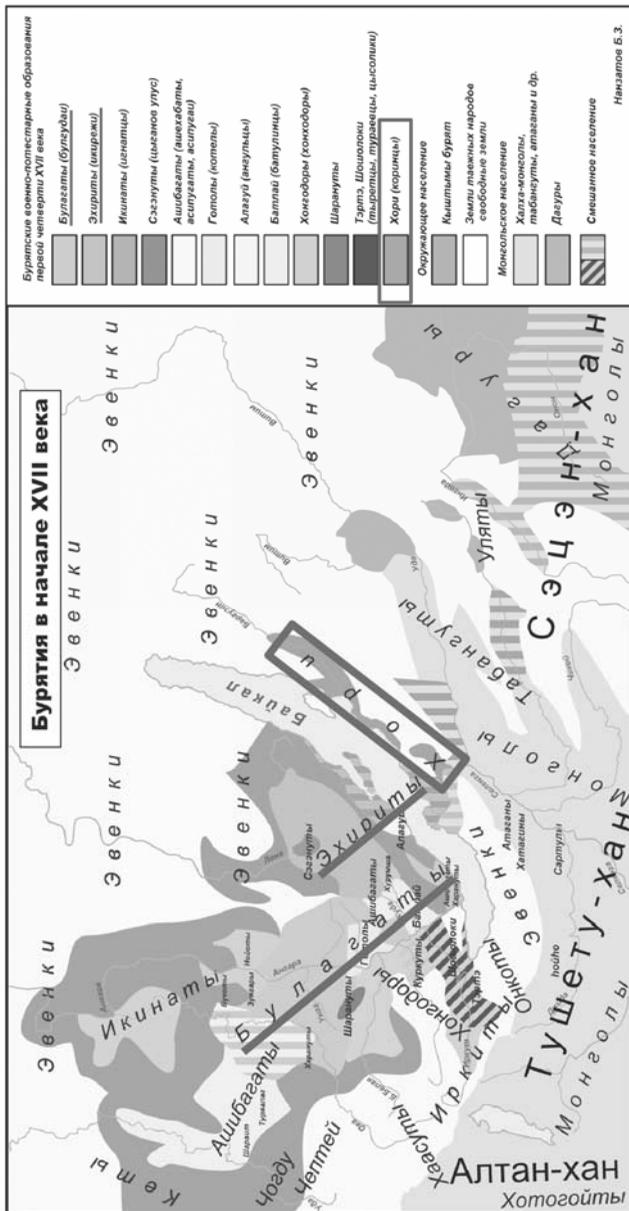

Карта 1. Республика Бурятия
(https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b6/Buryat_Republic.png)

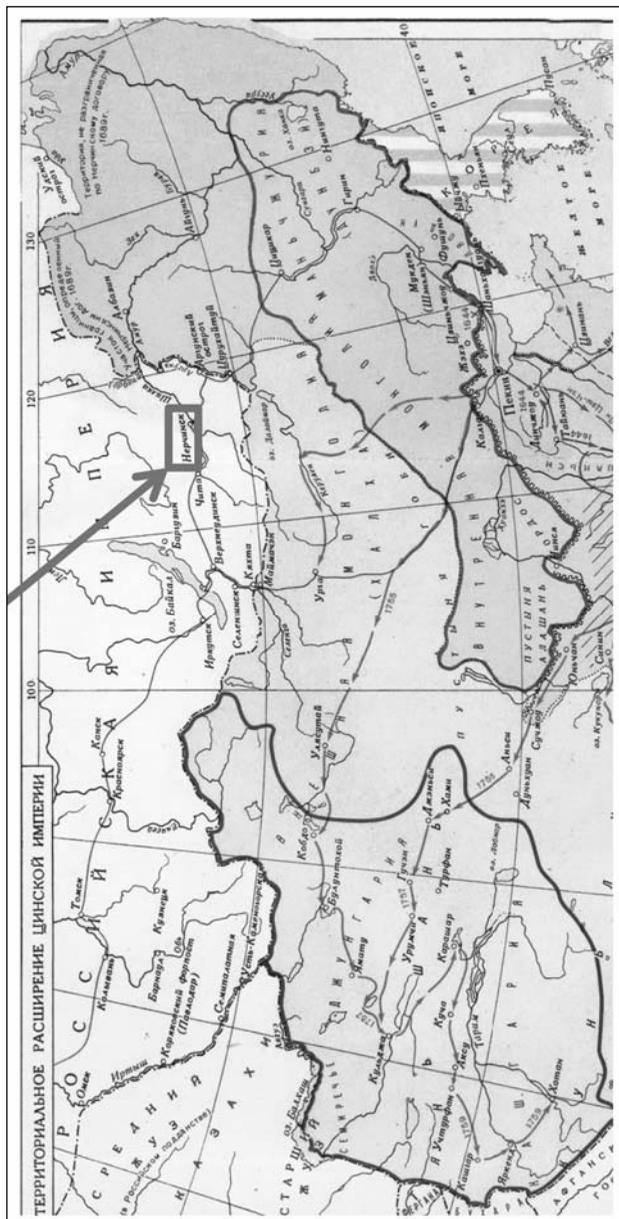
Начнем с Тугулдэр Тобоева и посмотрим, о чем писал он. Японский перевод сделан напрямую с бурятских текстов.

[Прошлая история хоринских и агинских бурят. Они отделились от монгольского народа, находящегося в ведении богдо-хана великой и высочайшей цинской династии, и подчинились власти его величества государя императора, самодержца российского]. [5, с. 5; 2, с. 5].

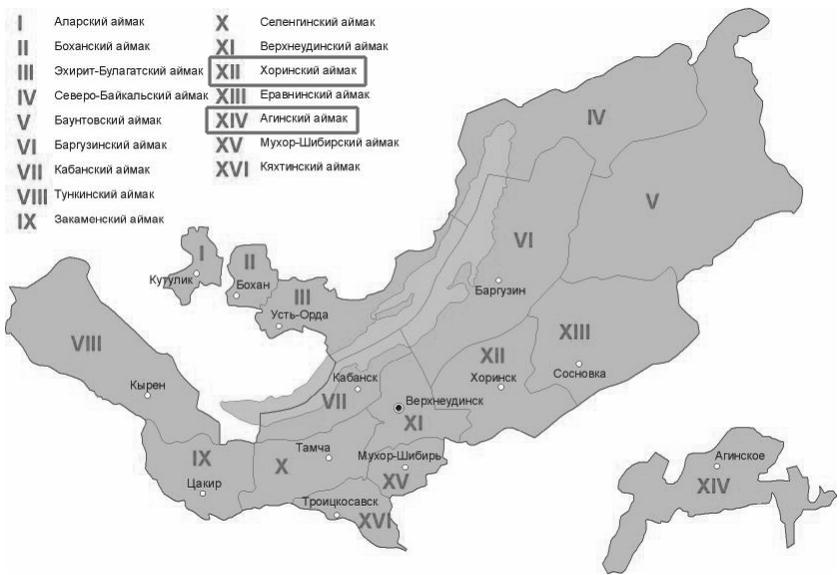
В этой части раскрывается, как племена хори и аги, отделившись от монгол, находящихся под управлением Цинской империи, вошли под контроль Российской империи. Здесь описывается, как хоринские и агинские буряты настаивали на том, чтобы отделиться от монгол. Утверждается, что несмотря на то, что их происхождение исходит от монгол, отделившиеся от монгол племена являются хоринскими и агинскими бурятами. И снова выражая уважение к российскому императору, настаивается на том, что состоялось вхождение под его контроль. Здесь слово «завоевание (покорение)» в тексте совсем не используется.

Карта 2. Бурятия в начале XII в.

Карта 3. Город Нерчинск

Карта 4. Бурят-Монгольская АССР в 1925 г.
 (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/31/Buryat-Mongol_ASSR_in_1925.jpg)

Карта 5. Бурят-Монгольская АССР в 1929 г. (фрагмент карты
https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/7/71/USSR_map_Asia.jpg/1280px-USSR_map_Asia.jpg)

В следующем отрывке описывается процесс миграции хоринских и агинских бурят, отделившихся от монгол, в район озера Байкал. В этой части в содержании находится много информации, соответствующей легендам. В этой части описано то, как хоринские и агинские буряты снова и снова переезжали с места на место, пытались убежать от монгольских преследователей, и в результате переезда, связанного с борьбой с ранее переехавшими в эти места племенами, окончательно обосновались в районе озера Байкал, расположенного на севере Монголии.

Этим заканчивается повествование, согласно преданию.

Таким образом, став подданными Нерчинского региона, попросив благосклонности высокопочитаемого царя Алексея Михайловича и подсчитав количество способных людей, названных в тексте «160 колчанов», с 1648 г. они начали вносить налог по 20 копеек с человека и стали жить спокойно.

[Тем временем, полагаясь на милость его величества белого царя, государя Алексея Михайловича, они причислились к Нерчинскому округу и стали подданными. Начиная с 1648 г. по русскому летоисчислению они произвели подсчет зажиточным людям своим и стали вносить по 20 копеек подушной, как сто шестьдесят колчанов, и стали жить спокойно.]. [5, с. 9–10; 2, с. 8].

Из вышесказанного понятно, что Тугулдэр Тобоев утверждает, что хоринские и агинские буряты стали жить спокойно, став отдельными подданными, самостоятельно войдя под протекцию Алексея Михайловича, оплачивая налог в Нерчинский округ, и, коротко говоря, что хоринские и агинские буряты мирно вошли под контроль России.

В тексте у Ф.А. Кудрявцева конфликт с Россией совсем не упоминается [4].

Продолжая вышеизложенное, Тугулдэр Тобоев пишет следующее.

В это время живущие рядом русские люди стали отнимать земли [у хоринских и агинских бурят]. Скот бурят, проникавший на неогражденные поля и пастбища этих (русских) людей, отлавливался ими и запирался. Захватывались и уводились дети и жены некоторых [бурят]. Часть [бурят] скидывалась в воду. В качестве заложников забирались и удерживались в Итанцинской крепости дети

[бурят] до выплаты налога за будущий год. По этим неподобающим причинам возникли проблемы, а имущество и количество скота стало уменьшаться. Поэтому по одному представителю от каждого из 11 родов во главе с хоринским зайсаном Баданом Туракиным были отправлены в Москву. Они обратились с прошением к высокочтимому государю, хану Петру I, который [хан Петр] выразил высокую милость [бурятам]. И 22 марта 1703 года он подписал свидетельство-указ, согласно которому запрещал вышесказанное насилие русских людей. А также приказал незаселенные земли до границы с Монголией вдоль по рекам Селенга, Уда, Ана, Кудун, Тугнуй, Курба и Хилок отдать во владение хоринским бурятам, и отдать под Нерчинское управление Еравнинскую крепость, находящуюся во владении Итанцинской крепости.

[Тем временем жившие поблизости русские стали отнимать находившиеся в их владении земли. Они оставляли свои поля и покосы неогражденными и захватывали проникавший на них бурятский скот и запирали его, вследствие чего он томился от жажды и тощал. Они уводили и захватывали даже жен и детей одних, а других бросали в воду и забирали в качестве аманата сыновей их в Итанцинский острог на срок, пока не уплатят подати за будущий год. По этим причинам и вследствие других беззаконий они сильно страдали. Вследствие того, что они стали терпеть нужду в скоте и имуществе, они отправили во главе с хоринским зайсаном (галзутского рода), Бадан Туракиным по одному родичу от одиннадцати родов в Москву. Когда они обратились с прошением к его величеству государю императору Петру I, он оказал великую милость и дал 22 марта 1703 года грамоту-указ. Он строго запретил вышеуказанные дурные насильственные действия русских и приказал, чтобы хоринские буряты владели находившимися во владении землями по рекам Селенга, Уда, Ана, Кудун, Тугнуй, Курба и Хилок и, кроме того, до границ Монголии и чтобы находившиеся в ведении Итанцинского острога причислились к Еравнинскому острогу и были в Нерчинском ведомстве]. [5, с. 10; 2, с. 8].

Тугулдэр Тобоев, разумеется, пишет о неприглядных делах, произведенных русскими в отношении бурят. И также описывает подачу прошения российскому императору Петру I посланных в Москву представителей бурят, запрет русским осуществлять на-

насилственные действия, введенный указом Петра I, а также закрепление мест для проживания бурят и перенос места принадлежности. Таким образом, в содержании выражается похвала Петру I за то, что насилственные действия русских были прекращены и места для проживания бурят определены.

Итак, причиной, по которой хоринские буряты стали жить счастливо, облагодетельствованные любовью российского императора Петра I, к которому они с просьбой и обратились, Тугулдэр Тобоев считает отношения между Российской империей и самими бурятами. Ниже приведем цитату, несмотря на то, что она длинная.

С этого времени и до обозначения границы друг за другом приходили из Монголии буддистские ламы и простолюдины, присоединяясь и живя вместе с хоринскими бурятами, таким образом увеличивая «население». В то время пришел из Монголии и Хабанши Хундын, поселившийся рядом с племенем хоринских бурят у озера Байкал. Когда в 1705 году посланник Петра I и полковник Петр Саввич Скрипицын прибыл для осмотра пастбищ, инспектируя земли, Хабанши вместе с ним путешествовал и показывал земли. Множество услуг оказал посланнику по дороге, за что, по письму воеводы Головина, получил льготы по налогам в соответствии с указом, подписанным высочайшим лицом (российским императором). Сын Хабанши, Хидан, стал зайсаном (название правителя у бурят) восточно-хуацайского рода. Сын Хидана стал зайсаном Дахи. Его сын стал Хадун зайсаном. Сын Хадуна – Мунхэ. Сын Мунхэ – Тоба. Сын Тоба – Тугулдэр. Тугулдэр сначала с 1814 года работал писарем Агинского зайсана. С 1816 года стал писарем Мирской избы (название административного территориально-сельского центра). С 1819 года он стал зайсаном восточно-хуацайского рода. В 1832 году он стал главным зайсаном. В 1830 году он стал представителем Агинской инородческой управы. В 1839 году он был главой, и в то время, когда была учреждена Агинская степная дума, стал её председателем. В 1842 году он был утвержден в должности второго тайши (название главного правителя бурят).

Начиная с 1848 года, он был корреспондентом императорского Вольного Экономического Общества. За старательность в службе в 1849 году от высочайшего имени (от императора) была вручена награда в виде серебряного кортика. В 1854 году вследствие того, что он исполнял свою службу старательно и приложил усердие в земле-

делии, ему была высочайше пожалована награда – серебряная медаль на анненской ленте. В 1857 году ему был высочайше (от имени императора) присвоен чин первого класса – коллежского регистратора. За доставку каменного угля, 29 декабря 1858 года ему через начальника штаба была объявлена благодарность светлейшего князя генерал-губернатора Восточной Сибири. 10 января 1859 года он был назначен главным тайшей агинских родов. Грамотой от 22 ноября 1858 года он был высочайше (от имени императора) произведен в кавалеры ордена Станислава третьей степени за хорошую службу и удостоверение ордена. За то, что он составил проект сооружения сенохранилищ, от 21 марта 1859 года получил благодарность от совета императорского Вольного Экономического Общества. В 1860 году он высочайшим указом (от имени императора) удостоился двухсот рублей серебром за то, что старательно исполнял свои обязанности. Кроме того, он получал ежегодно благодарности от высшего начальства за неукоснительность в обязанностях и различных делах.

[Они разбогатели скотом и стали богаты потомством. После этого, до того как были поставлены пограничные вежи, из Монголии прибывали в течение ряда поколений ламы и простолюдины. Благодаря тому, что они присоединились к хоринским бурятам, количество их увеличилось и их стало еще больше. В это время прибыл вместе с ними из Монголии некто, по имени Хабанши Хундын, и присоединился с хоринскими родами. Тем временем, как он проживал вблизи Байкала, в 1705 году пожаловал для обозрения местности и исследования кочевий стольник и полковник Петр Саввич Скрипицын. Тот Хабанши служил ему проводником, разъезжая при нем. В благодарность за то, что он оказал ему в пути следования различные услуги, он получил, по представлению воеводы Головина, высочайше пожалованной грамотой льготы по податям, а также и по другим повинностям. Сын этого Хабанши – Хидан, и он был зайсаном восточно-хуацайского рода. Сын Хидана – Дахи зайсан. Его сын – Хадун зайсан. Его сын – Мунхэ. Его сын – Тоба. Сын Тобы – Тугулдэр. Этот был сперва в 1814 году писарем главного агинского зайсана, с 1816 года он был писарем при Агинской мирской избе, а с 1819 года он стал зайсаном восточно-хуацайского рода. В 1832 году он стал главным зайсаном. В 1830 году он стал выборным Агинской инородческой управы. В 1839 году он был головой, и тем

временем, когда была утверждена Агинская степная дума, он стал председателем. В 1842 году он был утвержден в должности второго тайши. Начиная с 1848 года, он стал корреспондентом императорского Вольного Экономического Общества. Так как он был усерден в службе, ему в 1849 году была высочайше пожалована награда в виде серебряного кортика. Вследствие того, что он исполнял свою службу с усердием и приложил старание в земледелии, ему в 1854 году была высочайше пожалована награда – серебряная медаль на анненской ленте. В 1857 году, ему был высочайше пожалован чин первого класса – коллежского регистратора. За то, что он доставил каменный уголь, 29 декабря 1858 года ему была через начальника штаба объявлена благодарность светлейшего князя генерал-губернатора Восточной Сибири. Января 10 дня 1859 года он был утвержден главным тайшей агинских родов. Грамотой от 22 ноября 1858 года он был высочайше произведен в кавалеры ордена Станислава третьей степени за то, что исполнял хорошо службу, и был милостиво удостоен орденового знака. За то, что он составил проект сооружения сенохранилищ, от 21 марта 1859 года получил благодарность от совета императорского Вольного Экономического Общества. В 1860 году он высочайшим указом удостоился двухсот рублей серебром за то, что постоянно исполнял дела с усердием. Кроме того, он получает ежегодно благодарности от высшего начальства за неукоснительность в податях, повинностях, а также различных прочих казенных делах]. [5, с. 11–12; 2, с. 8–9].

Таким образом, Тугулдэр Тобоев пишет о том, что Хабанши Хундын участвовал в инспекторской поездке Петра Саввича Скрипицына в 1705 году, за что и получил благодарность императора и льготы по повинностям и другие. С этого момента начала отношений с российским императором, сыновья Хабанши начинают нести обязанности администраторов рода как зайсаны. Автор текста Тугулдэр Тобоев был сам высокопоставленным управленцем внутри агинско-бурятского общества, достигнув самой высокой позиции тайша, и, начиная с работы писарем агинского зайсана и представителя совета инородческого управления Российской империи, главы степной думы, учрежденной Российской империей и т.д., занимал должности в Российской империи, за что удостоивался благодарности императора. Коротко говоря, можно сказать, что восхищение

российским императором со стороны Тугулдэра Тобоева происходило из вполне понятной причины того, что он сам был высокопоставленным чиновником, обласканным российским императором.

Следующее из текста Тугулдэра Тобоева о том, написано ли что-то о «столкновениях» или «конфликтах» хори-агинских бурят с Россией, хотелось бы изложить коротко. Не пользуясь особыми методами, просто читаем об отношении Российской империи к хори-агинским бурятам.

Прочитируем те места, где, на наш взгляд, можно прочесть о возможности вмешательства Российской империи во внутренний порядок хори-агинских бурят.

В те времена, когда правили величественный император Петр II и маньчжурский император Канси, в 1727 году советник третьей категории и обладатель множества орденов Савва Владиславович Илирийский (Рагузинский) вместе с китайскими чиновниками сделал размежевание земель от Кяхты до истоков реки Аргуни, до земель хун-тайши. Вследствие того, что тогда хоринский зайсан Шодо Болториг и другие верноподданные оказали помощь в необходимых делах и с подводами, указом Петра II (хана) от 4 июня 1729 года зайсан Шодо был произведен в тайши. И поэтому его братья и дети были освобождены от повинностей. Сам тайша Шодо и его потомки, обласканные (российским императором), удостоились ежегодного жалованья в 20 рублей из Кяхтинской казны. С этого времени среди хоринских бурят управлять стала аристократия под названием «тайша».

[Между тем во времена маньчжурского императора Канси и его величества государя императора российского Петра II, в 1727 году, господин тайный советник и кавалер разных орденов граф Илирийский, Савва Владиславович, вместе с китайскими сановниками произвел размежевание российских и китайских земель от Кяхты до истоков Аргуни и оттуда до земель хун-тайши и поставил пограничные вехи. Тогда хоринским зайсаном Шодо Болторигой, вместе с прочими верноподданными, было приложено усердие и оказано содействие подводами, а также в других делах. Вследствие этого патентом, утвержденным императором Петром II 4 июня 1729 года, тот зайсан Шодо был произведен в тайши. Братья того тайши Шодо и дети его были освобождены от уплаты в казну податей, и тот

тайша Шодо и наследники его были удостоены ежегодным жалованием в двадцать рублей от доходов Кяхты. Начиная отсюда, среди хоринских бурят стали править нойоны под названием «тайша»]. [5, с. 12–13; 2, с. 9–10].

Потому что в 1727 году, во время утверждения границы между Россией и Цинской империей, хоринский зайсан Шодо оказал серьезную помощь «людям, имеющим другое доверие (есть вероятность включения смысла «другая лояльность», «другая религия»)), Петр II сделал Шодо тайшей и дал Шодо и его сыновьям, их детям особое право не платить налоги, а также назначил жалование. В тексте написано, что это стало для него шансом занять самую высокую позицию «тайша» в обществе хоринских бурят. Как уже известно, у монгол традиционное название для самой высокой позиции в обществе – «хан» (хаан), и стать ханом могут только кровные потомки по мужской линии от Чингисхана. В хори-агинском бурятском обществе можно было достигнуть традиционно национальной позиции «зайсана» даже без принадлежности к традиционно элитному монгольскому роду. К тому же здесь звание человека, занявшего самую высокую позицию в хори-агинском бурятском обществе, – «тайша» происходит от монгольского слова, указывающего на военного лидера. Этот «тайша» также и в случае монгольского общества мог назначаться среди людей, не имеющих прямые кровные связи с традиционной монгольской элитой. Для сравнения, самая высшая должность в обществе ойратов (ойрад), живущих на западе Монголии и по происхождению имеющих одни корни с бурятами, была также «тайша». Следовательно, можно предположить, что высшая должность у хори-агинских бурят появилась в 1727 году. Таким образом, назначение российским императором людей на традиционно бурятскую высшую должность является огромным изменением. К тому же есть вероятность, что Тугулдэр Тобоев, являющийся бурятом и подданным Российской империи, намеренно утверждает то, что название своей должности «тайша», как высшей управленческой позиции в хори-агинском бурятском обществе, было признано российским императором.

Следующей процитируем часть, выражающую отношения хори-агинских бурятских военных с Российской империей. В 1727 г. по высочайшему (российского императора) указу 11 родов хорин-

ских бурят получили знамена. После этого в 1837 г. вместе с грамотой высочайшим указом российского императора Николая (хана) были пожалованы еще 14 знамен, и в данном указе хоринские буряты были названы нерегулярным войском.

[В 1727 году бурятам одиннадцати родов хоринских были еще пожалованы, по высочайшему утверждению, одиннадцать знамен. Еще после этого в 1837 году, его величеством императором Николаем были пожалованы четырнадцать знамен при грамоте, и в грамоте хоринские буряты были названы нерегулярным войском]. [5, с. 14; 2, с. 9–10].

Слово «нерегулярное» можно понимать как выражение факта того, что в армии российского императора происходили серьезные изменения, когда воинские подразделения хоринских бурят получили знамена с военными символами от российского императора.

Как написано ниже, в тексте повествуется об учреждении налога с одного работающего. Во времена императрицы Екатерины II Алексеевны в 1763 г. с каждого работника в хори-бурятском обществе стали брать по 3 рубля.

[Во времена ее величества государыни императрицы Екатерины II Алексеевны, в 1763 году, хоринские буряты стали платить подать с каждого работника по 3 рубля с души]. [5, с. 14–15; 2, с. 10–11].

О наложении подушным налогом уже было сказано. Почему автор написал о наложении? В аспекте подушевой оплаты для хоринских бурят в новой системе появилась новая возможность, как нам кажется. Это простое предположение, которое требуется проанализировать.

По поводу отношений с Екатериной II в тексте написано следующее. Примерно в 1790 году произошли серьезные бедствия из-за похолодания. Из-за ущерба количество скота у хоринских бурят сократилось. Некоторые люди даже пускали кровь оставшихся животных и питались ею. В период таких сложных бедствий в 1792 г. императрица Екатерина II (хатын хан) милостиво и бесплатно передала из государственной казны семена, сохи и серпы, выделила умелых людей, заставив их сеять. Поэтому буряты приумножили свое богатство. После этого умелые люди стали сеять, разводить

скот, вследствие чего «население» увеличилось. К тому же из других ведомств к хори присоединились люди, и «население» выросло еще. В 1795 г. согласно государственной переписи общее количество мужского населения достигло 17345 человек.

[Еще около 1790 года произошел голод, и скот хоринских бурят вышел в расход. Они обнищали и некоторые своим оставшимся в живых скотинам делали кровопускание и питались кровью. Во время великих страданий в 1792 году ее величество государыня императрица Екатерина II удостоила их милости и отпустила бесплатно из казны семена, сохи и серпы и, выделив способных людей, заставила их сеять хлеб. Вследствие того, что он уродился, буряты стали сыты и после этого способные люди стали заниматься земледелием, развели скот, еще больше разбогатели скотом и размножились. К тому же к хори присоединились из других ведомств и их стало много. Когда в 1795 году произвели всеобщую ревизию – перепись, их оказалось семнадцать тысяч триста сорок пять душ мужского пола]. [5, с. 15; 2, с. 11].

Здесь описывается политика Екатерины II, которая спасла хоринских бурят от голода, заставив их, пострадавших от голода и потерявших большое количество скота вследствие бедствий, заниматься земледелием. Здесь я хотел бы указать на то, что в тексте описывается появление людей, занявшихся земледелием, из среды бурятского общества, которое всегда существовало за счет выращивания скота, а также то, что буряты занимаются и земледелием, и выращиванием скота.

Можно понять, что в жизни бурят, привыкших заниматься скотоводством, произошли серьезные изменения в тенденциях и земледелия, и скотоводства вследствие политики Екатерины II.

Следующая цитата – о появлении христиан среди хоринских бурят.

Собралось небольшое количество хоринских бурят, которые перешли в христианскую веру, добровольно приняв крещение, и они создали поселение Тотхото на реке Вилке (?). Из числа 160 человек избирался староста. В 1795 году этих людей отделили и оставили на поселение. А в 1826 году они добровольно отошли от Хоринского ведомства и перешли под управление Куналейского района.

[И некоторое количество людей из хоринских бурят, добровольно окрестившихся и принявших христианскую веру, собрали вместе и создали в местности Тотхото на Хилке селение. Среди 160 душ утвердили одного старшину и в 1795 году их выделили и оставили. В 1826 году они, по своему желанию, отделились от Хоринского ведомства и были причислены к Куналейскому волостному правлению]. [5, с. 15; 2, с. 11].

В этой части описывается то, что с 1795 г. одна часть хоринских бурят перешла в христианство, а точнее в русское православие, а также говорится о том, что они в 1795 г. собрались в районе места Тотхото, и перешедшие в православие хоринские буряты построили собственное селение. Затем в 1826 г. они отделились от правления хоринских бурят и добровольно перешли в подчинение Куналейской волости. Здесь подчеркивается тот факт, что произошло отделение от места проживания хоринских бурят, среди которых было много последователей тибетского буддизма.

Обратим внимание на следующую цитату, связанную с информацией о русских колонистах.

С этого времени население хоринских бурят увеличилось, стало больше, поэтому одна часть продолжала кочевать вдоль рек Нерчинского района – Ингоде, Чите, Улунге, Туре, Аге и другим. В то время, когда они жили по этим местам, в 1796 г. по высочайшему указу (российского императора) приехал статский советник Лаба. В это время вновь приехавшим из Российской империи в южную часть озера Байкал (Забайкалье) русским переселенцам понадобилась земля. Вдоль рек Ингода, Улунга и Тура им было выделено 15000 десятин (1 десятина равняется 1.09 гектару) земли. После этого переехавшие на эти земли переселенцы построили поселения. Тогда большинство мигрирующих в этих землях хоринских бурят перекочевало к берегам рек Ага и Онон и на близлежащие земли. Так как они поселились рядом с издавна проживавшим в этих землях населением, хоринские буряты разделились на две части. Несмотря на то что они кочевали в двух районах – в Верхнеудинском и Нерчинском, они находились под управлением Хоринского ведомства.

[После того хоринские буряты размножились, их стало еще больше и часть их, продолжая все кочевать, кочевала по рекам Нерчинского округа – Ингоде, Чите, Улунге, Туре, Аге и по другим

близлежащим местностям. Пока они там жили, по высочайшему указу пожаловал около 1796 года господин действительный статский советник Лаба. Вновь переселенным из России в Забайкалье поселенцам понадобилась земля, а поэтому от земель по рекам Ингода, Улунга и Тура было отрезано 15000 десятин земли. После этого на те земли явились переселенцы. Когда возникли селения, большинство в тех местностях кочевавших хоринских бурят перекочевало на берега рек Ага и Онон и в другие близлежащие там местности, и они стали селиться вкуче с прежде находившимся там народом. Вследствие этого хоринские буряты разделились на две части. Хотя они кочевали в двух округах – в Верхнеудинском и Нерчинском, они все же числились только в одном ведомстве – в Хоринском]. [5, с. 15–16; 2, с. 11].

В этой части хотелось бы обратить внимание, прежде всего, на то, что информация о русских переселенцах зафиксирована в исторических записках бурят. Повторимся, что о переселении русских колонистов в Забайкалье и вследствие этого миграции хоринских бурят на восток записано бурятскими историками четко и прямо. И снова вследствие переезда хоринских бурят на восток, сами хоринские буряты разделились на две части – верхнеудинских и нерчинских (иркутских). Но в первую очередь это жалоба о том, что это были хоринские буряты.

Следующей цитатой будет часть, в которой описано влияние Российской империи на здравоохранение среди хоринских бурят.

Время от времени возникали вспышки оспы. Много людей страдало от этой болезни. От этой болезни умирали молодые люди. В 1808 году его величество (российский император) Александр Первый (хан) проявил милость и распорядился об обучении по прививанию оспы. Тогда были утверждены 19 учеников из хоринских бурят, которым затем стали платить жалование и освободили от налогов. По мере того, как продолжалось обучение оспопрививанию, вышеуказанные вспышки оспы прекратились.

[От времени до времени возникали поветрия оспы, и большинство народа страдало той болезнью, и от болезни молодые чахли и умирали. Около 1808 года его величество государь император Александр Первый всемилостивейше распорядился ввести обучение оспопрививанию. Среди хоринских бурят было утверждено де-

вятнадцать учеников оспопрививания, а впоследствии тем ученикам было положено от народа жалованье, и они были освобождены от повинностей. С тех пор как появился обычай оспопрививания, упомянутые выше поветрия оспы остановились и прекратились]. [5, с. 16; 2, с. 11–12].

Здесь говорится о том, что в результате того, что в 1808 г. Александром I были введены и получили широкое распространение практики прививки оспы для подавления вспышек оспы, от которых страдали хоринские буряты, были подготовлены специалисты в области здравоохранения, и вспышки оспы прекратились. Можно сказать, что здесь отмечается образцовый пример модернизации бурятского общества, когда произошло внедрение медицинских технологий, пришедших из Европы.

Кроме этого, в тексте даны факты влияния на здравоохранение со стороны буддизма.

Распространение религии (буддизма) способствовало тому, что лечение производили ламы, обученные врачеванию. Из текста следует, что они освобождали людей от страха безвременной смерти и боли, связанной с различными заболеваниями. И живя до сегодняшнего времени в спокойствии, количество населения стало увеличиваться, и по переписи 1811 г. оказалось, что бурят мужского пола насчитывалось 20801 человек.

[Распространилась также вера, и ламы, прошедшие науку врачевания, стали лечить болезни и исполнять религиозные обряды. Люди были избавлены от заболеваний различными недугами и от опасности безвременной смерти. Живя донныне в спокойствии, они ещё больше размножились и вследствие того их стало ко времени переписи-ревизии 1811 года двадцать тысяч восемьсот одна душа мужского пола]. [5, с. 16; 2, с. 12].

Выше мы видим пример модернизации здравоохранения, так называемого европейского происхождения. Здесь описываются факты избавления от страхов и болей с помощью знающих лам, лечение болезней с помощью тибетских монахов вследствие распространения тибетского буддизма среди хоринских бурят. Думается, что Тугулдэр Тобоев придерживался позитивного отношения к тибетскому буддизму, традиционно распространённому среди бурят, в противовес к шаманизму, о котором в этой статье мы не упоминаем.

В заключение хочется коротко упомянуть о шаманизме хоринских бурят и тибетском буддизме. Продолжая вышесказанное Тугулдэр Тобоевым, тибетский буддизм не пустил такие серьезные корни в бурятском обществе, как кажется. Из-за того, что многие буряты были безграмотны, активно развивался шаманизм. Существует подробная запись шаманского ритуала, активно развивающегося даже во времена Тугулдэра Тобоева. В продолжении очень подробно описан и сам тибетский буддизм, особенностью которого было то, что был составлен список лам и предложен Российской империи. В тексте сказано, что в 1741 г. ламы, вошедшие в данный список, были зарегистрированы Российским государством. Из них некоторые получили назначение занять разные должности, и из-за того, что была создана новая система этой религии, они отправились в Москву. Там они получили государственные разрешения на ведение религиозной деятельности. Таким образом, Российское государство принимало активное участие в развитии системы религиозного управления тибетского буддизма среди бурят.

3. Заключение

История, написанная бурятом Тугулдэром Тобоевым, выглядит как часть дискурса, связанного с Россией. В этой книге структура и метод изложения похож на «Историю Монголии» Жамцарано. Думается, что Жамцарано мог бы написать историю по-другому и с другой исторической точки зрения, так как был изначально бурятским историком, имевшим огромное влияние на создание национальной истории в Монголии периода модернизации.

Основной особенностью исторического описания монгол в книге Тугулдэр Тобоева является то, что он говорит не о захвате бурят царской империей. Он описывает это как добровольное вхождение. Можно предположить, что такая позиция была естественной для бурятской элиты, находящейся под влиянием царской империи.

Тем не менее, насилие со стороны русских, которое произошло в ходе движения на Восток, в результате чего буряты отдали свою землю российскому императору, и поведение русских поселенцев, из-за чего буряты были вынуждены переезжать, отмечено в этой книге с акцентом на то, что действия русского императора и Российской империи не всегда были достойны похвалы.

В истории Тугулдэр Тобоева описаны изменения в бурятском обществе, произошедшие после контактов бурят с русскими людьми Российской империи. В частности, можно отметить изменения традиционной идентичности, изменения вследствие контактов с российской царской армией, изменения в новой налоговой системе, изменения в структуре промышленного производства и в сельском хозяйстве, появление православных бурят, прибытие русских поселенцев и введение европейской медицины. Исторические книги, написанные бурятами, испытывают на себе западное и российское влияние вследствие более тесного контакта с Россией, чем с Монголией. Таким образом, можно сказать, что влияние России является западным (модернистским) влиянием.

Литература

1. Амар А. Краткая история Монголии. – Улан-Батор, 1934.
2. Бурятские летописи / Под ред. Чимитдоржиева Ш.Б. – Улан-Удэ, 1995. – 199 с.
3. Жамцарано Ц.Ж. Монгольские летописи XVII века / Труды Института востоковедения. – Т. XVI. – М.; Л., 1936. – 122 с.
4. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII до 60-х гг. XIX вв.). Очерки. – М., 1940.
5. Летописи хоринских бурят: хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / Под ред. Поппе Н.Н. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 172 с.

BACKGROUND DESCRIPTIONS OF BOOKS ON THE HISTORY OF MODERN MONGOLIA: HOW BURYAT HISTORIANS PRESENTED AN UNEXPECTED MEETING WITH THE RUSSIAN?

Inoue Osamu

Professor of the University of Shimane (Japan)
os-inoue@u-shimane.ac.jp

The author, based on various historical sources, conducting a detailed analysis of the history of the Buryats. He is trying to understand: was the Buryat entry into the Russian Empire peaceful or aggressive, what was the reason for the Buryat aspiration to be under Russia's control, what was the policy of the Russian rulers in relation to the Buryat society.

Keywords: *Buryats, history, Mongolia, Russia, Bogdo Khan, Tsyben Zhamsarano, Tugulder Toboyev, Vandan Yumsunov.*

О МЕТАЛЛУРГИИ И СВЯЗАННЫХ С НЕЮ ВОПРОСАХ В ДРЕВНЕМ СИНЬЦЗЯНЕ В ХУННСКИЙ И ТЮРКСКИЙ ПЕРИОДЫ

Вэньсуо Лю

*доцент кафедры антропологии
Университета Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай)
liuwensuo@126.com*

Территория Синьцзяна в Китае является важным регионом для изучения истории древней металлургии во Внутренней Евразии. В своем исследовании автор рассматривает развитие железной металлургии в древнем Синьцзяне, начиная с периода Хань и до периода Тан, с III века до н. э. до X века н. э., то есть в хуннский и тюркский периоды. Некоторые записи в китайских исторических документах и связанные с ними археологические открытия свидетельствуют о том, что хунны приложили большие усилия для контроля Таримской впадины, особенно Цюцзы, облагая налогом ресурсы, включая железо. Исторические записи и археологические открытия помогли выявить, что ранние тюрки проникли с юга Алтая и превратились в мощную силу, опираясь на местные ресурсы железа.

***Ключевые слова:** Алтайские горы, железная металлургия, Куча, Таримская впадина, горы Тянь-Шань, тюрки, Цюцзы, Синьцзян, хунны.*

I. СООБЩЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ПОДНЯТЫЕ В НИХ ВОПРОСЫ

1. Хуннский и Тюркский периоды и древнем Синьцзяне

(1) Хуннский период

В «Исторических записках» (Ши Цзи 史记) сообщается, что в 176 г. до н.э. Маодунь Шаньюй 冒顿单于 покорил народ Юэчжи 月氏, или Жоучжи. Его сын Лаошан Шаньюй 老上单于, продолживший политику отца, разгромил Юэчжей. Таким образом, хунны стали контролировать Лоулань (Кроран 楼兰), Усунь (乌孙), Худжиэ (呼揭) и близлежащие 36 государств в древнем Синьцзяне.

С 206 г. до н.э. по 220 г. н.э., начиная со времени правления императора У-ди (140–87 гг. до н.э.), на территории Таримской впадины

ны властвовала династия Хань. В этот период, в 60 г. до н.э., в Синьцзяне было создано Наместничество Сиюй (или Наместничество Западного Края).

См. Рис. 1. Династия Хань и империя хуннов

Граница между Хань и хуннами пролегла по горам Тянь-Шань. Борьба за власть над Таримской впадиной между империей Хань и хуннами в итоге привела к войне. Последняя война, записанная в «Истории династии Поздняя Хань» (Хоу Ханьшу 后汉书), произошла в 151 г. н.э.

Территория, которую контролировали хунны, была расположена в северной части Таримской впадины, в нынешней Куча (Qiuzi 龟兹).

(2) Тюркский период

В «Исторических записках Западной Чжоу» (Чжоушу 周书) говорится, тюрки являлись подданными Жужу (Жужаньского каганата 柔然). Они жили на юге Алтайских гор и добывали железо для Жужаньского каганата. В 552 г. н.э. Бумын-каган (умер в 552 г. н.э.) разгромил Жужу и основал Тюркский каганат, контролировавший 4 племени в юго-западной части Алтайских гор и 10 племен в долине Тянь-Шаня от пустыни Хами до Янци.

Около 556 г. н.э. Истеми Багадур-Ябгу 莫贺咄叶护室点密, младший брат Бумын-кагана, возглавил поход на запад, в сторону Таримской впадины, где в районе северной Куча, в котловине Юлдус, основал собственное государство Западный Тюркский каганат. В 648 г. Западный Тюркский каганат был завоеван Империей Тан. Таким образом, южная часть Синьцзяна стала контролироваться Наместничеством Анси 安西都护府.

См. Рис. 2. Тюркский каганат и Династия Сиюй, 612 г. н.э.

2. Железная металлургия в Синьцзяне

Записи в «Истории Ханьской династии» (Хань шу 汉书) гласят:

Племя Жоцян 婁羌 добывало в горных шахтах железо, которое использовало для выплавки оружия.

В уезде Шачэ 莎车 также были расположены горы, где добывали железную руду.

В Гумо 姑墨 извлекали медь, железо и аурипигмент.

В Qiuzi занимались выплавкой и литьем металла.

В Фошань 墨山 добывали железо в горах.

В написанных в середине 4-ого века н.э. «Буддистских записках о Западном Крае» (Шиши Сиюй цзи 释氏西域记) описываются горы высотой в 200 ли в северном районе Qiuzi, откуда «ночью идет пламя, а днем – дым. Люди извлекали уголь и плавил горное железо с дальнейшим его применением в 36 Государствах».

В официальной исторической хронике династии Суй (Суй шу 隋书) написано, что район Qiuzi содержит в недрах медную руду, железо и свинец. Территория Шулэ 疏勒, известная также как Кашгар, изобилует медью и железом, которое каждый год посылают в качестве дани тюркам.

Согласно другому источнику «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан» (Да тан Сиюй цзи 大唐西域记) Qiuzi богата золотом, медью, железом, свинцом и оловом.

Также в письменности Кхароштки упомянуто о кустарном производстве железа и горном деле.

В китайских источниках Кроран территории династий Вэй и Цзинь относятся к так называемому не-китайскому железу («Hu's iron» 胡铁), предположительно местному виду железа в Кроран.

3. Вопросы

(1) уровень развития железной металлургии в древнем Синьцзяне во времена правления династий Цинь и Хань (Хуннский период) и династий Суй и Тан (Тюркский период).

(2) польза железа для империи Хань и тюрков, в частности для Западного Тюркского каганата.

Как известно из китайских источников, Хунну учредили должность, называемую «Tongpu Duwei» 僮仆都尉, согласно которой чиновник находился в резиденции Яньци, Вэйсу 危须 и Юли 尉犁 и отвечал за поступление налогов с территории Таримской впадины.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЖЕЛЕЗНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ В СИНЬЦЗЯНЕ

1. Районы железной металлургии

(1) Верхний Кучарский прогиб

Местность, названная Верхним Кучарским прогибом, датированная 206–220 гг. н.э., была обнаружена в 1958 г. в 120-и км от уездного города Куча рядом с железодобывающими шахтами. Там были найдены *in situ* (на изначальном месторасположении) различные инструменты для металлургической деятельности и глиняные горшки¹.

В 2001 г. проводились археологические раскопки в древних районах округа Аксу и уездов Куча и Бай, территория древней Qiuzi. В результате было найдено 13 районов железной и 21 район медной металлургии. Данные районы расположены в Верхнем Кучарском прогибе и впадине Байчэн, которые, в свою очередь, богаты горной железной рудой, а также являлись центром выплавки железа. Здесь же, на территории Mazar-jilga, были обнаружены печь, терракотовая воздушная труба, образцы железного шлака, шлифовочный камень, каменные молотки и различные глиняные изделия. Данные находки предположительно относятся к Ханьскому, или Хуннскому, периоду².

См. Рис. 3. Археологические находки на территории
Верхнего Кучарского прогиба

(2) Впадина Байчэн

Территория впадины Байчэн и территория Кучарского прогиба находятся в непосредственной близости друг к другу³.

¹ Shi Shuqing, “A Survey to the Cultural Relics in Xinjiang”, *Wenwu* 文物 (*Cultural Relics*), No. 6 1960.

² Li Xiao, “A Survey and Study to the Metallurgical Sites in Ancient Qiuzi Land”, in Jia Yingyi and Huo Xuchu, ed., *Qiuzixue Yanjiu (Qiuzi Studies)* 龟兹学研究, Vol. 1, Urumqi: Xinjiang University Press, 2006, pp. 75–91.

³ “A Survey and Study to the Metallurgical Sites in Ancient Qiuzi Land”.

См. Рис. 4. Расположение районов железной металлургии на территории Верхнего Кучарского прогиба и впадины Байчэн

(3) *Гора Achik, уезд Luoru*

Данная местность, богатая железной рудой, была обнаружена в 1958 г. вблизи горы Куньлунь. В пещерах наряду с воздушными трубами, образцами железного шлака, каменными резцами и молотками была найдена железная руда в порошке⁴.

(4) *Район Карадон*

В районе Карадон, расположенном в дельте реки Керия, в 1990 г. были обнаружены разрушенные здания, чугунные железные изделия⁵.

(5) *Район Dzunmlak-kum*

Район расположен в другой части дельты р. Керия и датируется 2000–2500 гг. до н.э. На основе исследования найденных в 1996 г. 14 видов изделий из железа было установлено, что способ переработки металла в районе Dzunmlak-kum отличается от способа переработки в других районах в Синьцзян⁶.

(6) *Район Ния*

Считается, что в районе Ния было расположено 17 мануфактур по переработке железа⁷.

(7) *Уезд Цемо*

Здесь в 1983 г. были найдены древние угольные шахты⁸.

⁴ “A Survey to the Cultural Relics in Xinjiang”.

⁵ *Zhongguo Kaoguxue Nianjian 1990 (Annal of Chinese Archaeology 1990)* 中国考古学年鉴, Beijing: Cultural Relics Press, 1991.

⁶ Institute of Metallurgical and Material History of Beijing Science and Technology University and Xinjiang Research Institute of Archaeology and Cultural Relics, “The Metallurgical Analysis of the Metal Objects from Keriya Valley, Xinjiang”, *Xiyu Yanjiu (The Western Regions Studies)* 西域研究, No. 4 2000.

⁷ Sino-Japanese Joint Expedition to Niya Site, “Brief Report of Archaeological Surveys during 1988 to 1997 in Niya Site”, *Xinjiang Wenwu*, No. 3–4 2014.

(8) *Уезд Жимусар*

В результате археологических раскопок на данной местности, находящейся к северу от горы Тянь-Шань, было найдено 3 района добычи железа. Данные территории относятся к 206 году до н.э. по 907 г. н.э.⁹

См. Рис. 5. Районы металлургической деятельности в Синьцзян

2. Изделия из железа

Также в результате исследований захоронений археологи обнаружили различные принадлежности конской сбруи и земледельческих орудий: стремена, уздечки, плуги и ножи, сделанные в империи Хань.

См. Рис. 6. Найденные в Синьцзян изделия из железа

III. ТЮРКИ И ЖЕЛЕЗНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В АЛТАЕ

Следует отметить, что в китайских источниках, таких как Чжоушу 周书, Суйшу 隋书, Вэйшу 北史 и Синьтаншу 新唐书, упоминается о раннем этапе тюрков, живших на юге Золотой горы и бывших подданными Жужаньского каганата. Отсюда вытекает ряд вопросов, требующих ответа:

1. Какие были возможности добычи железа на Золотой горе у ранних тюрков?
2. Где находится так называемая Золотая гора?

(1) Для начала мы должны понять, что данная гора, называемая Золотой горой 金山 в китайских документах, в тюркских и монгольских источниках имеет название Алтай. Также важно то, что

⁸ Sun Binggen, "The Ancient Coal Mine and Smelting Site in Qiemo County", in *Zhongguo Kaoguxue Nianjian 1984 (Annal of Chinese Archaeology 1984)*, pp. 179–180.

⁹ "Materials of General Survey to Cultural Relics in Changji Prefecture", *Xinjiang Wenwu (Cultural Relics of Xinjiang) 新疆文物*, No. 3 1989.

юго-восточная, западная и северо-восточная части Алтая богаты железной рудой.

По мнению Николая Зинякова, «железная металлургия на Алтае базировалась в основном на многочисленных месторождениях и рудопрооявлениях юго-восточного Алтая. Открытие здесь около 30 памятников металлургии железа позволяет выделить крупный Чуйско-Курайский горно-металлургический район Алтае-Саянской горной области, расположенной на высоте 1500–1800 м над уровнем моря и охватывающей Курайскую, Чуйскую и Сайлюгемскую степи»¹⁰.

См. Рис. 7. Железорудные месторождения и рудопрооявления Алтая
Рис. 8. Схема сыродутной печи. Алтай

(2) Золотые горы Алтая предположительно являлись своеобразным священным местом для тюркских народов. Об этом свидетельствует местное название холма Святого Колокола в форме шлема у истока реки Иртыш.

(3) Таким образом, согласно китайским хроникам, Золотая гора и истоки реки Иртыш для ранних тюрков могли быть священными местами, что послужило распространению названия Алтай на всю территорию горы.

См. Рис. 9. Холм на истоке реки Иртыш

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Анализ китайских хроник и археологических исследований позволил предположить, что противостояние хунну и империи Хань за контроль над Таримской впадиной диктовалось желанием этих сторон обложить налогами территорию Таримской впадины и ее народы, в том числе налогами в виде железа. Одним из самых развитых металлургических районов был район Qiuzu. Этим объяснялось стремление Ханьской династии расположить на территории Улэй, в районе, очень близко находящемся к Qiuzu, свое наместничество Западного Края (Наместничество Сиюй).

¹⁰ Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. – Arctic Anthropology, vol.25, no.2 (1988), pp.84–100.

2. Тюрки жили в Верхнем течении Иртыша, использовали железо, добываемое с восточной части Алтайских гор и впоследствии стали сильным народом и государством. Неудивительно, что восточная часть Алтая, где добывали железо, воспринималась ими как священное место. В Западном Тюркском каганате такие народы, как Шульэ, даже были вынуждены отдавать в качестве дани добываемое железо.

ON IRON METALLURGY AND RELATED QUESTIONS IN ANCIENT XINJIANG DURING THE XIONG-NU AND TURKS PERIODS*

Wensuo Liu

Sun Yat-sen University (Guangzhou, China)

liuwensuo@126.com

Xinjiang, China is an important region for the history of ancient metallurgy in Inner Eurasia. In this article, the author discusses iron metallurgy in ancient Xinjiang from the Han to Tang Periods, from the third century BCE to the tenth century CE, i.e., the Xiong-nu and Turks periods. Some records in Chinese historical documents and among archaeological discoveries indicate that the Xiong-nu made great efforts to control the Tarim Basin, especially the Qiuzi, taxing resources, including iron. The historical record and archaeological discoveries also indicate that the early Turks originated in the south Altay Mountains and developed into a powerful regime by relying on the local iron reserves.

Keywords: *Altay Mountains, iron metallurgy, Kucha, Tarim Basin, Tianshan Mountains, Turks, Qiuzi, Xinjiang, Xiong-nu.*

I. THE RELEVANT RECORDS IN CHINESE HISTORICAL DOCUMENTS AND THE QUESTIONS

1. Xiong-nu, Turk and ancient Xinjiang

(1) *The Xiong-nu*

According to the Biography of Xiong-nu 匈奴列传, *Shiji* 史记, Records of the Grand Historian: Mok-duk Chanyu 冒顿单于, in 176 BC,

* See also: *Liu W.* On Iron Metallurgy and Related Questions in Ancient Xinjiang During the Xiong-nu and Turks Periods. *Istoricheskaya etnologiya = Historical Ethnology*. 2016. Vol. 1, no.1, pp. 219–235.

defeated the *Yue-shi* 月氏, in ancient Chinese *Rou-zhi*, and during the reign of his son Laoshang Chanyu 老上单于, Yueshi was defeated again. Xiong-nu started to control the Loulan, Croraina 楼兰, Wusun 乌孙, Hujie 呼揭, and the nearby Thirty-six States, in ancient Xinjiang.

The Han Dynasty, 206 BC to 220 AD, developed into the Tarim Basin since the reign of Emperor Wudi, 140–87 BC. In 60 BC, the Protectorate-general of the Western Regions 西域都护府 was set up in Xinjiang.

The border line between Han and Xiong-nu was generally almost along the Tianshan Mountains. The struggle for the control power to Tarim Basin between Han and Xiong-nu was unceasing and resulted in the wars. The last war recorded in *Houhanshu* 后汉书, *Historical Records of the Later Han Dynasty*, happened in 151 AD.

The key place what Xiong-nu control in Tarim was Qiuzi 龟兹, today's Kucha in the northern margin of Basin.

See Fig. 1. Han Dynasty and Xiong-nu Empire
(from *Chinese Historical Atlas*)

(2) *The Turk*

According to Biography of Turk 突厥传, in *Zhoushu* 周书, Historical Records of the Northern Zhou Dynasty, Turk was recorded that they were the vassal of Ruru, i.e. Rouran Khanate 柔然 and lived in the South of Golden Mountain 金山之阳, and were the ironworkers of Ruru. In 552 AD, Bumīn qayan, died in 552 AD, defeated Ruru and established the Turk Khanate which controlled four tribes lived in southwestern Altay M. and ten tribes in Tianshan valleys from Hami to Yanqi.

Around in 556 AD, the Yabgu İstemi 莫贺咄叶护室点密, brother of Bumīn qayan, held the Tarim Basin and spit fans of self-reliance for Khan and settled his ordu in the Yuldus Valley in north of Kucha. In 648, the Western Turk Khanate had been conquered by Tang Dynasty and the southern Xinjiang was administrated by the Anxi Protectorate-general 安西都护府.

See Fig. 2. Turk Khanate and Sui Dynasty in 612 AD
(from *Chinese Historical Atlas*)

2. Historical records concerning to iron and iron metallurgy in Xinjiang

Records in Biography of the Western Regions 西域传, *Hanshu* 汉书, *Historical Records of the Former Han Dynasty*:

the tribe Ruoqiang 婁羌 had ferrous mine in mountains, and smelt to manufacture weapons.

Shache 莎车 had ferrous mountains.

Gumo 姑墨 produce copper, iron and auripigmentum.

Qiuzi had the capacity of smelting and casting metal.

Moshan 墨山 produced iron in mountains.

In *Shishi Xiyuji* 释氏西域记, *Buddhist Records of the Western Regions*, written in middle 4th century AD, recorded that: “there was mountain 200 *li* in north of Qiuzi, where had flame in the night and smoke in the day. People took the coal and smelt this mountain’s iron to be usually usable for the Thirty-six States.”

In Biography of the Western Region of *Suishu* 隋书, *Historical Records of the Sui Dynasty*, recorded: Qiuzi is rich in copper, iron and lead. The land of Sule 疏勒, i.e. Kashgar, is plentiful of copper and iron, and every year it contribute them to Turk.

In *Datang Xiyu Ji* 大唐西域记, *Great Tang’s Records on the Western Regions*, Qiuzi is productive in gold, copper, iron, lead and tin.

In Kharoṣṭhī documents from Niya Site, the handicraft industry of ironwork and mining were mentioned.

In Chinese documents from Coraina Site of Wei and Jin Dynasties referred to a kind of “Hu’s iron” 胡铁, i.e. none-Chinese iron, probably the local iron in Coraina.

3. The questions

(1) the state of iron metallurgy in ancient Xinjiang during the periods of Qin and Han Dynasties (= Xiong-nu period) and of Sui and Tang Dynasties (= Turk period).

(2) how the Xiong-nu Empire and Turk, especially the Western Turk Khanate took advantages of the resource of iron ore and iron metallurgy of the Western Regions?

As we know according to the Chinese historical records Xiong-nu had set an official called “Tongpu Duwei” 僮仆都尉, a Commandant

being headquartered between Yanqi, Weixu 危须 and Yuli 尉犁, and in charge of the taxations from the states of Tarim Basin.

II. ARCHAEOLOGICAL FINDINGS OF IRON METALLURGY IN XINJIANG

1. Iron metallurgical sites

(1) Group along the upper Kucha Valley

A site probably dating Han time, 206 BC to 220 AD, had been firstly found in 1958, situated in an area 120 km north of Kucha County Town, along with an iron mine nearby. Some metallurgical instruments or tools and pottery jar had been found *in situ*.¹¹

In 2001, an archaeological survey for ancient metallurgical remains in Aksu, Kucha and Baicheng, i.e. the land of ancient Qiuzi, resulted 13 iron metallurgical sites, together with 21 copper metallurgical sites in the area. According to discoveries, the sites are concentrated along the upper Kucha valley and Baicheng Basin, where has plentiful ferrous ore in the mountain near sites, and was the center of iron smelting. There is one site called Mazar-jilga that has a furnace remained. Terra-cotta air-pipe, ironmaking slag, grinding stone, stone hammer, and pottery ware are commonly displayed in sites. The date of sites is suggested around the Han time, i.e. Xiong-nu period.¹²

See Fig. 3. Objects found in Sites along Upper Kucha Valley (from “A Survey and Study to the Metallurgical Sites in Ancient Qiuzi Land”)

(2) Group in Baicheng Basin

Group of sites in Baicheng Basin is near the group Kucha Valley. Three sites reported.¹³

¹¹ Shi Shuqing, “A Survey to the Cultural Relics in Xinjiang”, *Wenwu* 文物 (*Cultural Relics*), No. 6 1960.

¹² Li Xiao, “A Survey and Study to the Metallurgical Sites in Ancient Qiuzi Land”, in Jia Yingyi and Huo Xuchu, ed., *Qiuzixue Yanjiu (Qiuzi Studies)* 龟兹学研究, Vol. 1, Urumqi: Xinjiang University Press, 2006, pp. 75–91.

¹³ “A Survey and Study to the Metallurgical Sites in Ancient Qiuzi Land”.

See Fig. 4. Distribution of Iron Metallurgical Sites in Upper Kucha Valley and Baichang Basin

(3) *Site in Achik Mountain, Luopu County*

Found in 1958, situated in slope of Achik Mountain, branch of Kunlun M.. Near the site was found ferrous ore. From the site air-pipe and ironmaking slag and many stone chisel and hammer with ferrous ore powder hidden in a cave nearby had been discovered.¹⁴

(4) *Karadon Site*

It was reported that there was an ironmaking site with remains of building and slag and ironwares in Karadon Site, in ancient delta of Keriya River, in 1990.¹⁵

(5) *Dzunmlak-kum Site*

Situated in another ancient delta of Keriya River, dated 2000 to 2500 BP. 14 samples of iron wares found in 1996 have been analyzed, and it is concluded that they are mainly the casting pig iron made in nearby area, and its metallurgical technique, i.e. the casting pig iron, is different to the others in Xinjiang.¹⁶

(6) *Niya Site*

There are 17 manufactory sites found in Niya Site,¹⁷ among which several are regarded as iron-making ones.

(7) *Iron-making site in Qiemo County*

Found in 1983, near a coal mine, air-pipes and slags remained.¹⁸

¹⁴ “A Survey to the Cultural Relics in Xinjiang”.

¹⁵ *Zhongguo Kaoguxue Nianjian 1990 (Annal of Chinese Archaeology 1990)* 中国考古学年鉴, Beijing: Cultural Relics Press 1991.

¹⁶ Institute of Metallurgical and Material History of Beijing Science and Technology University and Xinjiang Research Institute of Archaeology and Cultural Relics, “The Metallurgical Analysis of the Metal Objects from Keriya Valley, Xinjiang”, *Xiyu Yanjiu (The Western Regions Studies)* 西域研究, No. 4 2000.

¹⁷ Sino-Japanese Joint Expedition to Niya Site, “Brief Report of Archaeological Surveys during 1988 to 1997 in Niya Site”, *Xinjiang Wenwu*, No. 3-4 2014.

(8) *The iron-making sites in Jimusar County*

According to a survey, there are 3 sites discovered in Jimusar County, in the north of Tianshan M., dated from Han to Tang periods, i.e. 206 BC to 907 AD.¹⁹

See Fig. 5. Iron Metallurgical Sites in Xinjiang

2. The iron wares discovered

Including some kinds of horse equipment like stirrup and head-gear, knife and plough, etc., have been unearthed from tombs or collected from sites. The iron ploughs were made in the inner land of Han.

See Fig. 6. The Iron Artifacts Found in Xinjiang

III. TURK AND FERROUS METALLURGY IN ALTAY

It is worth to note the Chinese historical records, the Biography of Turk in *Zhoushu* 周书, *Suisu* 隋书, *Beishi* 北史, and *Xin Tangshu* 新唐书, etc., which said that in the earlier time Turk lived in the South of Golden Mountain and was the vassal and ironworkers of Ruru, Rouran Khanate; the Golden Mountain likes a helmet in the shape. So the question is:

1. what is the possibility of the early Turkic tribe to be ironworker in the Golden Mountain?

2. where is the so-called Golden Mountain in the shape of a helmet?

Firstly, we must believe that the so-called Golden Mountain 金山 in Chinese historical books is the Altun Mountain, i.e. Altay M., in Turkish and in Mongolian.

It is remarkable that:

(1) around the southeastern, western and northeastern Altay M., it is rich in iron resources, but the ferrous metallurgical remains have not yet been discovered in Fuyun County in Xinjiang.

¹⁸ Sun Binggen, "The Ancient Coal Mine and Smelting Site in Qiemo County", in *Zhongguo Kaoguxue Nianjian 1984 (Annal of Chinese Archaeology 1984)*, pp. 179–180.

¹⁹ "Materials of General Survey to Cultural Relics in Changji Prefecture", *Xinjiang Wenwu (Cultural Relics of Xinjiang)* 新疆文物, No. 3 1989.

According to Nikolai M. Ziniavov:

“The distribution and character of the deposits show that the most accessible for exploitation in antiquity were in the southeastern region of the Altay. As a result of special exploitation by the author, more than 30 ferrous metallurgical sites have been discovered. Almost all were concentrated in the southeast Altay. The association of deposits and ferrous metallurgical sites permits delineation of a large Chuiya-Kuray region of mining and metallurgy. [Located on the uppermost branches of the Ob’ adjacent to Mongolia at an elevation of 1500–1800 m above sea level, this region included the Kuray, Chuiya, and Sailyugem steppes, an area of about 500 km²]”²⁰

See Fig. 7. The Ferrous Mining and Metallurgical Areas in Altay
(from “Ferrous Metallurgy and Blacksmith Production of the Altay Turks
in the Sixth to Tenth Centuries A.D.”)

Fig. 8. Sketch Plan of An Ancient Furnace in Altay
(from “Ferrous Metallurgy and Blacksmith Production of the Altay Turks
in the Sixth to Tenth Centuries A.D.”)

(2) it could be supposed that the so-called Golden Mountain in helmet shape was the sacred hill and holy place by early Turkic people, and it could be in the source of Irtish River where has a hill called locally the Holy Bell Hill 神钟山 in the shape of helmet, together with hot springs and a rock cave nearby.

(3) as a guess, the Golden Mountain in helmet shape in historical books is the Holy Bell Hill and the source of Irtish Valley was regarded by early Turk as holy place related to their ancestral land; and then the name Altun, Altay, was spread to all the mountains.

See Fig. 9. The Holy Bell Hill in the Source of Irtish River

IV. CONCLUSION

1. The Chinese historical records and archaeological discoveries propose that what the Xiong-nu struggle with Han for controlling the

²⁰ Nikolai M. Ziniakov, “Ferrous Metallurgy and Blacksmith Production of the Altay Turks in the Sixth to Tenth Centuries A.D.”, *Arctic Anthropology*, Vol.25, No.2 (1988), pp.84–100.

Tarim Basin was to obtain the taxation including the iron which was specially important for ancient nomadic powers. Among the ferrous metallurgical places, Qiuzi was the most important and developed and should be held by Xiong-nu as their key source of iron. This could explain why the Han Dynasty settled the headquarter of Protectorate-general of the Western Regions at Wulei 乌垒, a place very near Qiuzi.

2. In the earlier time, the Turk lived in the upper Irtysh Valley and took advantage of iron resources in eastern Altay Mountains and developed to be a strong tribe and finally a great khanate. The source of Irtysh River, rich in iron resources, was then regarded by them as their holy place and ancestral land. During the Western Turk Khanate period, tribes like Sule in Tarim Basin were also forced to contribute iron to the Khanate.

Рис. 1. Династия Хань и империя хуннов

Fig. 1. Han Dynasty and Xiong-nu Empire (from *Chinese Historical Atlas*)

Рис. 2. Тюркский каганат и Династия Сию, 612 г. н.э.

Fig. 2. Turk Khanate and Sui Dynasty in 612 AD (from *Chinese Historical Atlas*)

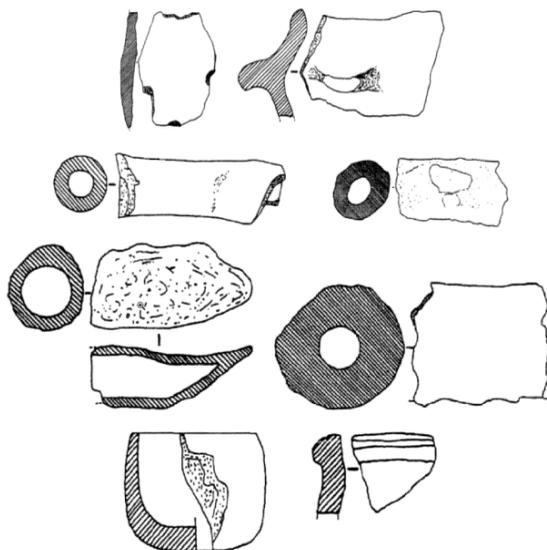

Рис. 3. Археологические находки на территории Верхнего Кучарского прогиба

Fig. 3. Objects found in Sites along Upper Kucha Valley (from "A Survey and Study to the Metallurgical Sites in Ancient Qiuzi Land")

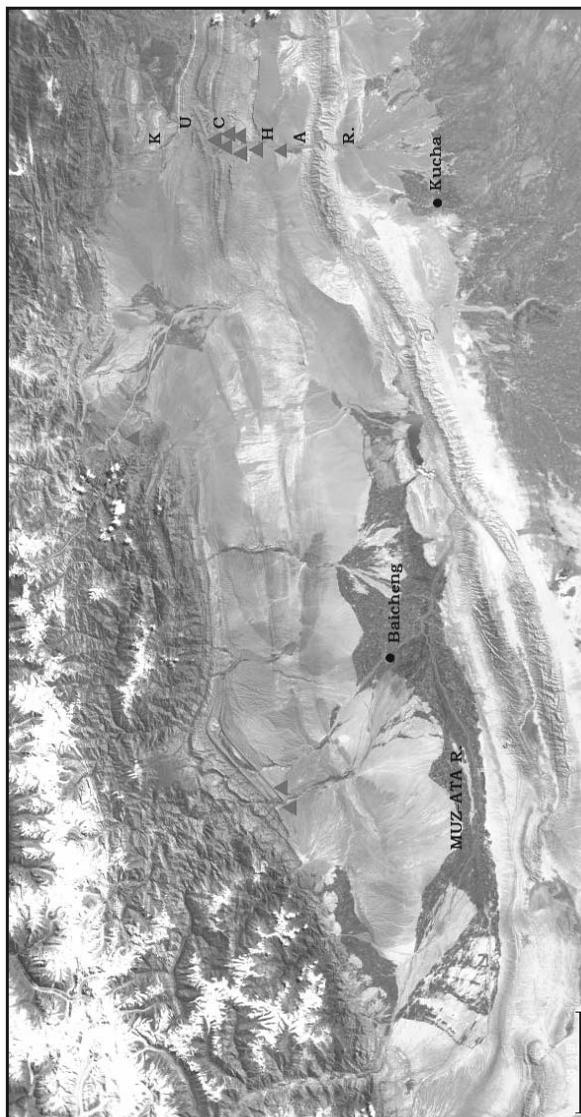
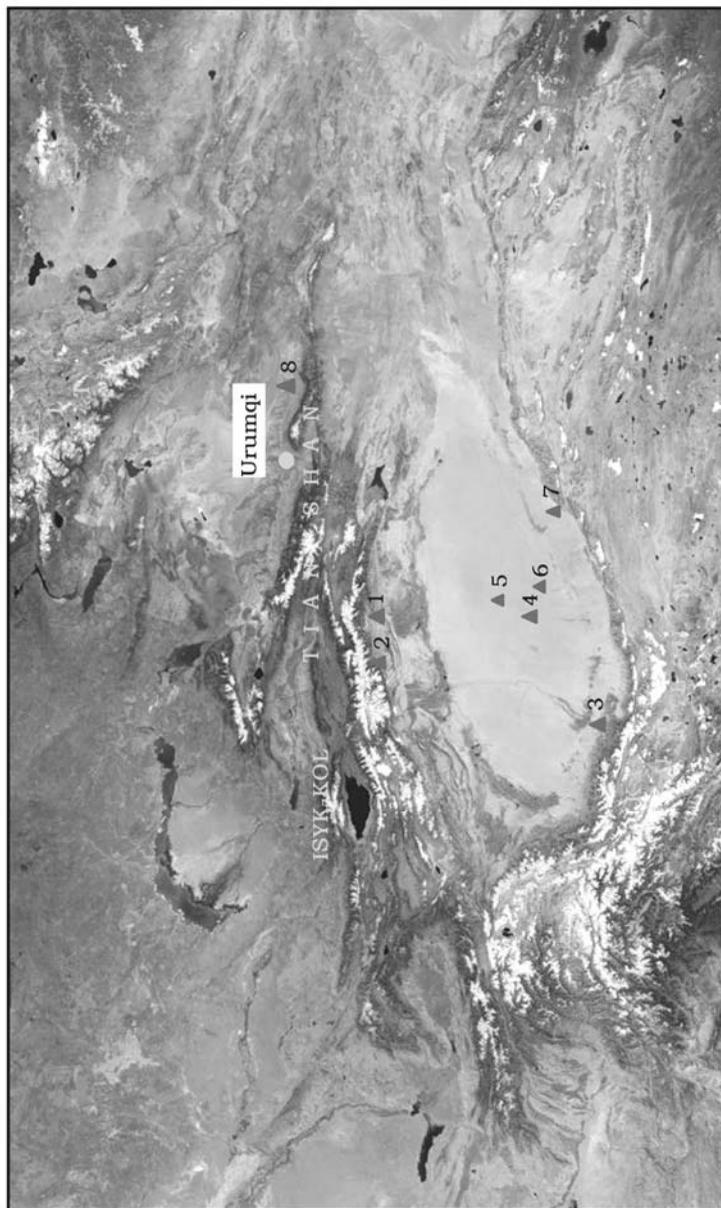

Рис. 4. Расположение районов железной металлургии на территории Верхнего Кучарского прогиба и впадины Байчэн
Fig. 4. Distribution of Iron Metallurgical Sites in Upper Kucha Valley and Baichang Basin

Iron Metallurgical Sites Localities: 1. Kucha; 2. Baicheng; 3. Luopu; 4. Karadong in ancient Keriya Valley; 5. Dzumlak-kum in ancient Keriya Valley; 6. Niya; 7. Qiemo; 8. Jimusar.

Рис. 5. Районы металлургической деятельности в Синьцзян

Fig. 5. Iron Metallurgical Sites in Xinjiang

Рис. 6. Найденные в Синьцзян изделия из железа
Fig. 6. The Iron Artifacts Found in Xinjiang

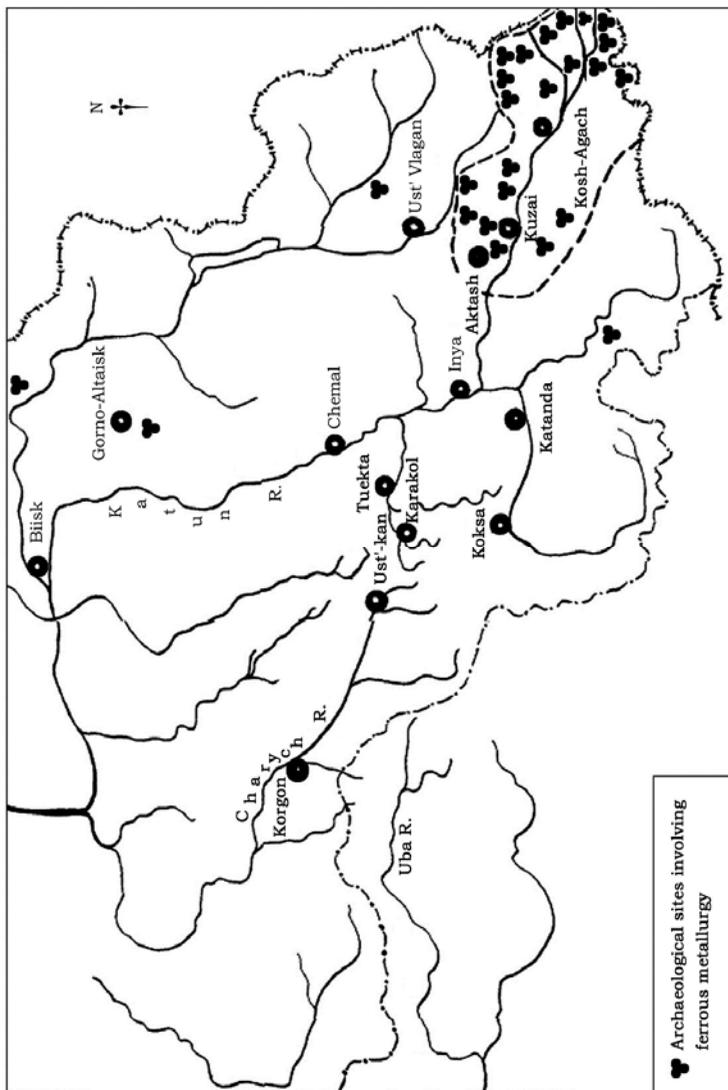

Рис. 7. Железорудные месторождения и рудопроявления Алтая

Fig. 7. The Ferrous Mining and Metallurgical Areas in Altay
 (from "Ferrous Metallurgy and Blacksmith Production of the Altay Turks
 in the Sixth to Tenth Centuries A.D.")

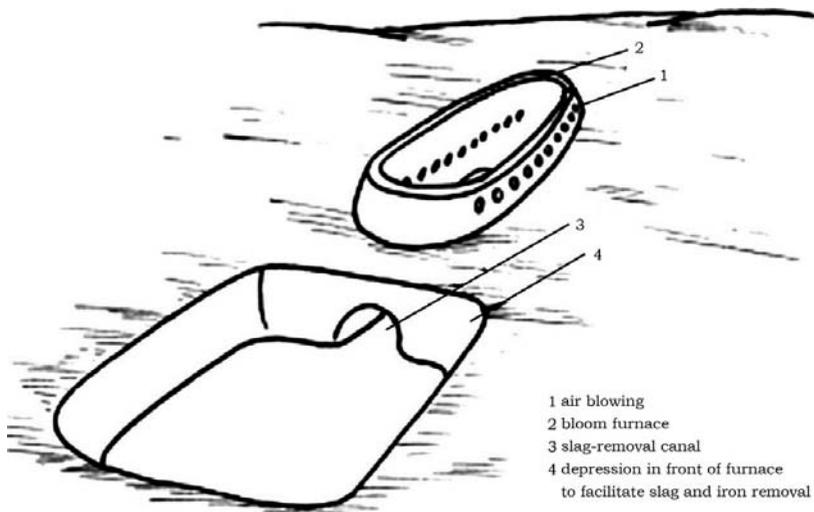

Рис. 8. Схема сыродутной печи. Алтай

Fig. 8. Sketch Plan of an Ancient Furnace in Altay
 (from “Ferrous Metallurgy and Blacksmith Production of the Altay Turks
 in the Sixth to Tenth Centuries A.D.”)

Рис. 9. Холм на истоке реки Иртыш

Fig. 9. The Holy Bell Hill in the Source of Irtysh River

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ БРОНЗОВОГО И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ПЕРЕДАЧА МЕТАЛЛУРГИИ НА ПРИМЕРЕ ДОЛИНЫ РЕКИ ИЛИ И РЕГИОНА ТАЧЭН (СИНЬЦЗЯН): МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Марселла Феста

Университет Ка-Фоскари (Венеция, Италия)

marcella.festa@unive.it

Достаточно трудно проводить исследования по древней истории, поскольку археологические находки зачастую бывают немногочисленны, разбросаны и плохо сохранены, и что самое главное: никакие письменные материалы не могут подтвердить какие-либо интерпретации или предоставить те или иные разъяснения относительно древнего наследия.

Исследования по предыстории Синьцзяна кажутся еще более затруднительными из-за своеобразного расположения этого региона, в северо-западной части Китая, на который в значительной степени повлияли ранние культуры. Что касается доисторической культуры Синьцзяна, то здесь трудно различить местные достижения и внешние влияния, кроме того, современные исследования по этой теме иногда бывают сильно подвержены националистическим настроениям. Как следствие, исследования в области предыстории Синьцзяна нуждаются в серьезном и всеобъемлющем подходе, включая палеоклиматический анализ, типологические исследования археологических останков, металлургический анализ и антропологические исследования. Исходя из этого подхода, данная статья ставит цель детально изучить Или-Тачэнский регион, граничащий с Восточным Казахстаном и оказавшийся под влиянием степной культуры Андроново (ок. 2000–900 гг. до н.э.). Результаты этого анализа свидетельствуют о том, что исследуемая территория не просто находилась под влиянием Андроновской культуры, а была восточной периферией Андроновской территории.

Ключевые слова: Река Или, Тачэн, Синьцзян, бронзовый век, Андроново, предыстория в Центральной Азии.

Достаточно трудно проводить исследования по древней истории, поскольку археологические находки зачастую бывают немногочисленны, разбросаны и плохо сохранены, контексты неполноценны, и что самое главное: никакие письменные материалы не мо-

гут подтвердить какие-либо интерпретации или предоставить те или иные разъяснения относительно древнего наследия. Изучение предыстории Синьцзяна, кажется, еще более затруднительным из-за его особого положения в китайской Центральноазиатской области, на которую в значительной степени повлияли ранние культуры. Что касается доисторической культуры Синьцзяна, то здесь трудно различить местные достижения и внешние влияния, а кроме того, современные исследования по этой теме иногда бывают сильно подвержены националистическим настроениям. Вследствие этого, данное исследование нуждается в серьезном, объективном и комплексном подходе, который будет проведен через анализ выбранной области Синьцзяна, а именно – долины реки Или и области Тачэн в период бронзового века, которые, практически по единогласному мнению исследователей, оказались под сильным влиянием андроновской культуры. Степень этой связи, тем не менее, должна быть определена. Для достижения этой цели были приняты во внимание различные области исследования, каждая из которых предоставила ценную информацию по тем или иным аспектам доисторических культур. В дальнейшем эта информация была оценена в более широком евразийском контексте. Особое внимание было уделено исследованиям по археологии, металлургии и антропологии.

В первую очередь мною были рассмотрены географические условия. Исследование **древней экологии (Paleo environmental studies) включая палеогеографию (древнюю географию), палеоклимат, и палеоботанику**. В географическом положении долина реки Или является плодородной долиной, которая отделена от Джунгарского бассейна и остальной части Синьцзяна горами Борохоро на севере и основным хребтом Тянь-Шаньской горной системы на юге. Область Тачэн также отделена от остальной части Синьцзяна Тарбагатайским хребтом на севере, а от долины реки Или – крайней нижней частью Алтайских гор. Окружающая среда региона Тачэн схожа с природными условиями долины реки Или: хотя в данной области меньшая часть почвы покрыта лёссом, он является плодородным регионом, и, как и долина реки Или, пригоден для занятий земледелием и животноводством. Илийская долина и область Тачэн не соединены между собой, но территории обоих регионов открываются полупустынным степям современного Казахстана. Вся указанная территория относится к умеренно пустынно-

степной зоне и характеризуется континентальным климатом с относительно высоким уровнем осадков под влиянием западных ветров. В прошлом климат здесь был несколько иной, чем в настоящее время: в частности, около 2000 гг. до н.э. температура в Центральной Азии становится более низкой, вынуждая значительную часть населения двигаться на Восток, чтобы освоить дальние пастбища и занять новые экологические ниши, такие как Тянь-Шань и горные хребты Памира. Эти сведения подтверждаются данными палинологических исследований, проведенных на озёрах Манас и Сайрам в Илийской долине и области Тачэн, которые позволили предположить, что в древности климат в этих регионах был более влажным, чем в настоящее время, создавая тем самым условия для занятий сельским хозяйством и животноводством. Дополнительные подтверждения этому можно получить из исторических источников, к примеру, из книги «Общие дела западных границ», карты которой указывают на существование различных, интенсивно эксплуатируемых рек и небольших ручьев, которые на сегодняшний день уже исчезли. Растительность в Илийской долине и регионе Тачэн в Синьцзяне соответствует умеренному пустынно-степному типу.

С географической точки зрения, Илийская долина и регион Тачэн расположены ближе к Восточному Казахстану, где расположены центры Андроновской культуры. Такая близость может объяснить миграции населения андроновской культуры в связи с климатическими изменениями.

С археологической точки зрения, я выделяю исследования погребальных обрядов, типологическое изучение глиняной посуды и металлических предметов. Объекты моего исследования – несколько **стоянок** бронзового века, состояние и погребальный инвентарь которых достаточно хорошо сохранились для оценки. Эти места – Ergong, Weixiao, Adun, Qiaolu, Sazi, Tangdalisay, Gongliu, Takes.

Погребения в Илийской долине и области Тачэн в период бронзового века, как правило, характеризуются прямоугольно огражденными могилами, иногда из камней, а иной раз они представляют саркофаг, сделанный из каменных плит. Покойник лежал на одном боку с согнутыми ногами, головой обращенный в сторону запада. Часть керамики часто помещалась вокруг головы. Похожие, если не идентичные, захоронения можно увидеть в Пахомовском варианте андроновской культуры, в Восточном Казахстане.

Анализ керамической коллекции из Синьцзяна периода бронзового века показал, что она практически исключительно состояла из сосудов, сделанных из серой песчаной глины. Сосуды были с плоским дном, иногда на небольших подставках, с маленькой или отсутствующей шейей и большим горлышком. Художественное оформление посуды было печатное или резное, а дизайн был прост и состоял из треугольников, зигзагообразных линий, точек и т.д. Сосуды такого типа характерны для андроновской культуры, они могут быть представлены в большинстве коллекций различных ее вариантов.

Типологическое исследование металлических изделий также показало сильную схожесть с предметами андроновской культуры: например, топоры с отверстием, просверленным для рукояти (shaft-holes axe), характерный для андроновских комплексов и андроновские серьги с подвесками (trump-ended earrings).

С археологической точки зрения, подавляющее большинство останков принадлежит андроновской культуре. На самом деле, в долине реки Или и регионе Тачэн никаких других находок, относящихся к периоду бронзового века, как кроме принадлежащих андроновской культуре, найдено не было.

Научные исследования на нескольких образцах, обнаруженных в регионе Тачэн, представили информацию о составе металлов и технологию, используемую для производства металлических изделий. Образцы, найденные в регионе Тачэн и относящиеся к бронзовому веку, в основном были оловянно-бронзового сплава, хотя присутствовали и некоторые элементы из чистой меди. По результатам металлургических исследований, литейная технология была наиболее распространенной, и после отливки большинство изделий выкопывалось.

До сих пор не проводилось никаких исследований на образцах периода бронзового века, обнаруженных в Илийской речной долине, но учитывая ее сходство с регионом Тачэн в отношении погребальных обрядов, керамических и металлических изделий, разумно предположить, что оба региона разделяли одну и ту же технологию металла. Такой метод, сначала литья, а затемковки, был типичным для андроновской эпохи.

Никаких антропологических исследований по человеческим останкам, относящихся к периоду бронзового века и найденных на

территории Илийской речной долины и региона Тачэн, проведено не было. Тем не менее, исследователем Han Kangxin были изучены человеческие черепа из более позднего захоронения Zhaosu, расположенного менее чем в ста километрах от города Yining, и были получены интересные результаты. Согласно Han Kangxin, среди 13 черепов 11 были протоевропейскими, памиро-ферганского типа, а 2 из них принадлежали монголоидной расе. Черепа памиро-ферганского типа были найдены в различных районах Центральной Азии, от Урала до Ферганы и до Минусинского бассейна, в соответствии с находками Андроновского типа. Наличие монголоидных черепов может быть связано с более поздним участием народов Сибири.

Согласно всей полученной информации можно заключить:

- Палеогеографические исследования обеспечивают прочную основу для научного расследования, из которого мы узнали, что река Или и регион Тачэн соседствуют с Казахстаном, и они также близки к остальной части Синьцзяна.

- Типологические исследования помогают обозначить культурные рамки и выявить культурные взаимодействия. В нашем случае кажется очевидным, что на реке Или и в регионе Тачэн существовали гончарные и металлические технологии, схожие с традициями андроновской культуры.

- Исследование металлургических технологий раскрывает возможности производства и технологические культурные взаимодействия. Данное исследование подтверждает теорию, что люди, проживавшие в Илийской речной долине и регионе Тачэн, использовали такую же технологию обработки металла, что и население андроновской культуры.

- Наконец, исследования древних человеческих черепов пролило свет на древние миграции и показало, что население Илийской речной долины и региона Тачэн принадлежало андроновской культуре.

Исходя из проведенного здесь исследования, тесные связи между областями реки Или и региона Тачэн с андроновской культурой представляются очевидными.

В частности, металлургические технологии были завезены в Синьцзян с Запада, должно быть, полукочевым населением андроновской культуры. Более того, сходство с андроновской культурой

было настолько близким, что можно предположить, что останки в регионе реки Или и Тачэн представляют собой скорее вариант андроновских традиций, а не отдельную культуру, находящуюся под влиянием андроновцев. В этом случае бронзовый век в регионе реки Или и Тачэн можно датировать III–II тысячелетиями до н.э.

**BRONZE AGE CULTURES AND TRANSMISSION
OF METALLURGY: A METHODOLOGICAL APPROACH
THE CASE OF THE YILI RIVER VALLEY
AND TACHENG REGION (XINJIANG)**

Marcella Festa

Ph.D. Cand.

Ca'Foscari University (Venice, Italy)

marcella.festa@unive.it

Studies on prehistory are difficult to conduct: prehistoric findings are often few, scattered and bad preserved, contexts are frequently incomplete and most importantly no written material can support any interpretation of the remains.

Studies on the prehistory of Xinjiang seem even more difficult to carry out due to the peculiar position of this region, in the north westernmost part of China, which greatly impacted early cultures, whose indigenous developments and external influences are often difficult to distinguish, but also modern studies on the topic, which are sometimes effected by nationalistic sentiments. Consequently, research on Xinjiang prehistory needs a solid, neutral and omnicomprehensive approach, including paleoenvironmental surveys, typological studies on the archaeological remains, metallurgical analysis and anthropological examinations. Taking this approach, this paper aims to study in detail the Yili-Tacheng region, which borders eastern Kazakhstan and has proven to be influenced by the steppe culture of Andronovo (ca. 2000–900 BCE). The result of this analysis suggests that the examined area was not simply ‘influenced’ by the Andronovo culture, but it was an eastern periphery of the Andronovo territory.

Keywords: *Yili river, Tacheng, Xinjiang, Bronze Age, Andronovo, prehistory in Central Asia.*

INTRODUCTION

Background on archaeological research in Xinjiang and current issues

The Xinjiang Uyghur Autonomous Region, located in north-western China has been at the heart of western and eastern cultural exchanges since prehistoric times.

Excavations in Xinjiang began in the first half of the last century and revealed a high number of prehistoric sites. However, it is only in the last thirty years that their existence came to be known and their importance recognized. Since the 1980's, a series of studies have been conducted on different aspects of Xinjiang prehistory, such as the geographical distributions of prehistoric cultures and the chronology of sites and their cultural affiliations. Especially, in recent decades the effort made by Chinese scholars in combining results from several carbon-14 dating with those from typological analysis allowed for the establishment of a Bronze Age and Iron Age in Xinjiang, dating back to 2000–1000 BCE and 1000–200 BCE respectively [1, p. 5]. Unfortunately, while these studies may have provided precious information and interesting theories, they have also revealed a series of issues connected to both research and the complicated contexts of prehistoric Xinjiang.

First, the scarcity or the non-availability of material, both written and first-hand, the application of questionable methodologies and above all a lack of cooperation between different fields of studies, all make it difficult to identify clear standards for establishing archaeological cultures within the context of prehistoric Xinjiang.

Second, typological comparison between objects and burial rites from different contexts has long been used for dating the remains and only recently has carbon dating been introduced as a more reliable method for dating. That said, given the problems related to calibration of carbon-14 results, this method does not offer the precision required for dating archaeological activity. This has sparked questions on whether carbon dating is an appropriate method for dating prehistoric remains, since it has proven to be sometimes inaccurate (for a critique see [2]), and has slowly lead to the idea that the combination of different radiometric dating with other dating methods, such as dendrochronology and results of typological examinations of the archaeological context, will provide more reliable results. However, this has rarely been put into practice and

most of the current material still relies solely on calibrated and non-calibrated carbon dating.

Third, the peculiar position of Xinjiang greatly affected early cultures, whose indigenous developments and external influence are often difficult to distinguish. The same can also be said of modern studies on the topic, which are sometimes influenced by nationalistic sentiments.

Diverse cultural groups were present in prehistoric times in what is now the modern region of Xinjiang. Their origin, geographical distribution, cultural affiliations and external interactions are far from being fully identified. Within this context, one area is especially interesting, namely the Yili-Tacheng region, in the north-western part of Xinjiang, which borders eastern Kazakhstan, known itself to be one of the prehistoric Andronovo cultural centres (Fig.1).

Goals and methodology

This paper aims to understand the cultural context of the Yili river valley and Tacheng regions, especially with respect to the relation with the Andronovo culture (ca. 2000–900 BCE). Andronovo cultural artefacts have been widely recovered in the area, but the extent of the influence of Andronovo tradition on cultures in the Yili-Tacheng region has not yet been well defined. Thus, by studying the evidence in greater depth and detail than has already been attempted, this study looks to clarify the features of prehistoric cultures in the area and their relations with neighbouring traditions. Different fields of study shall be taken into account, specifically considering:

- paleoenvironmental analysis, including geographical, paleoclimatic, paleobotanical and zoological studies, providing a solid background for the research;
- archaeological analysis on the recovered sites and typological examinations on pottery and metal objects, that offer important information for establishing cultural frameworks and for tracing cultural interactions in different areas;
- scientific analysis on metal items, which reveal the nature of the metallurgical technology, know-how capabilities and technological affinities;
- anthropology, in particular examinations on ancient skulls, that sheds light on ancient migrations.

ANALYSIS

Environment and climate

The Yili river valley is a fertile and green valley shut off from the Dzungarian basin and the rest of Xinjiang by the Borohoro Mountains in the north and the Tian Shan mountain range in the south. The environment in the Tacheng region is similar to that of the Yili river valley: although the soil is less fertile and there is a smaller portion of 'useful' terrains, the Tacheng region is also shut off from the remaining part of Xinjiang by the Tarbagatai mountain range in the north. It is separated from the Yili river valley by the Alatau mountains, although these are quite low in this area and accessible via numerous passes. The Yili river valley and Tacheng regions are both open to the semi-arid steppe of modern-day Kazakhstan: the whole area forms part of the temperate desert-steppe zone and has a continental climate with a relatively high level of precipitation due to the influence of the Westerlies.

Despite the present climate, the climate during the Holocene was characterized by fluctuations of warm and cold phases and alternatively dry and humid epochs. As a rule, during the warmer periods the middle-low latitude temperate lands were more humid, while in colder epochs they were drier. On the contrary, high-latitude regions were drier in warmer periods and wetter during colder times. These epochs of warmer and colder temperatures seem to correspond to ages of prosperity, famines and migrations [3]. Therefore, when around 2000 BCE the global climate became cold, determining the end of the Climatic Optimum and the beginning of the Late Holocene, as well as the expansion of the deserts in Central Asia, nomad steppe populations were forced to migrate and exploit new areas [4, p. 683].

As regards the micro region of Yili-Tacheng, a number of paleoclimatic and paleoenvironmental studies have been carried out on specific areas, offering an insight into the climatic and environmental prehistoric situation. Particularly of interest are the results of the examinations on the lacustrine sediments from Ebinur, Manas [5] and Sayram lakes [6], which reveal that in 3000 BCE the surface of these lakes was larger than at present. Moreover, according to palynological studies, in the same period meadow and steppe vegetation expanded and a dry phase only recommenced around 1500 BCE [5, p. 3] [6, p. 349]. Accordingly, during the Bronze Age (ca. 2000BCE–1000BCE), the climate in

the Yili-Tacheng region must have been more humid than today and the ground must have been covered by larger meadows.

Although these studies provide precious information on prehistoric climatic conditions, it is still difficult to re-evaluate the results in a broader context because the material used for comparison often varies across research and, additionally, chronological references are different in each study. For this reason, a review of the ancient maps may help this study: the hypothesis that the climate was wetter than at present is also confirmed by historical documents, such as the Qing book *General affairs of the western borders* (Fig. 2), in which maps show the existence of diverse rivers and small streams that today have already disappeared. [7, p. 78, fig. 2].

Considering currently available information, the Yili-Tacheng region must have been suitable for transhumance, as during summer grazing animals were moved to the mountains, while in winter sheep and goats were taken back to the inner valleys [8, p. 249]. Some agricultural activities might also have been practiced, even though no botanical evidence of cultivation has been found in the archaeological sites in Xinjiang [9, p. 165]. However, just to the north of the Yili river valley, in the Kazakhstani site of Begash, on an upper tributary of the Koksus River, remains of wheat dated to the late third millennium BCE have been found, demonstrating that agriculture was also practised in the area [10].

Archaeological contexts

Several cemeteries, few settlements and a high number of hoards have been found in the Yili-Tacheng region. Remains were dated to the Bronze Age mostly by typological comparison and in just a few cases, such as that of the Adun Qiaolu cemetery, carbon dating was employed.

Settlements in the Yili river valley and Tacheng region are relatively high in number, but they are usually not well reported, consequently data on such remains is often very limited. The scarcity of information from settlements is also due to the fact that, being built on the surface, there were often subject of depredation. Settlements were often built close to the cemeteries. In Adun Qiaolu County [11] the settlement was divided into three areas called F1, F2 and F3. F1 has been relatively well preserved. It was rectangular and surrounded by a ditch. Still clear are the traces of ancient streets; the main streets connected the northern district the southern one, where two main doors were located. On the south-

eastern and south-western corners two quadrant-shaped structures were built with pebbles, containing remains of fires; bones and pottery were also found. The function of this building has not yet been investigated nor have the remains of some walled rectangular structures, which are spread around the settlement perimeter (Fig. 3.1).

Close to the cemetery, the settlement found in the village Ji'ertaigoukou [12] consisted of five small and large rectangular stone structures supported by wooden poles. The small structures were real houses, while the larger were common areas used for labour and production. Moreover, fifty ashcans and eight stoves and several wells were recovered in different areas of the settlement (Fig. 3.2).

In the Abudula reservoir [13], close to Tacheng city, five stone structures (four round and one square) dating back to around 2000 BCE¹, sites, were interpreted as houses. In house F2 a circular structure made of pebbles was recovered and because traces of fire and bones were discovered inside, it was considered to be a stove. Remains found in settlements are usually very limited in number. They generally consist of some broken pottery, some stone tools and in a few cases, metal objects. In Adun Qiaolu site were recovered fragments of pottery jars, stone objects and, exceptionally, one copper awl. Similar pottery and stone artefacts were found in the settlement close to the Weixiao cemetery in the city of Tacheng [14] and in Qialege'er site in Nileke County [15]. Of particular interest was the material recovered from the Ji'ertaigoukou site F2, which consisted of numerous pottery fragments, stone tools a copper knife, copper beads and two pottery moulds for producing mirrors and awls.

A high number of hoards were uncovered in the Yili river valley and Tacheng regions, even though they were usually very small. The discovery of bronze hoards in the steppe reflects cultural and political changes during the 13th century BCE: as early as in 1966 Kuz'mina identified two kinds of hoards, namely, those of families and metallurgists [16, p. 98]. The former contained different used objects, which were property of one family and were concealed in the earth as a consequence of the growing military tension. Such hoards have been also considered as evidence of a process of property stratification. The metallurgists hoards (also called

¹ The dating was established on the basis of their similarities with the remains at Sazi and Weixiao sites.

the founders hoards) generally included one type of objects and moulds, reflecting both the development of metallurgical technology and the appearance of a specialized group of metalworkers [17, p. 97]. Despite the significance of these hoards from a social standpoint, they are sometimes difficult to analyse and date, because of lacks of context. However, in these cases, it was possible to date the remains back to the Bronze Age on the basis of analogies with material from dated hoards such as chisels, sickles and razors from Shamshi [18] as well as certain types of pottery [17, pp. 262–263]. Most of the hoards examined in the Yili-Tacheng area only contained metal objects, as with the Arga’esen hoard in Gongliu County [19], where thirteen copper tools were found, and the Zeketai hoard in Xinyuan County [20] [21, p. 103], where six bronze items were unearthed. In a few cases, some pottery items were discovered together with metal tools, for example in the village of Xiakalangu’er, in Ergong County [22], where several metal and stone items were recovered together with a high number of pottery fragments. Taking into account reports of objects uncovered in hoards in the Yili river valley and Tacheng regions the family type of hoards prevailed in the area.

Richer assemblages of grave goods were found in cemeteries, most of which included graves marked on the surface by a round mound of earth and pebbles. In the same sites, the mounds differed in size: in the Sazi cemetery the diameter range was from 3.9 to 8.4m [23, pp. 387–390]; mounds in Tangbailisayi ranged from 5m to 10m [24, p. 13]; while in the Kuokesu cemetery 2 mound ranged in diameter from 15m to 35m [25, p. 3]. A lower number of sites included fenced graves with no mounds: for instance at Adun Qiaolu site, in Wenquan County, one or more tombs were fenced by a rectangular enclosure.

The majority of graves was rectangular, oval or square, and in just a few cases were round in shape, (at Adun Qiaolu site), or trapezoidal (in the Weixiao cemetery). Very unusual burials were recovered from the Wutulan cemetery, in Takesi County [26] and at the Kuokesu site in Zhoasu County [25]: some of the graves there presented long corridors or eastern semi-circular extensions (Fig. 4). Most of the graves were made of pebbles, even though tombs made of stone slabs were found in the Adun Qiaolu, Weixiao and Wutulan cemeteries and simple pits dug into the ground were recovered in the cemeteries in Tangbalisayi and Weixiao (Fig. 5.1–3). Sometimes different types of burial occurred in the same

cemetery, such as at the Weixiao site. In a number of graves 井-shaped structures made of long wooden slabs were found inside some graves (Fig. 5.4). Burial rites of cremation and inhumation were both practiced and sometimes they occurred in the same graves, as in the Kuokesu M51 burial site, where a middle-aged man was buried together with some burned human remains. According to the excavation report there is no indication for speculating on secondary burials in this grave, therefore, the occurrence of cremation and inhumation must have been intentional².

Remains of single cremated burials were found in some of the graves in the Weixiao and Wutulan cemeteries, in burial M16 in the village of Tangbalisayi. Regarding inhumation, the dead were generally placed inside the grave, but in a few cases, namely in burials M24 and M82 in the Kuokesu cemetery, the bodies were found in an eastern semi-circular extension. As a rule, the dead lied on one side with bent legs, the head angled towards the west facing north and one or more pottery jars were usually placed next to or over the head. Different rites were also identified in burials M24 and M82 in the Kuokesu cemetery, with bodies placed on one side and supine respectively, both with the head angled towards the north and facing east. In burial M3 of the Sazi cemetery the buried male was placed supine and extended, but again with the head angled towards the west and facing the north. The majority of the graves were single, even though in some cases double burials also occurred: in the Weixiao cemetery some of the slab-stone graves contained two bodies, while in the Adun Qiaolu SM50–2 burial site a 25–30 years-old woman was buried together with an infant; in Tangbalisayi two old people, male and female, were buried together in M17.

Special attention should be paid to two interesting structures found in 2013 in the Wutulan village [26]. One consisted of a large central grave surrounded by sixteen smaller rectangular burials made of stone slabs. The whole complex was fenced by a round stone enclosure. This kind of structure strongly suggests the existence of a tribal type of social organization (Fig. 6). The second interesting structure, believed to be a place of worship, was found in the same village. It consisted of three

² According to the report, the grave has not been disturbed, and judging from the stratigraphy the remains were likely to have been buried together [25, pp. 4–5].

parts (J1–J3), all investigated, which shared the same shape and characteristics. The mysterious constructions had a radial plan, at the centre of which the head of an ox and a wooden pole had been placed in J1, while the other two structures were empty in the centre (Fig. 7). The radial grooves were filled with some metal ornaments, pottery fragments and several “biscuit-shaped” pebbles. Similar pebbles were found in other sites in the Yili and Tacheng regions, and the shape of the structure reflects the ceremonial sites of the Catacomb culture (2700–2100 BCE), suggesting the existence of ancient rituals brought from the West³ [27, p. 46] The object of worship and other details are currently unknown and require further investigation, but it seems clear that these two structures are of great significance, and will be discussed later.

Pottery

Excavations in the Yili river valley and Tacheng regions revealed that the main pottery production in the area consisted of jars made of grey sandy pottery. In a limited number of cases, however, such as in the hoards in the Xiakalangu’er village, in Ergong County and in Tangbalisayi site, jars made of red pottery prevailed. As a matter of fact pottery types were very few. The majority consisted of hand-made jars with a slightly flared rim, folded shoulders and a deep belly. Among them, two kinds of jars can be identified: one was flat-bottomed, while the other had a ringed foot. If decorated, jars were richly adorned with impressed or carved simple designs. Upward triangles, zigzag lines and pinched patterns covered the whole body, as on the jar found in the Sazi cemetery (burial M3) (Fig. 8.1), or just the portion under the rim, as seen on vessels found in the Kuokesu and Weixiao cemeteries (Fig. 8.2).

The hoards discovered in the village of Xiakalangu’er contained numerous fragments of decorated pottery was found and, according to the archaeologists’ reconstructions, most of them were adorned with carved pinched patterns, small crosses, small oblique lines and other simple motifs under the rim (Fig. 8.3). Part of the recovered vessels was not decorated, such as the majority of those from the Tangbalisayi and Wutulan and Kuokesu cemeteries (Fig. 8.4).

³ For detailed information about stockbreeding cultures of the Eurasian “steppe belt” see [28] and [29].

Although the aforementioned jars constituted the overwhelming majority of the vessels, a distinctive and isolated type was found in the hoard in the Xiakalangu'er village. This type can be described as a red pottery flat-bottomed vessel with a prominent belly and four small mouths and relatively high necks. One of the mouths was larger and placed in the centre, surrounded by the three other smaller openings [22] (Fig. 9). No similar vessels were found in the area in prehistoric times, however no serious discussion on this topic has yet been opened. In fact this single vessel is more similar to artefacts found in later contexts, when red pottery high-necked jars were frequently discovered. Therefore, the four-mouthed jar might have been placed in the hoard at a later date.

The type of pottery found in the Yili river valley and Tacheng regions was widely diffused throughout Central Asia and clearly resembles that of the Andronovo culture, specifically of the Alkul-Ferodovo type⁴.

Metallurgy

Small quantities of copper and bronze items were found in the settlements, while in cemeteries and, to a greater extent, in the hoards their number increased considerably. Types of metal object were few and quite well established, consisting of ornaments, mirrors and several types of weapon-tools, such as axes, sickles, spades, knives and chisels.

Despite the relatively high number of ornaments found in funerary contexts only, typologies can be grouped into two categories: earrings and bracelets/anklets.

Earrings were in the form of metal circles with a trumpet-shaped end (Fig. 10.2).

In the Tangbalisay cemetery a sub-group was identified, consisting in a 'double' trumpet-shaped-ended circle with a smaller trumpet inside a larger one (Fig 10.1). They were found together with the 'classic' penannular earrings. In the Yili river valley and Tancheng regions these earrings were made of copper and bronze, while similar items from Andronovo contexts were sometimes made of gold or were gilded, especially in the Fergana region. These penannular earrings were indeed distinctive of the Andronovo culture: they were widely spread throughout

⁴ For further information about Alkul, Ferodovo and mixed types see [38, pp. 69–75].

Kazakhstan, in the Borovoe, Sanguyur and Tautari cemeteries [17, pp. 264–267], in the Tash-Tyube, Tasty Butak and Targimen-sai sites [30, p. 201, fig. 57], and in western Siberia, in the Malyi cemetery, close to Tomsk [31, p. 101, fig. 61] (Fig. 10.3). Judging by their geographical distribution, penannular earrings seem to have been specifically distinctive of the eastern variants of the Andronovo culture [16, pp. 75–76]. The origin of this kind of earring, whether it was western⁵ [32], or eastern⁶ [33] is still the subject of debates, however in the Bronze Age, these items were features of the Andronovo culture and given that no other kind of earrings was found in Bronze Age sites around the Yili river and Tacheng regions, connections between these people must have been very close.

Bracelets and anklets made of small bronze or copper beads were found in some graves around the Yili river and Tacheng: in the Tangbalisayi M17 double burial, the old woman wore one anklet on each foot and one bracelet, while the man wore just one anklet (Fig. 11). The couple also wore a pair of earrings each, making the grave the richest in metal objects in the whole cemetery. In the same cemetery in burial M15 a male wearing anklets on both feet was found [24]. The bracelet and the anklets found in Tangbalisay burials M17 and M15 are some of the rare complete items recovered from cemeteries: often only a number of beads were found in archaeological contexts, such as in the Kuokesu and Abudula sites, where only holed beads were recovered in burials M51 and M1 respectively⁷ [25] [13]. Graves containing anklets and bracelets can be traced back to the Catacomb culture (third millennium BCE), where adornments made of bones beads were found in some funerary contexts together with bracelets made of copper circles. These items are currently exhibited at the Hermitage Museum. In the Andronovo territory

⁵ Bunker (1993) demonstrated that Chinese rulers did not wear gold and other materials, because jade was far more precious, suggesting the western origins of golden round earrings.

⁶ The discovery of penannular earrings at Xiajiadian, in northwestern China, dated back to 2000–1600BCE, earlier than the Andronovo culture, seemingly indicating an eastern origin of these items.

⁷ In the Abudula M1 grave the beads were made of iron, suggesting a later dating for this cemetery, even though the excavators dated the site to 2000 BCE.

numerous bronze objects of this kind were found in the Tasty Butak and Tash-Tyube II cemeteries, Kazakhstan and regularly appeared in the Andronovo sites of the Yenisei region [30, p. 172, fig. 28]. They were also a feature of the Pakhomovskaya tradition, which has sometimes been considered a variant of the Andronovo culture [34, p. 83] (Fig. 12).

Regarding toilet articles, mirrors were recovered in many archaeological contexts. In Zhoasu County were found mirrors with a protruding round handle on the back [21, pp. 102–103] and in the Jie’ertaigoukou site moulds for producing the same kind of mirrors were unearthed from settlement F2 [12] (Fig. 13). On the contrary, in the Nazituobie site (Qiaolatiekereke County), and the hoard in Zeketai village mirrors did not have handles [21, p. 103] (Fig. 14.1).

Concave round mirrors with a protruding handle on the back appeared in the farming cultures of Namazga in southern Turkmenistan and the Bactria-Margiana region in the third millennium BCE [30, p. 103] and then widely spread across many regions of Central Asia and western Siberia thanks to the contact between farming cultures with the nomads populations in the steppe. A number of round-shaped mirrors with loop handles were found in Okunevo Ulus, in Southern Khakassia [35, p. 38, fig. 11], attributed by three different radiocarbon dating to the period 2287–1885 BCE [36, p. 249]. By the Andronovo period (2000–900 BCE), a wider range of mirrors was used throughout expansive area of Central Asia, where mirrors round and square in shape, with protruding, round or long handles were recovered (Fig. 14. 2,3). Although some similar mirrors were found in eastern Bronze Age contexts, such as those recovered in the cemetery in Yanbulake [37, p. 344] (Fig. 14.4), most scholars insist these mirrors originated in the West and were then carried across the steppe [17, pp. 263–264] [38] [39]. The latter indeed seems to be the more plausible hypothesis.

Metal assemblages in the Yili river valley and Tacheng regions during the Bronze Age also included a wide range of weapon-tools, which were mostly unearthed from hoards and cemeteries. Only in a very limited number of settlements were metal tools discovered, although they were probably used on a regular basis. Metal artefacts were, however, more precious than pottery and stone, and they might have been taken when the settlement was abandoned or robbed at a later date.

A fairly large quantity of shaft-hole axes was recovered in funerary contexts and hoards. The axes featured a heavy head and a shaft hole.

The blade was roughly rectangular, triangular in section, and on the butt there was a carved loop-like decoration (Fig. 15.1–3). Chernykh [28, pp. 153–156] has analysed the distribution of this tool in Asia, asserting that shaft-hole axes were widely spread throughout Transcaucasia during the Early Bronze Age (third millennium), though they were quite rare in Anatolia. Shaft-hole axes seem to have been the most precious burial object, due to the significant quantity of metal used to make them. In the middle Bronze Age they were found further north and east, in the Velikent burial (belonging to the Karabudakhkent culture in northern Caucasus), and in sites of the Catacomb community, such as that of Bichkin Buluk, Kurgan 6 (in the lower Volga region), as well as in the Kolonktaevka, Rybakovka and Skankun hoards. In the late Bronze Age (second-first millennium) they were characteristic of the Andronovo culture. In 1992 Chernykh correctly suggested that shaft-hole axes originated in the west. However, some scholars question this theory basing on L-shaped shaft-hole axes found in some Siba culture sites in Gansu, and further east in the Chaodaogou (Qinglong, Hebei) and Yanghe (Xinchen, Liaoning) sites, all dated back to the mid-second millennium BCE (Fig. 15.6,7). The date of these findings is, however quite late and very uncertain [1, p. 27]⁸. Moreover, unfortunately, these remains have not been reported so, this theory requires further study if it is to be accepted. According to the available sources, it is reasonable to state that shaft-hole axes originated in the west and were brought to East-Central Asia by nomad populations. Notably, early shaft-hole axes were not decorated, suggesting that the carved loop design on the butt might have been a later and eastern development of this object [17, p. 258], perhaps conceived by the Andronovo people, who widely produced this kind of decorated tool.

⁸ The assignment of the remains in Gansu to the Siba culture has been established by the Gansu Provincial Museum, and no additional information are currently available. Concerning the L-shaped shaft-hole axes recovered in Hebei and Liaoning, the date was established because of their similarities with the items found in Gansu. However, some scholars observed that Siba shaft-hole axes are different from those widely found in northern China. The issue is still unsolved, and the date remains uncertain.

Sickles found in the westernmost part of Xinjiang were curved and had a hole in the head. In some cases the blade and the head were divided by a deep groove and the upper part was sometimes decorated by impression with simple lines or net designs (Fig. 16.1–4). From the 13th to the 9th century BCE this type of sickle was widely spread throughout a large area from the Volga to western Siberia and was commonly found in Andronovo hoards in Kyrgyzstan, such as in Sukuluk and in the deposits on the Chu river, and in Kazakhstan, in the Kent and Shamshi hoards, but also further west in the Moldavian Alexeevka deposit [17, p. 260], (Fig. 16.5–11). Very few Yili river-like sickles were found in the eastern part of Xinjiang and other regions of China. One such sickle was recovered from the Tianshanbeilu cemetery in Hami [40, p. 94], but has not been reported in detail, and is thus difficult to analyse⁹. For this reason, the most plausible hypothesis is that sickles from the Yili-Tacheng region were brought from Central Asia and specifically by the Andronovo population.

Spades or celt-spades are quite rare in Xinjiang and most of them were found in the Yili river valley and Tacheng region. They were roughly square in shape, had an oval protruding socket and some were simply decorated with carved triangles, lines or crosses (Fig. 17.1–3). Though spades or celt-spades of this type were widely diffused throughout Kazakhstan [41] and southern Siberia [16] [42, fig. 33] [17, p. 261], the highest quantity of these objects was recovered in Kyrgyzstan, from Semirech'e and Fergana Bronze Age contexts. In particular, celt-spades featuring the same decorations found on items from the Yili-Tacheng area, were recovered from sites at Rangitam, Tup and Beshkek [16, pp. 24–25] [41, p. 75, fig. 3] (Fig. 17.4–8). Worth noting is the stone mould for casting square-shaped celt-spades with an oval socket, similar to those found in the Yili-Tacheng region, recovered from the Qiemu'erqieke cemetery burial M17–1 [43, fig. 2]. Given the location of these findings, it has been suggested that the centre for production of these items was limited to the region of Kyrgyzstan, Fergana and Semirech'e [17, p. 261], and that spread narrowly in the neighbouring regions. Despite having been rarely found in Xinjiang, miniature celt-

⁹ Although a high quality picture of this item is available on the catalogue in the Hami Museum, no descriptions have been published.

hammers, were discovered in the Arg'esen hoard, at Gongliu County [21, fig. 1.12], and shared characteristics with findings in the Sodovoe and Shamshi hoards in Kyrgyzstan [16, p. 23] (Fig. 18).

Single-bladed knives were largely recovered in hoards: in Nazituobie village nine items were discovered; two artefacts were found at the Zeketai hoard; and a number of objects were unearthed in non-specified places in Xinyuan County [21]. Knives in the Yili -Tacheng region had a single blade and presented a clear distinction between the narrower handle and the wider blade. The handle was grooved around the contours (Fig. 19.1–6). These knives were recovered from Andronovo sites at Issyk-kul and Sadovoe in Kyrgyzstan [41, p. 76, fig. 4], and in the southern Siberian hoard of Preobrazhenka [44, fig. H] (Fig. 19.7,8).

Chisels found in the Yili river valley and Tacheng regions had a round socket with a lug and flat blade (Fig. 20. 1–3). Resembling those recovered in Kyrgyzstan, in the hoards of Shamshi, Sukuluk and Beshkek, a territory occupied by the Andronovo people during the Bronze Age [17, p. 259] (Fig. 20. 4–7).

Chemical, archeometric and metallurgical examinations are difficult to conduct and require a state-of-the-art technological equipment and highly specialized staff; consequently, at present analysis of this kind is still relatively uncommon. However, some studies have been carried out on the Yili-Tacheng region remains. Of particular interest are the results of Li and Dang's metallurgical research on bronze samples from Tuoli County and the city of Tacheng [45]. The analysed samples, dated back to the Bronze Age¹⁰, were found to be made of tin bronze¹¹, and specifically samples taken from two axes found in the villages of Woxuete in Tuoli County (91TW:1) and in Axi'er in Tacheng city (91TA:1) were made of tin bronze, with tin content of 2.88 and 6.8 respectively. Examination results also showed the presence of lead, at

¹⁰ Dating was established by typological comparison.

¹¹ Tin bronze is divided into two groups: low and high-tin bronze, the former having a tin content less than 17%. Generally speaking, ancient metals contained less than 17%: at this level metal can be cold-worked and annealed, between 17% and 19% of tin content bronze is unworkable, above 19% metal can be hot-worked. For detailed information about properties and microstructures of ancient metals see [46].

3.68% and 4.69 respectively. A sample taken from a sickle recovered from the A'ergasen hoard (76GLA:6) was made of an alloy of copper tin and zinc, but unfortunately the content of the single components is not available.

Li and Dang's work has since been criticised for the lack of information regarding the methods used for the analysis and for failing to adequately treat the samples during testing, as the results might have been influenced by the presence of corrosion impurities [1, p. 38].

As a result, further examinations were carried out on three samples taken from objects found in unspecified contexts in Tacheng [1, pp. 41–43]. The items were a sickle and two axes, the axes possibly being those from the villages of Woxuete and Axi'er, which had previously been analysed by Li and Dang¹². The objects were dated to between 1500 and 1000 BCE using typological comparison [45, p. 47]. The sickle was found to be made of tin bronze, although the tin content was very low, (1.98%), while the two axes were also manufactured with the same metal, albeit containing a higher percentage of tin (6.03% and 9.6% respectively).

The samples were additionally put under metallographic analysis in order to understand their microstructure and, therefore, the technological production process. The sickle and one of the axes presented a twinned structure, which demonstrates that the objects were forged and annealed after casting. Taking into consideration the distorted twin planes and the irregular shape of the grains, it seems that the axe was subjected to a heavy cold-working after annealing (Fig. 21). In both cases, the dendritic structure, which is typical of ancient castings was erased by later processes [1, p. 42]. The structure of the third sample was characterized by polygonal grains. The irregular grains and deformation banding indicate that the object was not intensely forged, but subjected to some cold-workings.

Although only a few tests were carried out on these artefacts, some conclusions may be drawn.

In ancient times, two main alloys were used: arsenic-bronze and tin-bronze.

¹² Whether the samples examined by Mei and By Li and Dang were taken from the same axe is not specified in the work by Mei. However, judging by the pictures and references this appears likely.

Arsenical bronze first appeared in the fifth and fourth millennium BCE in Southwest and Central Asia and Southwest Europe, where local populations intentionally or unintentionally produced copper objects containing natural arsenical impurities. The properties of this alloy might have convinced ancient populations of these areas to intentionally produce arsenical bronze by the mid-fourth millennium [47, p. 1015]. Arsenical bronze spread widely throughout Eurasia in the Bronze Age, but it seems that it also reached China, where metal objects of this kind were recovered in Gansu Qijia (2050–1915BCE) and Siba contexts (2000–1600 BCE) [1, pp. 62–64]. However, it has been correctly argued that the use of arsenical bronze in Gansu province was due to the presence in loco of arsenical copper resources, rather than to external importation [48, p. 8]. This is supported by the fact that the diffusion of arsenical bronzes in China was very limited and mostly concentrated in Gansu [49, p. 164].

Tin bronze was less common than its arsenical counterpart. This alloy appeared in Southwest Asia at the end of the fourth millennium BCE [85, p. 1015] and objects made of copper with a tin content of 2% were found in Anatolia in the early Bronze Age [50, p. 46]. In Central Asia tin bronze has been attested to the third millennium BCE, [47, p. 1015], suggesting the existence of cultural exchanges between Western and Central Asia. However, tin copper alloy remained rare and, given that the ores were located in a narrow belt stretching from Europe to Southeast Asia, was probably transported across the steppe [51, p. 80]. In addition, while arsenical bronze continued to be common in the West, such as in the Timber Grave sites, during the late Bronze Age real tin bronze was already predominant in the East and was abundantly found in Andronovo cultural contexts. In particular recent research carried out on tin deposits in Kazakhstan, in the Kalba-Narym-Mountains and Uzbekistan in the Zeravshan valley, indicated that tin bronze was used by the Andronovo culture, suggesting that the spread of tin bronze was associated to the expansion of this tradition [52, pp. 135–136]. This theory is also supported by the fact that the Andronovo's western counterparts, such as the Srubnaya and Abashevo cultures did not use, or very rarely used tin-bronze to produce objects [28, p. 213]. The tendency to consider tin bronze as a western importation, perhaps by the Andronovo people, has been put into question by the discovery of a tin-bronze knife in Linjia (Dongxiang County in Gansu) pertaining to the Majiayao culture and dating back to 2900–2740 BCE [49, p.157]. This issue however remains unsolved.

Across the Yili river and Tacheng regions metallurgy seems to have been quite developed. Technological processes of casting and forging in order to manufacture objects were employed since the fifth millennium BCE in a wide area stretching from the Balkans to the Dnieper region and, probably, to the Volga river [53, p. 767]. Since then, these methods spread widely throughout Eurasia and beyond, thanks to the nomad populations of the Eurasian steppe. That said, the actual metallurgical processes employed in the Yili river and Tacheng regions are relatively unknown for the Bronze Age, however there is evidence that metallurgy in this area seems to have been based around a single bronze-using tradition [1, p. 48] which shared close similarities with that of the Andronovo culture in many respects: not only were the same technologies used for metal working, but even the alloy combination was identical. Specifically, all the examined samples from the Yili-Tacheng region contained a percentage of tin within a range of 2 to 10%, and Chernykh has calculated that 90–100% of Andronovo bronze objects contained nearly the same amount of tin [28, p. 213]. This suggests that around the Yili river valley and Tacheng region metallurgical knowledge was identical to that of the Andronovo culture.

Anthropological studies

No anthropological examinations on skulls have been performed on human remains from the Bronze Age in the Yili river valley and Tacheng regions. However, the analysis of several skulls from a later cemetery in Zhaosu County by Han Kangxin [54] [55] may provide some insights into the population in the Yili-Tacheng territory. The cemetery was dated to 400BCE–200AD, according to typological comparison of the artefacts and to carbon dating. Among the thirteen skulls examined, eleven were Proto-European, pertaining to the Pamir-Fergana race, while two of them, both female, were of the Mongoloid race (Fig. 22). According to Ginzburg the Pamir-Fergana race developed from an intermixture of the two other Central Asian types, namely the Andronovo, which underwent through a gracilization process, and a Central Asian variant of the Mediterranean that became brachycephalic [56]. More recent research on human remains in Russia and Kazakhstan has opened a debate on the anthropological features of the ancient nomad populations of the steppe and there are currently a number of divergent opinions on this subject [57]. In any case, skulls of the Pamir-Fergana type have been found in various areas of Central

Asia, from the Urals to Fergana and the Minusinsk basin, which corresponds to remains of the Andronovo type [17, p. 169]. Several scholars have also noticed the admixture of Proto-European and mongoloid types on the north-western periphery of the Andronovo territory [58]: it is therefore plausible that the population of Zhaosu County was of the Andronovo type, and the presence of Mongoloid skulls might have been due to a local or a later participation of Siberian people.

CONCLUSION

For this study an omni-comprehensive approach was adopted in order to acquire a more complete picture of the cultural context in the Yili river valley and Tacheng region during the Bronze Age.

According to the remains the area was occupied by semi-nomad populations of the Europoid race, who probably practised some form of agricultural activities, as attested by the discovery of stone farming-tools and remains of wheat in the nearby Bagesh site. However, these populations must have been mainly transhumant pastoralists, who, judging by the zoological remains, herded sheep and goats. Their settlements were made of stone and were well organized in private and public spaces and, given their position, it can be speculated that they were occupied in the winter, when the livestock was moved to the lower valleys. These semi-nomads peoples were socially organized, probably at a family level, considering the discovery of more graves contained in a single enclosure in the Adun Qiaolu cemetery, as well as the double burial SM50–2 at the same cemetery, containing the woman buried together with the infant. The larger grave M3 surrounded by sixteen smaller burials at the Wutulan funerary area also indicates the existence of a social organization¹³, which was somehow hierarchical, judging by the diversity of the grave goods. The hierarchy might have been age-based, as suggested by burial M17 in the Tangbalisayi cemetery, where an old couple was buried with the highest quantity of bronzes in the whole cemetery.

¹³ The spatial organization of multi-graves complex M3 in the Wutulan village reflects a rather developed clan-based social system, however, given that to my knowledge no other similar complexes have yet been found, it may be premature to establish the nature of the social structure, only on the basis of this discovery.

People in the Yili river and Tacheng regions had a well-established belief system, demonstrated by the three radial structures found in the Wutulan village, which can be interpreted as places of worship, although nothing is known about rituals performed there.

By closely analysing the typology of grave goods recovered in the Yili-Tacheng region, one can observe the lack of weapons and the abundance of weapon-tools-type objects. This suggests that the population might not have been made up of warriors. In spite of this, the spread of the “family” hoards indicates the existence of a tense situation, which required precious goods to be concealed. On the contrary, the absence of founders’ hoards suggests that the metallurgical production was still a communal affair, and no labour division between metallurgists and the rest of the population was yet established.

All the remains in the Yili-Tacheng region dating back to the Bronze Age pointed towards the Andronovo culture¹⁴. Most of the different types of burial structures were known from Andronovo cultural complexes in Central Asia. Nevertheless, there was a small number of distinctive burial structures, such as burials M24 and M82 in the Kuokesu cemetery with semi-circular extensions. These graves, however, shared similarities with burials at the Qiongkeke cemetery, which contained painted pottery and were therefore probably later [59] [44].

The variety of the burial structures contrasted with the homogeneity of burial rites, as well as most of the grave goods: in diverse types of graves the same funerary rites are evident and the same grave goods were found. This puzzled scholars, who are currently investigating the phenomenon¹⁵. Like most of the burial structures, the burial rites, including the position of the dead and the placement of a pottery jar next to the head, were distinctive of the Andronovo culture, in addition to the type, shape, decoration and chemical composition of the grave goods.

Anthropological studies proved that the population race was Europoid of the Pamir-Ferghana type, which some scholars also calls the *Andronovo type* [17, p. 169], supporting the close link between Andronovo and Xinjiang populations.

¹⁴ Personal communication with Ruan Qiurong during my visit in Xinjiang.

¹⁵ I am grateful to Professor Ruan Qiurong for sharing his thoughts with me.

This analysis allows us to tentatively establish the extent of the Andronovo influence on the investigated region. Taking the results of this study into account, the theory that sees the Yili-Tacheng cultural groups as simply ‘influenced’ by the Andronovo tradition is not convincing, as it underestimates the close similarities between the two, the main reasons being

1. The burial structures and rites in northwestern Xinjing resemble those of Andronovo cultural contexts. There are some distinctive features, such as the aforementioned grave structures in Zhaosu County, and also an evidently lower number of horses found in the Yili river and Tacheng regions, compared to many other Andronovo contexts. However, as correctly suggested by Kuz'mina, numerous groups of Andronovo sites are regarded as local variants. A cultural variant *can correspond to the ancient tribe that occupied a territory and was separated from other tribal territories by a largely unoccupied zone* [17, p. 60] and, implicitly adapted its original cultural and economic aspects to the new environment. Thus, remains in the Yili-Tacheng region may well represent an eastern variant of the Andronovo culture.

2. Pottery found around the Yili river valley and Tacheng regions was solely representative of the Andronovo culture and no other tradition (neither local nor external) was represented. Only one artefact, namely the four-mouthed pottery jars from the hoard in the village of Xiakalanger, does not belong to this cultural background.

3. In the Neolithic period, the Yili river valley and Tacheng regions were occupied by undefined local people: in the village of Jilintai (Nilka County) a deposit was recovered containing microliths sealed with a layer of material typical of the Andronovo culture [60], demonstrating the presence of pre-Andronovo remains in this area, maybe from the Siberian Altai, [61, p. 173] and also suggesting the ‘invasion’ of Andronovo people at a later period.

4. Metal artefacts were those of the Andronovo tradition, typologically, technologically and chemically and, as well as for pottery, no other cultural group was represented. While the type of alloys might have been connected with the type of ore available, as Gregoriev widely explained, metallurgical production was a complicated process, which required direct contact with experienced metallurgists, in order to be fully adopted [53, p. 23]. This supports the theory that a group of Andronovo people was already well established in the Yili-Tacheng region in the second

millennium BCE. Additionally, from a social standpoint, the absence of founders' hoards in both the Yili-Tacheng region and Andronovo territory, indicates that metallurgists in both societies were not yet a recognized clan [17, p. 97]. It is interesting also to note, as well as pottery, the first metal remains in the Yili-Tacheng area seem to be connected to the Andronovo culture, suggesting that metallurgy was brought there by Andronovo people.

5. People in the Yili river valley and Tacheng region were mostly of the Europoid race of the Adronovo type.

6. The change of global climate in the third millennium BCE caused waves of migrations throughout Eurasia and nomads and semi-nomads populations were forced to move and exploit new areas. For the Andronovo people of eastern Kazakhstan, the Yili river valley and Tacheng must have been easy to reach, given the natural opening of the valleys towards Kazakhstan and the numerous passes linking them with Xinjiang.

For these reasons, this study supports the idea that the Bronze Age population in the Yili river and Tacheng regions were Andronovo, and that the area was an eastern periphery of the Andronovo territory.

Abbreviations list

CROX (Cultural Relics Office, Xinjiang Uyugur Authonomous Region)

XIA (Xinjiang Institute of Archaeology)

IAC (Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Science)

References

1. Mei J. *Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its Cultural Context and Relationship with Neighboring Regions*. Oxford: Archeopress, 2000. 187 p.

2. Lee E.R. Radiocarbon, Ages in Error. *Anthropological Journal of Canada, 1981*, vol. 19, no.3, pp. 9–29.

3. Hsu J.K. Sun, Climate, Hunger, And Mass Migration. *Science China*, 1998, vol. 41, no. 5, pp. 449–472.

4. Hsu J. Kenneth. Did the Xinjiang Indo-Europeans leave their home because of Global cooling?. *The Bronze Age and the Iron Age people of eastern and central Asia*. Ed. Mair H.V. Washington: Institute of the Study of Man, 1998, vol. 2, pp. 683–696.

5. Ma L., Wu J., Abuduwaili J. The climatic and hydrological changes and environmental responses recorded in lake sediments of Xinjiang, China. *Journal of arid land*, vol. 3, n°1, 2011, pp. 1–8.
6. Jiang Q., Ji J., Shen Ji, Matsumoto R., Tong G., Qian P., Ren X., Yan D. Holocene vegetational and climatic variation in westerly-dominated areas of Central Asia inferred from the Sayram Lake in northern Xinjiang, China. *Science China Earth Science*, vol. 56, no 3, 2013, pp. 339–353.
7. Millward J.A. *Eurasian crossroads: a history of Xinjiang*, New York: Columbia University Press, 2007. 352 p.
8. Chen K. and Hiebert T.H. The Late prehistory of Xinjiang in relation to its neighbors. *The Journal of World Prehistory* 1995, vol. 9, no. 2, pp. 243–300.
9. Betts A., Jia P.W., Dodson J. *The origins of wheat in China and potential pathways for its introduction: A review. Quaternary International*, 2014, no. 348, pp. 158–168.
10. Frachetti M.D., Robert N.S., Gayle J.F. and Mar'yashev A.N. Earliest direct evidence for broomcorn millet and wheat in the central Eurasian steppe region. *Antiquity* 2010, no. 84, pp. 993–1010.
11. IAC Xinjiang Wenquan xian Adun Qiaolu yizhi yu mudi [Remains and cemeteries in Adun Qiaolu village, Wenquan county, Xinjiang]. *Kaogu [Archaeology]* 2013, no. 7, pp. 25–33.
12. Wang Y. And Ruan Q. 2015nian Xinjiang Nilekexian Jie'ertaigoukou kaogu gongzuo de xin shouhuo [New results of the 2015 excavations in Nilka county, Xinjiang]. *Xiyu Yanjiu [Western Regions Studies]* 2016, no. 1, pp. 132–134.
13. XIA Tachengshi Abudoula Shuikun mudi kaogu fajue jianbao [Excavation of Reservoir cemeteries, Tacheng City]. *Xinjiang Wenwu [Xinjiang Cultural Relics]* 2016, no. 1, pp. 50–60.
14. Li X. Xinjiang Tachengshi kaogu de xinfaxian [New archaeological discoveries in Tacheng City, Xinjiang]. *Zhongguo Kaoguxue nianjian* 1991, p. 104.
15. XIA Nilekexian Qialege'er yizhi kaogu fajue jianbao [Excavation of Qialege'er site of Nilka county]. *Xinjiang Wenwu [Xinjiang Cultural Relics]* 2014, no. 1, pp. 32–35.
16. Kuz'mina E.E. Metallicheskie izdelija jeneolita i bronzovogo veka Srednej Azii [Metallurgical production in Chalcolithic and Bronze Age of Central Asia]. *Archeologija SSSR: svod archeologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR: a set of archaeological sources]*. Moscow: Nauka vols. 4–9, Moscow: Nauka, 1966. 149 p.
17. Kuz'mina E.E. *The origins of the Indo-Iranians*. Leiden: Brill, 2007. 763 p.

18. Kozhombardiev I. and Kuz'mina E.E. Shamshinskij klad jepohi pozdnej bronzy v Kirgizii [Treasure in Late Bronze Age in Shamshi, Kyrgyzstan]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet Archaeology], 1980, vol. 4, no. 10, pp. 140–153.
19. Wang B. and Cheng Z. Xinjiang Gongliuxian chutu yipi tongqi [A group of bronzes unearthed in Gongliu County, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics] 1989, no. 8, pp. 95–96.
20. Li S. Xinjiang Xinyuanxian chutu yizu qingtongqi [A group of bronzes discovered in Xinyuan County], *Zhongguo Wenwubao* [Chinese journal of cultural relics], 2005, no. 21. Available at <http://www.kaogu.cn/cn/xueshuyanjiu/yanjiuxinlun/bianjiangjizhongwai/2013/1025/33477.html>
21. Li S. Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, pp. 99–110.
22. Yu Z. Tachengshi Ergongxiang Xiakalanggu'er cun guyizhi diaocha [Investigation on the ancient remains in Xiakalanggu'er village, Ergong district, Tacheng city]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics] 1998, no. 2, pp. 35–38.
23. XIA Tuoli xian Sazicun gumuzang [Ancient cemetery in Sazi village, Tuoli County]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics], 1996, no. 2, pp. 14–22.
24. XIA Xinjiang Yili Nileke Tangbalisayi mudi fajue jianbao [Preliminary report of the excavation in Tangbalisayi cemetery in Nileke county, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics], 2012 no.5, pp. 13–22.
25. XIA Xinjiang Tekese xian Kuokesuxi 2 hao muqun de fajue [Excavations of the group of graves no. 2 in the western district of Kuokesu village, Takesi county in Xinjiang]. *Kaogu* [Archaeology], 2012 no. 9, pp. 3–22.
26. XIA Xinjiang Nileke Wutulan mudi fajue jianbao [Brief report of the discovery of graves in Wutulan village, Nilka county, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics] 2014, no. 12, pp. 50–64.
27. XIA Nilekexian Wutulan mudi kaogu fajue baogao [Excavation of Wutulan cemetery of Nilka county]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics] 2014, no. 1, pp. 36–57.
28. Chernykh E. *Ancient metallurgy in the USSR: The Early metal Age*. Cambridge: Cambridge University Press 1992. 359 p.
29. Chernykh E. The “Steppe Belt” of stockbreeding cultures in Eurasia during the Early Metal Age. *Trabajos de Prehistoria* 2008, vol. 65, no. 2, pp. 73–93.
30. Kuz'mina E.E. and Mair H.V. *The Prehistory of the Silk Road*. Philadelphia: University of Pensilvanya press, 2008. 264 p.

31. Gimbutas M. *Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe*. The Hague/London: Mouton, 1965. 681 p.
32. Bunker E. Gold in the Ancient Chinese World. *Artibus Asiae* 1993, Vol. 53 nos. 1/2, pp. 27–50.
33. Linduff K. Art and Identity: The Chinese and Their 'Significant Others' in the Third and Second Millennium BC. *Cultural Contact, History and Ethnicity in Inner Asia*. Eds. Gervers M. and Schlepp W. Toronto: Joint centre for Asia Pacific Studies, 1996, pp. 12–48.
34. Korochkova O.N. The Pakhomovskaya Culture of the late Bronze Age. *Archaeology, Ethnology & Anthropology* 2009, vol. 37, no. 3, pp. 75–84.
35. Polyakov A. Karasukie mogilbniki okunev ulus [Karasuk graves in Okunevo village]. *Arheologicheskij Sbornik* [Collection of Archaeological material] 2010, no. 38, pp. 30–49.
36. Svyakto V.S., Mallory P.J., Murphy M.E., Polyakov V.A., Reimer J.P., Shulting J.R. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, Southern Siberia, Russia. *Radiocarbon*, 2009, vol. 51, no. 1, pp. 243–273.
37. CROX Xinjiang Hami Yanbulake mudi [Graves at Yanbulake, Hami county, Xinjiang]. *Kaogu Xuebao* [Acta Archeologica] 1989, no. 3, pp. 329–370.
38. Linduff M.K. Zhukaigou, steppe culture and the rise of Chinese civilization. *Antiquity*, 1995, vol. 69, no. 262, pp. 133–145.
39. Juliano A. Possible Origins of the Chinese Mirror. *Source*, 1985, vol. 4, nos. 2/3, pp. 36–50.
40. Hami Bowuguan [Hami museum], *Hami Bowuguan wenwu jingcui* [Concise report of the material in Hami Museum] Beijing: Kexue chubanshe, 2013. 314 p.
41. Kuz'mina E.E. Cultural connections of the Tarim Basin people and the pastoralists of the Asian steppes in the Bronze Age. *The Bronze Age and the Iron Age people of eastern and central Asia*. Ed. Mair H.V. Washington: Institute of the Study of Man, 1998, vol. 2, pp. 63–85.
42. Silvi-Tonini C. and Bajpakov M.K. *Altyn adam: l'uomo d'oro: la cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni*, Rome: Bagatto libri, 1999. 253 p.
43. Wang M. Xinjiang Ke'ermuqi gumuqun fajue jianbao [Brief report on the excavation of the group of graves in Ke'ermuqi, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics] 1981, no. 1, pp. 23–32.
44. Shao H. Xinjiang diqu Andeluo nuowo wenhua xiangguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers] 2009. Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>

45. Li X. and Dang T. Zhunga'er pendi Zhouyuan diqu chutu de tongqi chutan [On the bronze wares unearthed from the surroundings of Junggar basin]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics], 1995, no. 2, pp. 40–51.
46. Scott D.A. *Metallography and microstructure of ancient and historic metals*. Marina del Rey: Getty Conservation Institute and Archetype Books, 1991.
47. Roberts W.B., Thornton P.C. and Pingott C.V. Development of metallurgy in Eurasia. *Antiquity*, 2009, vol. 83, no. 322, pp. 1012–1022.
48. Linduff K. and Mei J. Metallurgy in Ancient Eastern Asia: How is it Studied? Where is the Field Headed? *Modeling Early Metallurgy: Old and New World Perspectives, Proceeding of the 73rd Annual meeting of SAA*, Vancouver, 2008., pp. 1–20.
49. Bai Y.A Discussion on Early Metals and the Origins of Bronze Casting in China. *Chinese Archaeology* 2003, vol. 3, pp. 157–165.
50. Forshell E. Early metallurgy in parts of Eurasia. *Laborativ Archeologi* 1994, no. 7, pp. 45–58.
51. Pigott V.C. and Ciarla R. On the origin of metallurgy in prehisotric South-East Asia: the view from Thailand. *Metal and Mining studies in Archaeometallurgy*. Eds. La Niece S., Hook D. and Craddock P. London: Archetype, 2007, pp. 76–88.
52. Garner J. Bronze Age tin mines in Central Asia. Archeometallurgy in Europe III. *Proceedings of the 3rd International Conference Deutsches Bergbau-Museum*, Bochum 2011, pp. 135–144.
53. Gregoriev S. *Metallurgical production in Northern Eurasia in the Bronze Age*, Oxford: Archepress, 2015.
54. Han K. The Study of Ancient Human Skeletons from Xinjiang, China. *Sino-Platonic papers*, 1994, no 51.
55. Han K. The physical anthropology of the ancient populations of the Tarim basin, *The Bronze Age and early Iron Age people of Eastern Central Asia*. Ed. Mair H.V. Washington: Institute for the study of the Man, 1998, vol. 2, pp. 558–570.
56. Ginzburg V.V. The central Asian interfluvial race and its origin. *Proceedings of the VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences*, Tokyo and Kyoto 1968, vol. 1.
57. Kozintsev A. The “Mediterraneans” of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European Migrations and the Origin of the Scythians: A Multivariate Craniometric Analysis. *Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia* 2008 vol. 36, no. 4, pp. 140–144. Available at <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1563011009000154>

58. Dremov V.A. *Naselenie Verhnego Priob'ja v jepohu bronzy* (Population of the Upper Ob in the Bronze Age), Tomsk: Publishing house of Tomsk State University, 1997. 260 p.

59. Liu S. and Ruan Q. Xinjiang Nileke Qiongkeke taidi dierci kaogu fajue shouhuo fengshuo. *Zhongguo Wenwubao* 2003, April the 4th.

60. Ruan Q. Nileke Jilintai yicun fajue de yiyi [The importance of the ancient remains excavated at Jiintai, Nilka county. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics] 2004, no. 1, pp. 80–82.

61. Peter Wei Ming Jia, Alison V.G. Betts and Xinhua Wu. Prehistoric Archaeology in the Zhunge'er (Junggar) Basin, Xinjiang, China. *Eurasian Prehistory*, 2009, vol. 6, nos 1–2, pp. 167–198.

Illustrations

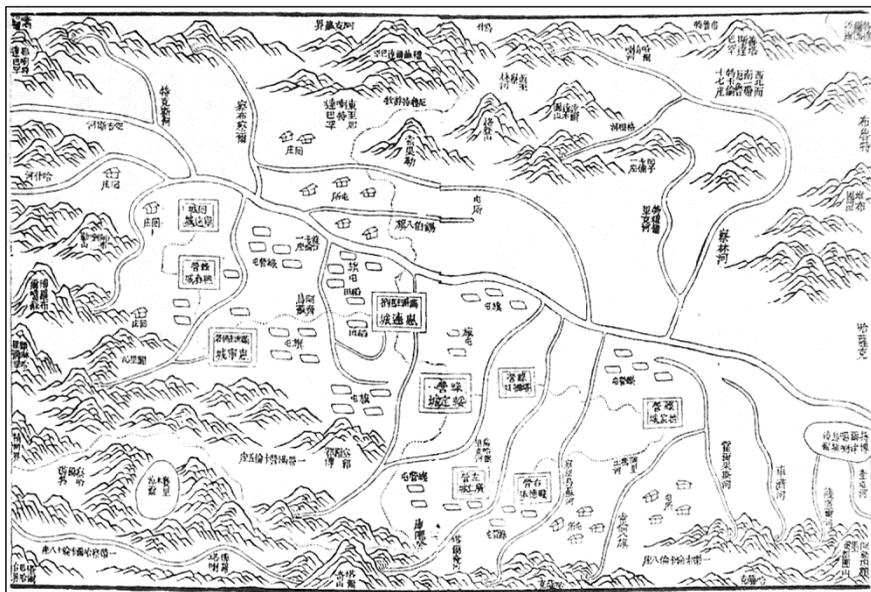

Fig. 2. Map of the Yili area drawn by Wang Tingkai and Qi and included in the *Xichui zongtong shilue* (General affairs of the western borders), 1809. Millward M. *Eurasian crossroads: a history of Xinjiang*. New York: Columbia University Press, 2007, p.78, fig. 2.

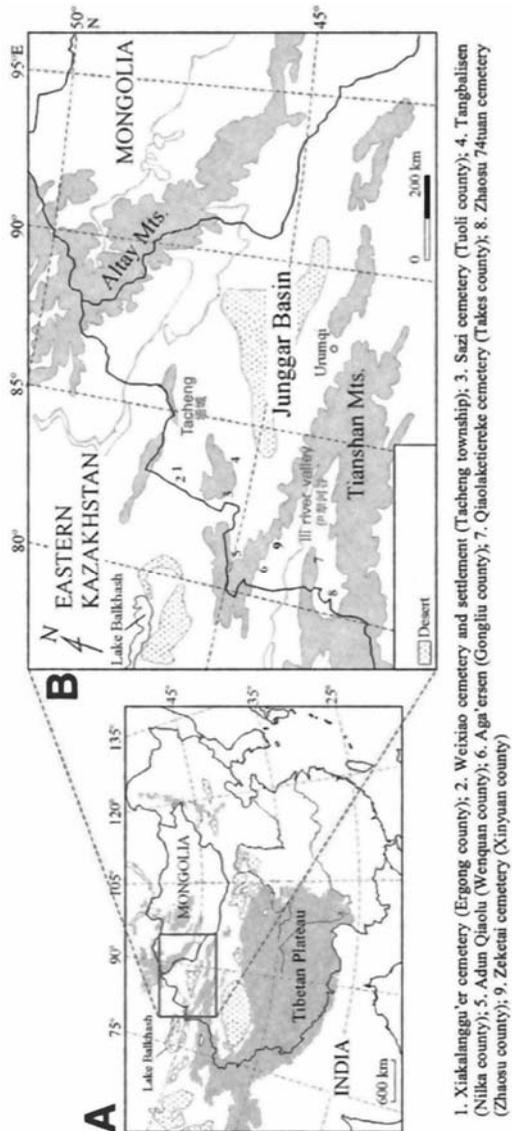

Fig. 1. The Yili-Tacheng region.

Adapted from Tedford R.H., Wells R.T. and Barghoorn S.F. Late Oligocene–Miocene mid-latitude aridification and wind patterns in Asian interior. *Geology*, 2010, no. 38, fig. 1.

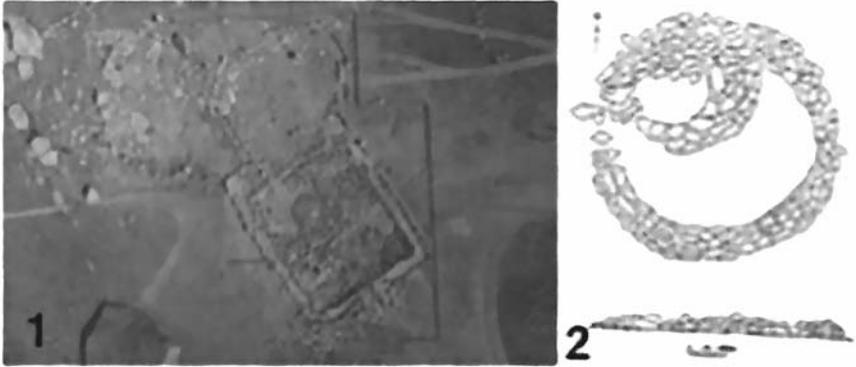

Fig. 3. Remains of the settlement in the Adun Qiaolu village (1) and the house F2 at the Abudula site (2).

IAC Xinjiang Wenquan xian Adun Qiaolu yizhi yu mudi [Remains and cemeteries in Adun Qiaolu village, Wenquan county, Xinjiang]. *Kaogu* [Archaeology] 2013, no. 7, p. 27, fig. 3]; XIA Tachengshi Abudoula Shuikun mudi kaogu fajue jianbao [Excavation of Abudula Reservoir cemeteries, Tacheng City]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics] 2016, no. 1, p. 56, fig. 21.

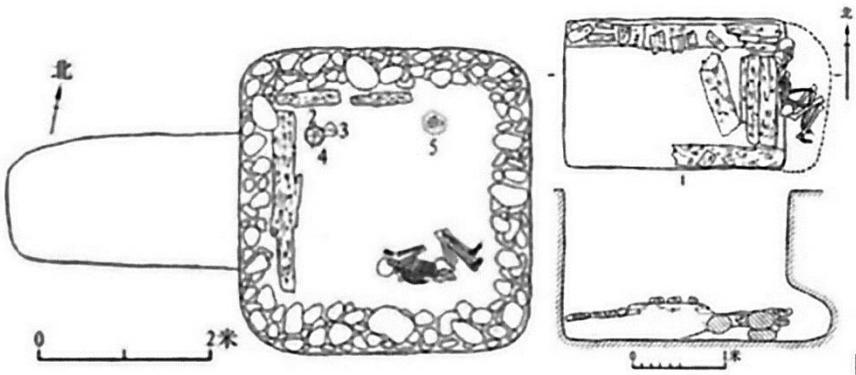

Fig. 4. Burials M51 and M24 at the Kuokesu cemetery.

XIA Xinjiang Tekese xian Kuokesuxi 2 hao muqun de fajue [Excavations of the group of graves n°2 in the western district of Kuokesu village, Takesi county in Xinjiang]. *Kaogu* [Archaeology], 2012, no. 9, p. 4, fig. 4 and p. 5, fig. 7.

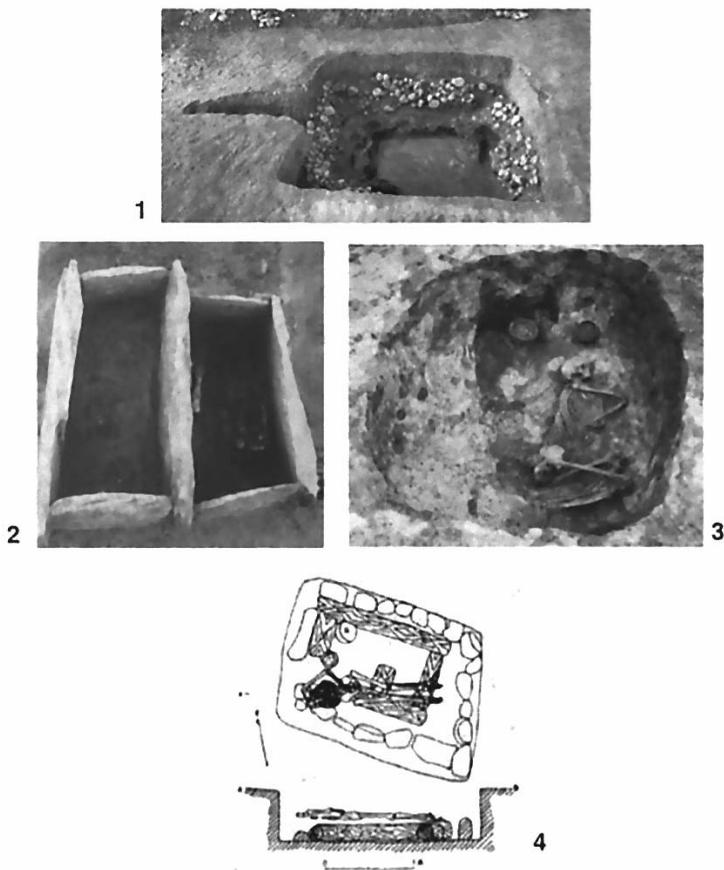

Fig. 5. Different types of burial recovered in Yili-Tacheng region: pebbles grave M2 at the Wutulan cemetery (1), grave made of stone slabs in the Weixiao cemetery (2), simple pit in the Tangbalisayi cemetery (3) and the wooden structure inside the grave M3 in the Sazi cemetery (4).

XIA Xinjiang Nileke Wutulan mudi fajue jianbao [Brief report of the discovery of graves in Wutulan village, Nilka county, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics] 2014, no. 12, p. 51, fig. 3; Wang Bo, The ancient cultures in Xinjiang along the Silk Road. Urumqi: Xinjiang Renmin chubanshe, 2008, p. 231, fig. 2; XIA Xinjiang Yili Nileke

Tangbalisayi mudi fajue jianbao [Preliminary report of the excavation in Tangbalisayi cemetery in Nileke county, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics], 2012 no. 5, p. 16, fig. 8; XIA Xinjiang Tuoli xian Sazicun gumuzang [Ancient cemetery in Sazi village, Tuoli County]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics], 1996, no. 2, p. 18, fig. 5.

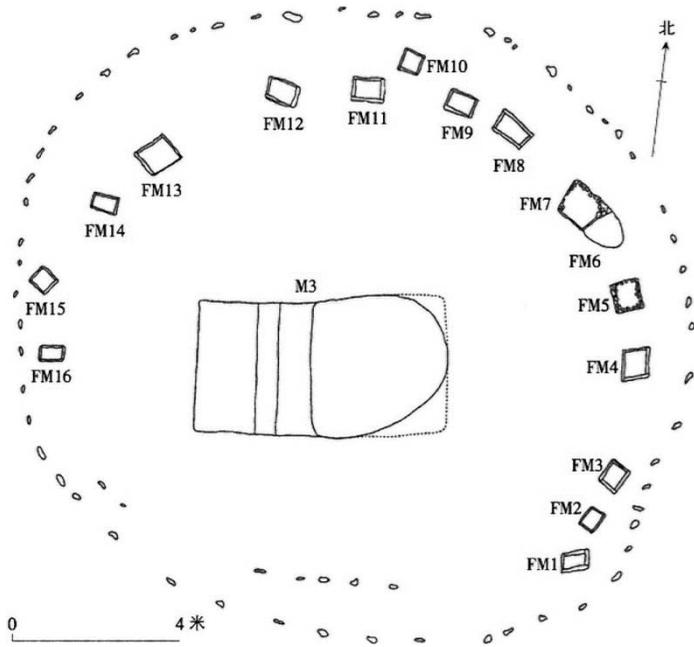

Fig. 6. Multigraves burial M3 in the Wutulan site.

XIA Xinjiang Nileke Wutulan mudu fajue jianbao [Brief report of the discovery of graves in Wutulan village, Nilka county, Xinjiang].

Wenwu [Cultural Relics] 2014, no. 12, p. 52, fig. 5.

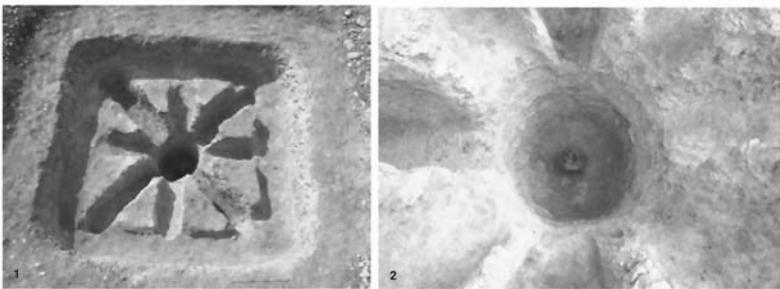

Fig. 7. Structure J1 at Wutulan site (1) and the ox head placed in its centre (2).

Xinjiang Nileke xian faxian Andelunuowo wenhua yicun [Remains of the Andronovo culture discovered in Nilka county, Xinjiang.]

Zhongguo Wenwubao [Cultural relics in China] 2013/12/06. Available at <http://www.kaogu.cn/html/cn/xianchangchuanzhen/2013/1209/44673.html>

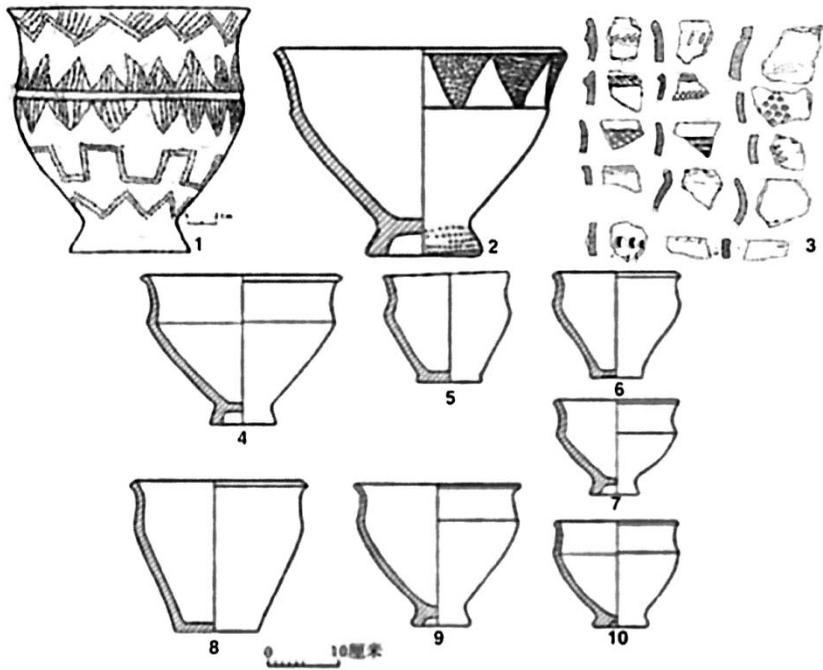

Fig. 8. Vessels from Yili-Tacheng region: decorated jar from Tuoli county (1), vessel from burial M51 at the Kuokesu cemetery (2), fragments of decorated jars recovered in the Xiakalangu'er site (3), undecorated vessels from the Kuokesu cemetery (4).

XIA Tuoli xian Sazicun gumuzang [Ancient cemetery in Sazi village, Tuoli County]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics], 1996, no. 2, p. 19, fig. 6; XIA Xinjiang Tekese xian Kuokesuxi 2 hao muqun de fajue [Excavations of the group of graves n°2 in the western district of Kuokesu village, Takesi county in Xinjiang].

Kaogu [Archaeology], 2012, no. 9, p. 6, fig. 9; Yu Z. Tachengshi Ergongxiang Xiakalangu'er cun guyizhi diaocha [Investigation on the ancient remains in Xiakalangu'er village, Ergong district, Tacheng city]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics] 1998, no. 2, p. 37, fig. 4; XIA Xinjiang Tekese xian Kuokesuxi 2 hao muqun de fajue [Excavations of the group of graves n°2 in the western district of Kuokesu village, Takesi county in Xinjiang].

Kaogu [Archaeology], 2012, no. 9, p. 6, fig. 9.

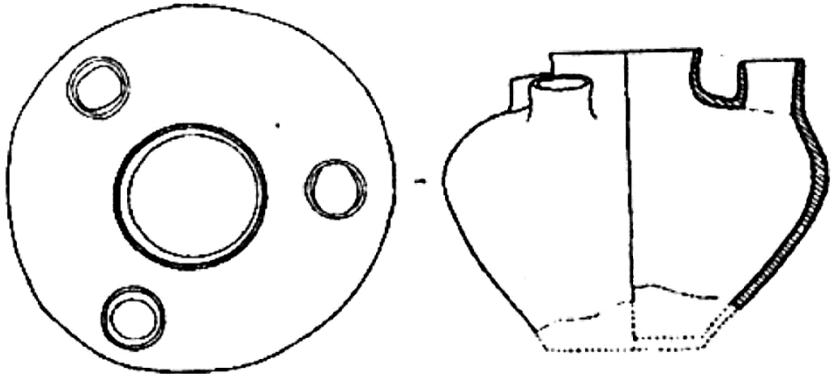

Fig. 9. The four-mouthed jar found in the Xiakalangu'er village.

Yu Z. Tachengshi Ergongxiang Xiakalangu'er cun guyizhi diaocha [Investigation on the ancient remains in Xiakalangu'er village, Ergong district, Tacheng city].

Xinjiang Wenwu [Xinjiang Cultural Relics] 1998, no. 2, p. 36, fig. 2.

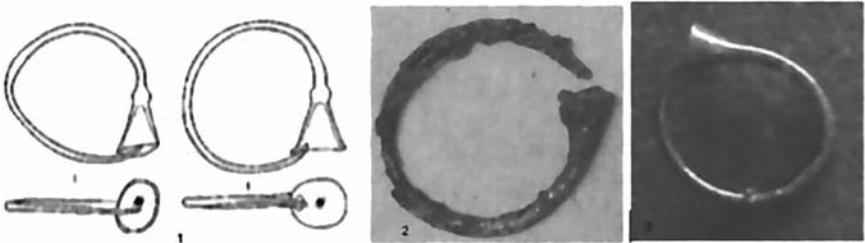

Fig. 10. Trumpet-ended earrings of the Andronovo-type from the Adun Qiaolu cemetery (1), Tangbalisay site (2) and Tasty Butak site (3).

IAC Xinjiang Wenquan xian Adun Qiaolu yizhi yu mudi [Remains and cemeteries in Adun Qiaolu village, Wenquan county, Xinjiang]. *Kaogu* [Archaeology] 2013, no. 7, p. 31, fig. 10; XIA Xinjiang Yili Nileke Tangbalisayi mudi fajue jianbao [Preliminary report of the excavation in Tangbalisayi cemetery in Nileke county, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics], 2012, no. 5, p. 18, fig. 14; Hermitage Museum.

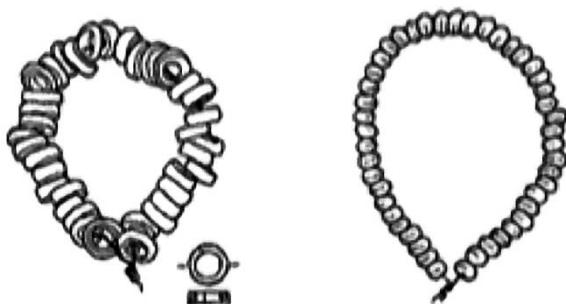

Fig. 11. Bracelet and anklet from the Tangbalisay site.

XIA Xinjiang Yili Nileke XIA Tangbalisayi mudi fajue jianbao [Preliminary report of the excavation in Tangbalisayi cemetery in Nileke county, Xinjiang]. *Wenwu* [Cultural Relics], 2012, no.5, p. 18, fig. 14.

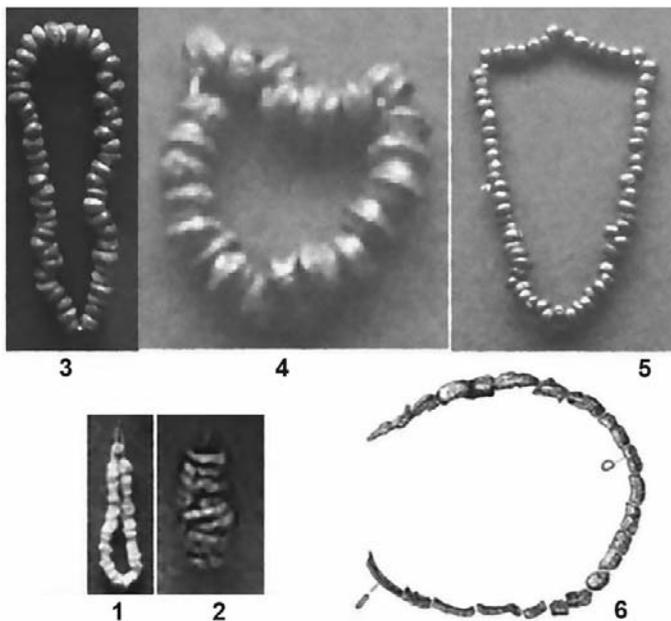

Fig. 12. Bone and bronze bracelets/anklets ascribed to the Catacomb Culture (1, 2), bronze bracelet/anklet found in some Andronovo contexts – Tasty Butak (3), Yenisei region (4, 5), Grishkina Zaimka, Southern Siberia (6). Hermitage Museum. Molodin V.I. et al. Late Bronze Age burial complexes of the Pakhomovskaya culture, eastern variant (site of Grishkina Zaimka, Baraba). *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, no. 1, p. 52, fig. 10.

Fig. 13. Moulds for producing mirrors at the Jie’ertaigoukou village.

Wang Y. and Ruan Q. 2015nian Xinjiang Nilekexian Jie’ertaigoukou kaogu gongzuo de xin shouhuo [New results of the 2015 excavations in Nilka county, Xinjiang]. *Xiyu Yanjiu* [Western Regions Studies], 2016, no. 1, p. 134, fig. 1.

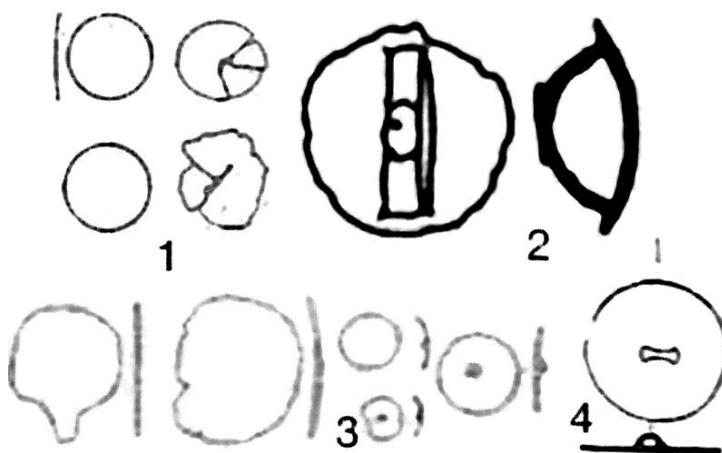

Fig. 14. Mirrors – Nazituobie village (1), Okunevo village (2), Shamshi site (3), Yanbulake cemetery (4).

Li S. Yilihe aga’ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga’ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, p. 101, fig. 2; Polyakov A. Karasukskie mogil’niki Okunev Ulus I-II [Karasuk graves Okunev Ulus I-II]. *Arkheologicheskiiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage], 2010, no. 38, p. 38, fig. 3; Shao H. Xinjiang diqu Andelunuowo wenhua

xiangguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers] 2009, fig. 3. Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>; CROX Xinjiang Hami Yanbulake mudi [Graves at Yanbulake, Hami county, Xinjiang]. *Kaogu Xuebao* [Acta Archeologica] 1989, no. 3, p. 344, fig. 23.

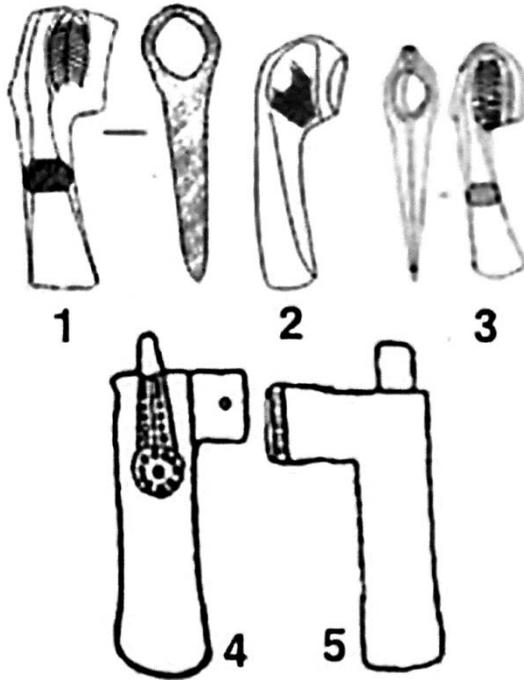

Fig. 15. Shaft-hole axes from the Yili-Tacheng region – Gongliu (1, 3) and Zhaosu (2) counties and axes from Chaodaogou, Qinglong, Hebei province, and Yanghe, Xinchun, Liaoning province (4, 5).

Li S. Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, pp. 99–110, p. 100, fig. 1 and p. 102, fig. 3; [Shao H. Xinjiang diqu Andelunuowo wenhua xiangguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2009, Fig. 11. Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>; Mei J. *Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its Cultural Context and Relationship with Neighboring Regions*. Oxford: Archeopress, 2000, p. 119, fig. 3.3.

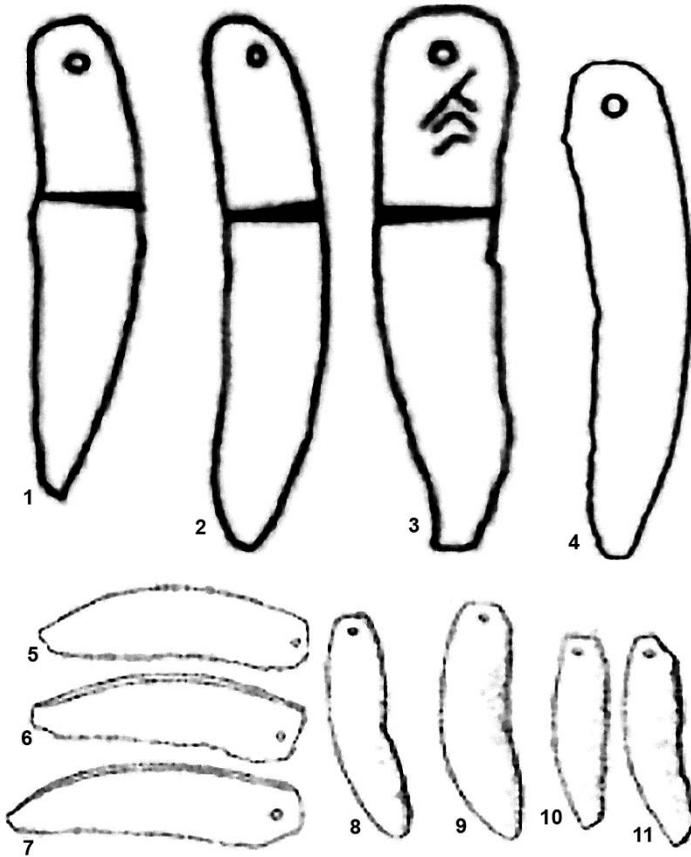

Fig. 16. Sickles from the Yili-Tacheng region – Gongliu (1–3) and Zhaosu (4) counties and sickles from Shamshi (5–7) and the Chu river region (8–11).

Li S., Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, p. 100, fig. 1 and p. 102, fig. 3; Shao H.

Xinjiang diqu Andelunuowo wenhua xianguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers] 2009. Fig. 3 Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>

Fig. 17. Celt-spades – Yili-Tacheng region (1–3), Tup (4), Syr Darya region (5), Kant (6), Ringitam (7), Ivanovka (8).

Li S. Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, p. 101, figs. 2.14,15 and p. 103, fig. 4.3; Shao H. Xinjiang diqu Andelunuowo wenhua xiangguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers] 2009. Fig. 3H.4-7, 3D.2. Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>

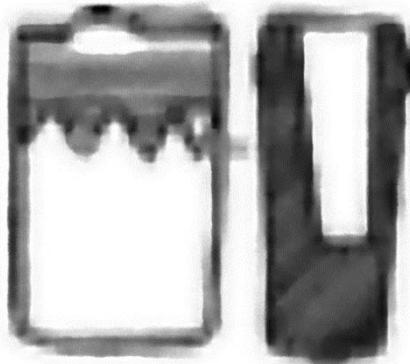

Fig. 18. Celt-hammer from the Aga'ersen hoard.

Li S. Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, p. 100, fig.1.

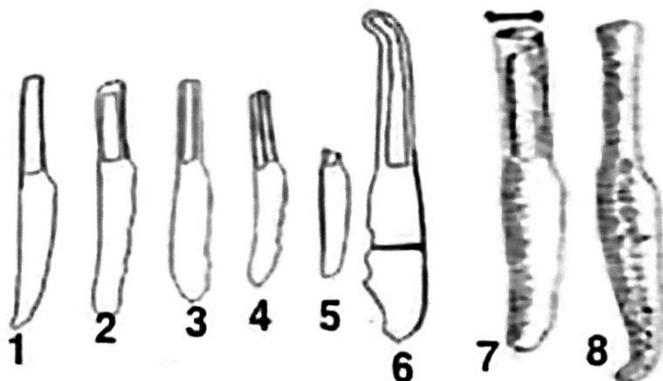

Fig. 19. Knives from Nazituobie (1–5), Zeketai (6) and the Preobrazhenka contexts (7, 8).

Li S. Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, p. 101, fig. 2 and p. 103, fig. 4; Shao H.

Xinjiang diqu Andelunuowo wenhua xianguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers] 2009. Fig. 3. Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>

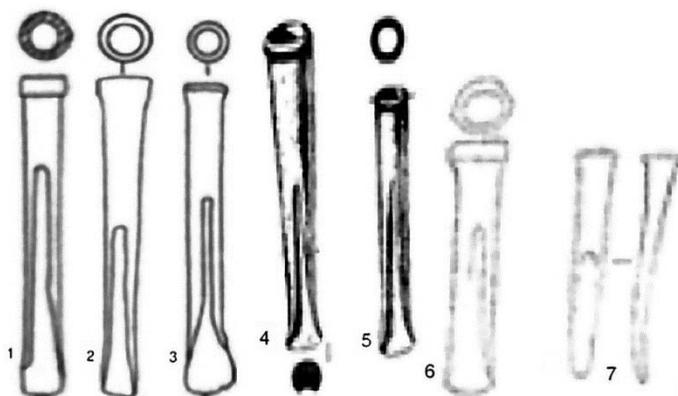

Fig. 20. Chisels from the Yili-Tacheng region – Aga'ersen hoard (1), Zhaosu County (2), Zeketai site (3) and chisels from sites of Sukuluk (4, 5) and Shamshi (6, 7).

Li S. Yilihe aga'ersen leixing qingtongqi [Typological study on the bronze objects found in Aga'ersen, Yili river valley]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers], 2014, no. 2, p. 100, fig. 1.7, p. 102, fig. 3.3 and p. 103,

fig. 4.2; Shao H. Xinjiang diqu Andeluo nuowo wenhua xiangguan yicun tanxi [Analysis of the Andronovo culture relics in Xinjiang area]. *Bianjiang Kaogu Yanjiu* [Archaeological research on Chinese frontiers] 2009, figs. 3A.1,2, 3B.3. Available at <http://www.sinoss.net/qikan/uploadfile/2010/1130/10692.pdf>

Fig. 21. Metallurgical structure of the chisel found at Tacheng city.
Mei J. *Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its Cultural Context and Relationship with Neighboring Regions.* Oxford: Archeopress, 2000, p. 138, fig. 4.17.

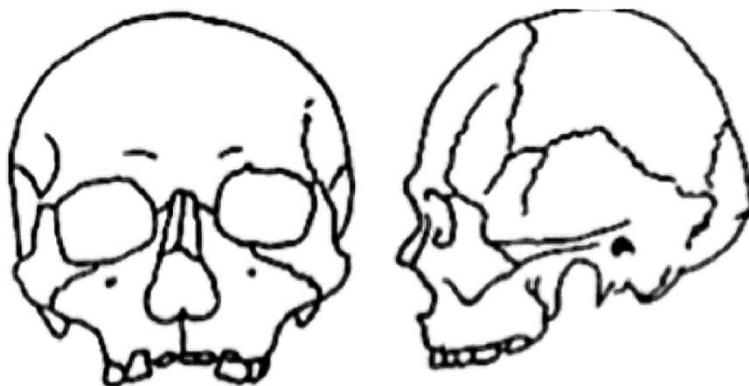

Fig. 22. Skull of the Pamir-Fergana type.
Han K. The physical anthropology of the ancient populations of the Tarim basin, *The Bronze Age and early Iron Age people of Eastern Central Asia.* Ed. Mair H.V. Washington: Institute for the study of the Man, 1998, vol. 2, p. 566, fig. 2.

РОССИЯНЕ В ЯПОНИИ: ЛЮДИ И ВСТРЕЧИ

Подалко Петр Эдуардович

доктор философии,

Университет Аояма Гакуин (Токио, Япония)

podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

Предлагаемый доклад ставит задачей всесторонне рассмотреть ряд вопросов, связанных с особенностями формирования и развития российской диаспоры в Японии. Распад СССР (1991 г.) вызвал мощную волну перемещения больших масс людей, как на пост-советском пространстве, так и эмиграцию значительного числа российских граждан за рубеж. При этом причины отъезда варьировались в достаточно широком диапазоне – от предполагаемо временной поездки на работу либо учебу, и до переселения сразу на постоянное жительство в связи со сменой социального статуса (вступление в брак с иностранцем, устройство на работу в зарубежную компанию и др.). Длительное время судьба наших соотечественников за границей интересовала российских ученых лишь применительно к так называемой «старой эмиграции», которая охватывала период с начала и до середины XX в. Думается, настало время расширить наши представления о теме «наши за границей», включив в нее современное состояние русскоязычного населения зарубежных стран.

Ключевые слова: Россия, Япония, эмиграция, российская диаспора, соотечественники за границей.

Первые русские в Японии

Российская колония в Японии с момента своего возникновения (в начале 1860-х гг.) долгое время выделялась своей малочисленностью, особенно в сопоставлении с количеством проживавших здесь граждан других западных держав. Несмотря на то, что именно Россия, наряду с США, оказала в свое время наибольший дипломатический нажим на Японию извне, вызвав тем самым прекращение политики самоизоляции, которой эта страна придерживалась в течение более чем двух столетий, даже после заключения первого двустороннего договора (Симодский трактат, 1855), формирование здесь сколько-нибудь заметной колонии россиян отодвинулось ещё почти на полвека.

Достаточно сказать, что, например, в 1869 г. в Йокогаме, ставшей к тому времени главным «экспортным» торговым портом Японии с наличием в нем большого Иностранного селтльмента, не только не было никаких дипломатических или торговых представительств Российской империи, но и ни одного постоянного резидента из числа российских подданных. В следующем после Йокогамы по своему торговому значению порту Кобе, чей Иностранный селтльмент к началу XX в. считался образцовым на Дальнем Востоке, превосходя в этом отношении Гонконг и Сингапур, первые зарегистрированные официально россияне в количестве двух человек появляются лишь в 1872 г. Данная ситуация не изменилась и после открытия консульства России в Токио (в 1872 г., с 1874 г. – преобразовано в Генеральное консульство; статус посольства получен в 1908 г.) и ряде мест на периферии.

Эмигранты

Размеры российской колонии стабильно сохранялись на уровне примерно 100–150 человек (включая дипломатов и членов их семей) вплоть до начала 1910-х гг., когда Первая мировая война и две революции 1917 г. резко изменили облик проживавших в Японии россиян. Уже в начале 1918 г. в стране появились первые беженцы из Советской России, число которых неуклонно возрастало по мере того, как Белая армия отступала на восток под натиском «красных» частей: так, в 1918 г. в Японии было зарегистрировано российских граждан 7251 чел. Основную массу среди них составляли те, кто не планировал остаться в этой стране навечно и лишь в силу определенных причин (чаще всего – экономических) задержался с отъездом на более или менее значительный срок. В целом, можно выделить три волны русской эмиграции в Японию, каждая – со своими особенностями и отличием не только по численности, но и по качественному составу эмигрантов: 1) 1917–1923; 2) 1924–1945; 3) 1945–1952 гг.

В начале 1920-х гг. в Японии проживало более полутора тысяч «белых русских»: в те годы местные власти обычно относили к этой категории всех уроженцев бывшей Российской империи – поляков, евреев, татар, украинцев, кавказцев и др., не делая различий между ними и собственно этническими русскими; примерно столько их числилось и в дальнейшем, вплоть до конца Второй мировой войны (напр., в 1930 г. – 1666 чел.)

После установления в 1925 году дипломатических отношений с пост-революционной Россией (Пекинский договор К.Ёсидзава – Л.Карахана) в Японию начинают прибывать советские граждане, и две России – старая и новая – какое-то время сосуществуют, правда, сведя до минимума прямые контакты между собой. Здесь следует особо отметить, что численность русских эмигрантов в довоенный период временами «в разы» превышает количество «большевиков».

В то же время общее число «всех русских» (как и прежде, в эту категорию в Японии помещали всех граждан теперь уже Советского Союза, независимо от национальности; в случае эмигрантов применялся новый термин «*мукокусэки*», переводящийся как «лица без гражданства»), одновременно проживающих в стране, вплоть до начала в СССР «перестройки» редко превышало две-три тысячи человек, постепенно сокращаясь, и в послевоенный период скольконнибудь заметной роли во внутренней жизни Японии русская колония не играла. Уже с конца 1950-х гг. настоящих эмигрантов из России в Японии почти не осталось: люди уходили из жизни в силу естественных причин (возраст, болезни), кто-то уезжал в Австралию, США и другие страны, некоторые репатриировались в СССР. На 1977 г. статистика все ещё фиксирует проживание в Японии «лиц без гражданства» (102 чел.), однако уже с середины 1950-х гг. так стали именовать в официальных источниках представителей и других стран и регионов, постепенно распространив это название на всех без исключения иностранцев, по разным причинам утративших свое исходное гражданство, в итоге лишив термин «*мукокусэки*» его «российской» специфики.

«Ветер перемен»

В 1980 г. в Японии проживало 345 чел., в то время ещё советских граждан (главным образом дипломаты и работники торгпредства и члены их семей); в 1985 г. это число сократилось до 322 чел., но в предпоследний год существования СССР (1990) снова выросло до 440 чел., а ещё через пять лет и этот показатель вырос почти в пять раз: в 1995 г. 2169 человек обоего пола с уже российским, а не советским гражданством находились в Японии на срок более 3-х мес., т.е. не по туристической, а по рабочей либо учебной визе. В последующие годы рост «российской колонии» шёл ещё быстрее: 1999 г. – 3297 чел., 2000 г. – 4897 чел., 2001 г. – 5329 чел., 2002 г. – 6026 чел.,

2004 г. – 6734 чел. (по другим данным – 7164 чел.). Параллельно рос и туристический поток: в 2004 г. в Японию въехало свыше 34 тыс. российских туристов (по другим данным – около 40 000 чел.).

Как уже говорилось выше, здесь и далее речь идет только о гражданах Российской Федерации (РФ), без учета ставших отдельными государствами территорий бывшего Советского Союза. Тогда же, в 2004 г., российскую среднюю общеобразовательную школу при посольстве РФ в Токио регулярно посещали 215 детей: эти данные, напротив, включают не только детей россиян, но также тех, чьи родители, будучи гражданами других государств, были готовы платить за обучение своих детей по российской государственной школьной программе и на русском языке (в 2004 г. – дети из Узбекистана, Белоруссии, Украины, Монголии, Республики Корея и др.).

В 1993 г. в Токио возник «Русский клуб», который первое время базировался на территории Российского посольства и сразу же обрел популярность среди выходцев из бывшего СССР, независимо от их нового гражданства, включая граждан тех стран, отношения которых с Россией были к тому времени недружественны (страны Прибалтики, Грузия, Молдова). Впрочем, эта идиллия продолжалась недолго, так как среди русских (и русскоязычных) людей за границей центробежные силы традиционно преобладают над центростремительными, что было в прошлом неоднократно продемонстрировано эмигрантами всех «волн».

Вскоре единый «Русский клуб» распался на несколько самостоятельных клубов, каждый из которых имеет в настоящее время свой интернет-сайт, свои программы мероприятий и свои альтернативные образовательные кружки для русскоговорящих детей либо курсы русского языка и отдельных предметов из программы начальной школы. Наиболее массовым культурным мероприятием в каждом клубе остается детское празднование Нового года, проводимое в конце декабря, обычно в виде театрализованного представления.

XXI век: цифры и факты

К концу первого десятилетия нового, XXI века, российская диаспора в Японии все еще не достигла десятитысячного рубежа. Так, по материалам японских иммиграционных служб, на конец 2010 г. в стране официально числилось 7814 граждан России, зарегистрированных во всех 47 префектурах. При этом в 2001–2007 гг. русское

население в Токио выросло на 66 %, в Осака – на 39 %, а в периферийной префектуре Тояма – даже на 185 % (впрочем, последними цифрами чрезмерно обольщаться не следует, ибо они говорят не столько об абсолютном росте численности россиян, сколько об отсутствии их в данном регионе к началу рассматриваемого периода).

Основными центрами концентрации россиян (как и выходцев из других стран бывшего СССР), как и прежде, оставался район Большого Токио со столицей Токио (2083 чел.), префектурами Канагава (749 чел.), Тиба (488 чел.), Сайтама (402 чел.) и Ибараки (201 чел.); далее в порядке убывания шли район Хокуруку на побережье Японского моря (где традиционными местами проживания русских являются префектуры Ниигата – 326 чел., Тояма – 353 чел., Фукуи – 86 чел.), остров Хоккайдо (571 чел.; здесь «русскими» традиционно считаются города Саппоро и Хакодате – в последнем уже свыше полутора десятилетий существует японский филиал Дальневосточного государственного университета (ныне – Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток) с полным курсом обучения и выдачей дипломов установленного государственного образца – случай уникальный среди российских вузов, так как речь идет о получении российского образования студентами из страны, традиционно предпочитавшей собственные учебные стандарты, и район Кансай (префектуры Осака – 394 чел., Хёго – 202 чел., Киото – 195 чел.), где ряд университетов в городах Киото, Осака, Окаяма заключили еще в советские времена соглашения о научном и студенческом обмене с российскими вузами, что во многом и по сию пору определяет особенности возрастного и социального состава местной российской колонии.

Более подробный анализ российской диаспоры в Японии выявляет ее ярко выраженный «женский характер»: общее число женщин всех возрастов превышает соответствующее число мужчин в 2,25 раза – 5423 против 2391 на конец 2010 г. Дети и подростки обоюбого пола (0–19 лет) составляли 1043 чел.; категория от 20 до 39 лет – 5107 чел. (в этой категории превышение числа женщин над числом мужчин являлось наибольшим – в 3,55 раз, 3985 против 1122), лица обоюбого пола старше 40 лет – 1664 чел. Характерно, что соотношение числа женщин и мужчин резко изменяется в пользу последних, начиная с рубежа в 45 лет, что показывает верхний возрастной предел основной массы в категории так называемых «русских жен», о ком будет сказано ниже.

Следует отметить, что приведенные выше данные японского правительственного сайта более чем в 2 раза отличались (и поныне продолжают отличаться) от официальной российской статистики. Так, по информации Консульского отдела Посольства РФ в Японии, на конец декабря 2011 г. на учете российских дипломатов числилось всего 3783 граждан России, среди них было 3103 взрослых и 680 детей, при этом 570 взрослых и 91 ребенок имели статус резидента с правом постоянного проживания в Японии. Очевидно, что несмотря на наличие в Японии российского посольства в Токио и консульств в Ниигата, Саппоро и Осака (причем последние два имеют статус Генерального, т.е. по рангу выше обычного консульства), значительное число россиян, как и прежде, не стремится афишировать свое пребывание в стране официальным уведомлением о своем наличии в российские дипломатические органы и не предоставляет необходимых персональных данных в указанные учреждения. В последние годы такая тенденция «умолчания» сведений о себе ещё более укрепилась, чему весьма способствовало официальное снятие российским МИДом требования об обязательной постановке на консульский учет российских граждан при оказании им различного рода консульских услуг начиная с 2014 г. В итоге многие россияне, обращаясь в посольство и консульства, отныне перестали фиксировать там адрес и прочие данные касательно своего местопребывания в стране, в результате чего, по официальным российским данным на 28 ноября 2014 года в Посольстве РФ в Токио на учете состояло российских граждан 2064 чел. обоего пола (данных по отдельным возрастным группам и родам деятельности зафиксировано не было). Для сравнения: японская статистика за тот же период фиксирует проживание в стране 7566 российских граждан, среди них мужчин – 2307 чел., женщин – 5259 чел., причем самая большая диспропорция «по полу» по-прежнему наблюдается в возрастной категории от 20 до 39 лет: здесь на 1079 мужчин приходится 3748 женщин (перевес почти в 4 раза в пользу последних).

Говоря о сферах деятельности россиян в Японии, следует отметить такие как: преподавание в вузах (в 2010 г. – 142 чел., в 2014 г. – 134 чел.); инвестиции и менеджмент (в 2010 г. – 128 чел., в 2014 г. – 143 чел.); научные исследования (в 2010 г. – 52 чел., в 2014 г. – 45 чел.); разные виды артистической деятельности (в 2010 г. – 268 чел., в 2014 г. – 210 чел.; в эту категорию входят выступления в танце-

вальных шоу, кабаре, сольных концертах и др.); работа в качестве переводчиков, гидов и другая деятельность в гуманитарной сфере (в 2010 г. – 615 чел., в 2014 г. – 604 чел.) и т.д. Студентов и стажеров из России в 2010 г. в Японии обучалось 514 человек (в 2014 г. – 574 чел.), и еще 11 человек (в 2014 г. – 12 чел.) были так или иначе задействованы в области образования помимо преподавания в вузах.

Более «свежие» данные за декабрь 2015 г. фиксируют проживание в Японии 8092 россиян обоого пола, что составляло 58 % от общего числа иностранных резидентов в Японии, бывших гражданами государств, которые некогда входили в СССР (их суммарная численность тогда же составляла примерно 14 000 чел.).

Из класса – в лабораторию

Нередки случаи, когда русские студенты и аспиранты по окончании учебы предпочитают остаться в Японии, устраиваясь на работу в университеты или частные компании. Правда, в последние годы это происходит не так часто, как два десятилетия назад, чему виной как последствия общего кризиса в экономике и образовательной сфере, так и обострение конкуренции со стороны других иностранцев – в современной Японии остается все меньше видов деятельности, где выходцы из России могли бы использовать свои преимущества в знании русского языка и культуры, тем более что русские отделения во многих университетах, начиная с конца 1990-х гг., сокращают набор студентов, а то и вовсе ликвидируются (последнее объясняется прежде всего падением международного престижа России и, соответственно, потребностью в изучении русского языка, российской истории и культуры), что особенно характерно для периферийных вузов. Впрочем, указанные тенденции характерны прежде всего для гуманитарных специальностей и, как правило, не касаются специалистов в области точных и естественных наук: здесь число как собственно русских, так и уроженцев других частей бывшего СССР по-прежнему довольно значительно. Среди наиболее востребованных специальностей следует назвать различные области физики, математику, программирование, химию и биологию. Вследствие отсутствия в Японии единой Академии наук, местные исследовательские центры существуют в основном при крупных компаниях (исключая научный центр в г. Цукуба, который и был в свое время создан по примеру знаменитых «академгородков», воз-

никших в СССР в 1960–70-х гг.), либо в университетских центрах. Работающие в них иностранные специалисты, включая россиян, за редким исключением селятся достаточно компактно и со временем образуют свои «комьюнити» или «объединения по интересам», прежде всего – профессиональным.

Учитывая, что большинство научных центров Японии возникло в провинции или пригородах мегаполисов (иногда – весьма удаленных от центра), это привело к тому, что многие российские ученые годами живут в Японии, и при этом их уровень реальных знаний об этой стране даже по прошествии ряда лет не слишком отличается от среднего уровня просвещенного туриста.

Родители и дети

Есть и еще одна проблема, с которой сталкиваются в Японии почти все «семейные» россияне. Многие приезжают сюда холостыми или только вступившими в брак, но затем рождаются дети, они растут, начинают ходить в детский сад, потом – в школу, и возникает «проблема отцов и детей» с японской спецификой.

В отличие от родителей, приехавших уже будучи взрослыми, у детей, рожденных в Японии или привезенных в эту страну в раннем возрасте, очень быстро идет процесс социализации по местному варианту: во-первых, у них практически нет языкового барьера, и во-вторых, как правило крайне мало условий для получения полноценного образования на русском языке и воспитания в русскоязычной культурной среде, особенно если речь идет о семьях, живущих в провинции. Словарный запас этих детей (даже при наличии обоих русскоязычных родителей) беднеет очень быстро, ментально они также постепенно превращаются в японцев, и это, в свою очередь, ставит их родителей перед сложным выбором – где жить дальше (если вдруг заканчивается японский контракт), куда детям поступать после школы, какое гражданство выбирать по достижении ребенком совершеннолетия (в Японии – 20 лет) и т.д.

Единственной школой, дающей полное среднее образование по российской государственной учебной программе и имеющей государственную аккредитацию, по-прежнему является Школа при Посольстве РФ в Токио, носящая по старой, ещё советской традиции имя знаменитого разведчика Рихарда Зорге, в которой по данным на сентябрь 2014 г. числилось в общей сложности 279 учеников из

шести стран (не считая Японию, хотя многие учащиеся дети имеют параллельно японское гражданство). При этом на очном отделении было зарегистрировано 121 чел., почти две трети из которых являлись детьми сотрудников российских загранучреждений (для этих детей образование предоставлялось на бесплатной основе, в то время как все прочие ученики очного отделения обязаны возмещать затраты на обучение в размере 30 тысяч японских иен в месяц). Остальные же 158 учеников (т.е. свыше половины от общего числа детей) обучались по системе экстерната, представляющей собой разновидность заочного обучения, при котором ученик проходит весь материал самостоятельно, посещая школу 1 раз в неделю для сдачи письменных тестов по основным предметам. Образование для этой категории предоставлялось на платной основе, которая составляла в тот момент 30 тысяч японских иен в год. Кроме того, как было указано выше, во многих городах с компактным проживанием россиян существуют частные «школы», как правило, для детей младших возрастов (исключения редки), такие как «Русская школа в Саппоро» (около 40 детей на середину 2012 г.), школа «Радуга» в Токио (35 учеников), школа «Одуванчик» в Тояма (15 учеников) и др., главной целью которых является сохранение у детей в более или менее «рабочем состоянии» русского языка, а также и обучение их основам знаний о России и русской культуре.

Здесь необходимо пояснить, что по действующему японскому законодательству официально называть себя «школой» имеет право только школа при Посольстве РФ – все прочие русскоязычные образовательные учреждения в Японии под этот статус не попадают и числятся «школами» только в собственных рекламных буклетах на русском языке и иных русскоязычных источниках. Соответственно, и опыт обучения в них не дает детям никаких преимуществ при поступлении в японские учебные заведения старших ступеней, но облегчает решение проблемы коммуникации с русскоговорящими родственниками в Японии и России.

Замуж за японца

Следует также назвать и такой особый источник формирования современной русской диаспоры, как межнациональные браки.

Значительную часть российских граждан в Японии составляют так называемые «русские жены японских мужей» (число русских

мужчин, вступающих в брак с японками, весьма невелико, и такие случаи составляют подавляющее меньшинство в процентном отношении от общего числа смешанных пар), среди которых преобладают уроженки Сибири и Дальнего Востока; за ними следуют представительницы центральных и южных районов Европейской России.

В настоящее время интернациональные браки в Японии составляют примерно 5 % от общего числа, т.е. каждый 20-й регистрируемый брак заключается с представителем нетитульной нации (причем в большинстве случаев это женщина-иностранка), что в полной мере соответствует «курсу на интернационализацию», принятому японским правительством ещё в начале 1990-х гг. (правда, и уровень разводов в этой группе достаточно высок, в 2009 г. он достиг 40 % от общего числа интернациональных браков).

Подобные браки заключаются как путем частных (личных) знакомств, так и с привлечением брачных агентств (находящихся как в Японии, так и за рубежом), рекламы соответствующих интернет-сайтов и т.д. До недавнего времени нередко были случаи, когда дети, рожденные в таком браке, сразу же получали российское гражданство; хотя Япония официально не признает институт двойного гражданства, для детей обычно делалось исключение, однако по достижении 20 лет каждый носитель двух или более паспортов обязан выбрать, гражданином какой страны он/она отныне желает быть.

При этом мать ребенка зачастую сохраняет свое российское гражданство, ограничиваясь получением постоянного вида на жительство, что позволяет ей не только работать (при наличии на то возможности и желания), но также пользоваться различными социальными благами наравне с японцами, и упрощает въезд в Россию для свидания с оставшимися там родственниками. По данным японских органов, в 2010 г. в стране проживало 1566 граждан России, официально состоявших в браке с японцами (в 2014 г. – 2241 чел.), и 2945 россиян – обладателей разных статусов «резидента» (в 2014 г. – 3219 чел.), которых в Японии существует 3 разновидности, и все – с правом постоянного проживания и возможностью легально работать. Следует отметить, что право претендовать на получение статуса «постоянного резидента» в Японии предоставляется не только по факту вступления в брак с гражданином Японии, но также любым иностранцам, имеющим стабильный постоянный доход и стаж проживания в стране свыше 5 лет. Так, среди россиян, дли-

тельное время проживающих в Японии, статус постоянного резидента (по-японски – «эйдзюся») имели 33.9 % (для сравнения, в 2006 г. таких было 12 %).

В последнее время вместе с упрощением процедуры получения иностранцами японского гражданства, выросло число россиян, готовых сменить российское гражданство на японское. При этом далеко не всегда в подобных случаях речь идет о смешанных семьях. Дело в том, что при наличии японского гражданства его обладатель получает право на безвизовый въезд в большинство развитых стран мира; что же касается России, то поездки туда отныне осуществляются через получение обычной туристической визы по приглашению оставшихся в России родственников, либо через обычные туристические агентства.

Нелегалы и мафиози

Существует и еще одна категория «наших в Японии» – это туристы, не возвратившиеся назад по истечении срока действия визы (и, как правило, сделавшие это намеренно), а также «профессиональные туристы», раз за разом приезжающие в Японию по формальной туристической визе с целью работы на период ее действия (обычно до трех месяцев за один раз) на не вполне легальных условиях. В этой группе большинство также составляют молодые женщины, выступающие в различного рода песенно-танцевальных ревью, работающие в качестве «хостесс» (понятие, смысл которого по-русски можно передать как «девушка, встречающая и развлекающая беседой клиентов и завсегдатаев заведения» – обычно в рамках соблюдения основных приличий, хотя возможны разные варианты) в ресторанах и барах, нередко действующие (как можно предположить) под контролем местных криминальных структур.

По понятным причинам все данные, касающиеся этой категории лиц, носят весьма приблизительный характер, и статистика здесь более чем условна, однако есть основания считать их общую численность весьма значительной, позволяющей существенно увеличить суммарную цифру представителей российской диаспоры в Стране восходящего солнца.

Говоря о криминальных структурах, нельзя обойти вниманием столь популярную за рубежом тему «русской мафии». Впрочем, как раз Япония не дает больших оснований для разработки этой темы,

ибо несмотря на в целом не очень дружественную по отношению к России позицию местных СМИ (что, впрочем, полностью соответствует официальному политическому курсу), тема «русской мафии» на страницах японских газет и журналов – редкий гость.

Причин тому много, среди них следует назвать такие как: относительная слабость экономических связей двух стран, общая немногочисленность русской диаспоры в Японии, особенности национального менталитета, островное положение страны и ряд других.

Правда, в середине 1990-х гг. японская печать уделяла внимание описанию как «новых русских», так и особенностей их поведения, вплоть до вооруженных конфликтов (по-тогдашнему – «внутренних разборок»), которые имели место на соседних с Японией территориях РФ (как правило, речь шла о Приморье и Сахалине, откуда в те годы осуществлялся въезд в Японию туристов и бизнесменов по упрощенной системе получения виз). Известны даже несколько случаев попытки сведения счетов между отдельными членами российских преступных группировок на японской территории, вплоть до убийства, но все они в конечном итоге были пресечены совместными действиями японских и российских правоохранительных органов, и вот уже более десяти лет тема «русской мафии» почти не поднимается в японской прессе и теленовостях.

В целом же отношение японских медиа и – шире – японского общества к российской диаспоре можно оценить как доброжелательно-нейтральное. Стремление русских к общению с себе подобными в русскоязычной среде (русские клубы, детские праздники, совместные поездки на природу и т.д.) не приводит к глубокой интеграции в местное общество; к тому же сами японцы сохраняют определенную дистанцию в общении с иностранными землячествами (это в меньшей степени касается общения на индивидуальном уровне). Относительно высокий процент среди представителей русской общины молодых женщин, многие из которых, особенно на первых порах, слабо владеют японским языком (что значительно сужает сферу их потенциальной трудовой и общественной деятельности), сравнительно быстро выходит замуж и «оседает» в семьях; большая группа молодежи (студенты и аспиранты), которая в силу «космополитических» особенностей своего возраста и будучи распылена между разными университетами, не стремится, как правило, выступать с каких-то особых «русских» позиций, – как эти, так и ряд других факторов способ-

ствуют тому, что русская диаспора, как правило, не воспринимается японцами как некая самостоятельная, цельная структура. Исключение – впрочем, весьма малочисленное – представляют российские преподаватели японских вузов, но в этом случае сама специфика их работы (в основном это – преподавание русского языка и связанных с ним гуманитарных предметов) требует от этих людей определенного выделения, подчеркивания своей ожидаемой «русскости», что нередко проявляется у них и в повседневной жизни.

Соотечественники дома: проблема обратной связи

В заключение необходимо сказать несколько слов о проблеме обратной связи, точнее же – об отсутствии де-факто обратной связи как таковой. Имеется в виду проблема взаимодействия российской диаспоры в Японии с Россией. К сожалению, несмотря на все призывы властей на самом высоком уровне, в современной России до ничтожного мало используется потенциал соотечественников, живущих и работающих за рубежом. Российские ученые, особенно гуманитарии – историки, лингвисты, экономисты, культурологи – работающие в японских вузах, крайне редко приглашаются прочесть лекции или спецкурсы в российские университеты. Российские журналисты, приезжающие в Японию на короткие сроки, почти никогда не обращаются в процессе подготовки своих материалов к россиянам, длительное время живущим и работающим в Японии, что в итоге приводит к появлению множества некомпетентных и поверхностных публикаций (как, например, это имело место после сильного землетрясения и аварии на АЭС «Фукусима» 11 марта 2011 г.). Реализуется очень мало совместных исследовательских проектов, при том что русские ученые часто приезжают в Японию на различные конференции и в целом владеют информацией о текущей работе своих российских коллег, работающих в этой стране. В целом, независимо от провозглашаемых лозунгов, диаспора остается как бы незамеченной российским руководством.

Думается, что заметную роль в улучшении существующего положения могло бы (и должно было бы) сыграть посольство РФ в Японии. С момента распада СССР и обретения Российской Федерацией её нынешнего статуса субъекта международного права, более полутора десятилетий (имеется в виду период с 1992 г. до середины 2000-х гг.) посольские и консульские структуры в Японии существовали как бы

сами по себе, старательно игнорируя факт наличия в стране растущей популяции россиян. Порой даже имели место случаи откровенного пренебрежения интересами соотечественников, в особенности из числа вступивших в брак с японскими гражданами. Однако следует отметить, что в последнее время наметилась явная тенденция к изменению данной ситуации в лучшую сторону, что проявляется как в расширении диапазона предоставляемой помощи и услуг, оказываемых россиянам со стороны посольства, так и в общем улучшении атмосферы взаимодействия между дипломатическим ведомством, представляемыми им госорганами и отдельными гражданами.

Заключение

История формирования российской диаспоры в Японии за минувшие с момента подписания Симодского трактата полтора столетия прошла несколько важных этапов. Десятилетия медленного роста числа проживавших в стране россиян сменились резким послереволюционным скачком за счет массового притока беженцев с материка, получивших у местной администрации общее название «белых русских», которых затем частично сменили (а частично как бы «разбавили») прибывшие на очередном этапе «красные». Послевоенный период «холодной войны» численному росту эмиграции отнюдь не способствовал, вернув статистику к показателям самого начала XX века, однако взявшая старт весной 1985 г. «перестройка» и последующее снятие ограничений на выезд из страны привели к массовому оттоку части россиян за рубеж, и в том числе в Японию. Начиная с конца 1980-х гг. число российских граждан, проживающих в Японии, с каждым годом стабильно увеличивается, что уже позволяет говорить о российской диаспоре как сложившемся феномене. Вместе с тем ряд факторов, среди которых не последнее место занимает традиционное наличие значительной центробежной силы (что было всегда характерно для русского общества за границей), указывает на то, что процесс формирования диаспоры на данный момент ещё не завершён, однако, это в свою очередь не препятствует изучению её в качестве примера зарождения и развития нового российского социума в инокультурной среде.

Литература

1. Подалко П.Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. 352 с.
2. Самсонова В., Ким Е. Миграция в Республике Корея: современное состояние, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 87–98.
3. Нихон-то Юрасиа [日本とユーラシア。東京：日本ユーラシア協会] Вестник Общества «Япония – страны Евразии». Токио: Нихон Юрасиакёкай, 2010. №№ 1398–1400.
4. Seifutokei-nosougomadoguchi (<http://www.e-stat.go.jp>) / Статистический сайт правительства Японии.

RUSSIANS IN JAPAN: MEETING THE PEOPLE, 1985–2015

Podalco Petr Eduardovich

Professor, Doctor of philosophy,

Aoyama Gakuin University (Tokyo, Japan)

podalko@sipeb.aoyama.ac.jp

This report contributes to the research of the modern history of Russo-Japanese relations in the 20–21st centuries, primarily exploring one of the most unknown chapters of the present-day relations between Russia and its Far-Eastern neighbor – quantity and main characteristics of the modern Russian natives' community in Japan. The author based his work on numerous materials, including official data from the Japanese Governmental sites, statistics, private information obtained from the author's personal experience of life in Japan for more than 20 years, interviews with Russian people of different social strata living in various parts of Japan, etc. Special attention was paid to the field work in the Russian state-run school at the Embassy in Tokyo and to collecting data about other Russian-language schools in Japan (most of them private). Consequently, this report is to explore the phenomenon of Russian post-perestroika migration to Japan (on different purposes), its gender specific and many other characteristics, finally giving a general portrait of the Russian community in modern Japan. While the so called “old Russian Emigration” to this country – mostly people who fled the revolutionary homeland in the beginning of 20th century – have been relatively well-researched to the present, the great number of Russians who left their homeland after the collapse of the former Soviet Union is still almost untouched by scientific scrutiny. Then-Soviet Union colony

in Japan (where Russians played most significant role) in mid-1980s had merely exceeded 300 people; this figure has grown up more than 20 times in just only two decades. Twenty years ago there were exchange or post-graduate students and young researchers of different fields (almost all of them being unmarried) who formed the biggest group of Russians on Japanese soil. Nowadays the Russian community in Japan, totaling around 8,000 persons, outnumbers the Portuguese and the French communities as well as many others. That makes the Russians quite a visible part of foreign society in present-day Japan. There are few private Russian “circles” for children (including those from international marriages), although there is a state-run school attached to the Russian Embassy in Tokyo and so-called “Russian clubs” which provide many different activities throughout the year, including the traditional celebration of the Russian New Year. Among the Russians, who came to Japan in recent years, the largest group is made up of women (mostly in their 20–30s), many of them having Japanese spouses, while most Russian men in Japan (of any age) are single or married to compatriots. Some of those Russians who built a family here finally take Japanese citizenship, but more often they prefer to keep being Russian citizens with status of permanent residence in Japan. These and many other interesting topics are touched on and explored in the article presented here.

Keywords: *Russia, Japan, emigration, Russian Diaspora.*

МИГРАЦИЯ ТАТАР ИЗ ЯПОНИИ В ТУРЦИЮ И США: ЧТО ПРОИЗОШЛО С НИМИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?

Саеко Нумата

*сотрудник Японского общества развития науки,
аспирант Высшей школы гуманитарных наук
Университета Васэда (Токио, Япония)
sayokonmt@gmail.com*

Татары Волго-Уральского региона мигрировали в Японию после революции 1917 года. Большинство исследований по татарам посвящено главным образом довоенной и военной японской исламской политике, в то время как меньше внимания было уделено жизни татар в послевоенный период. Настоящая статья призвана осветить миграцию татар в Турцию и США в 1950-х и 1960-х гг. на основе списков иммигрантов и интервью с мигрантами второго поколения, родившимися в Японии.

Предоставление турецкого гражданства в 1953 г. стало поворотным моментом для татар, проживавшим в Японии. Турция была привлекательна не только из-за упрощенных миграционных процедур, но и благодаря языковому сходству этой мусульманской страны с остальными тюркскими народами. Однако в 1960-х гг. некоторые татары эмигрировали из Турции в США из-за сокращения рабочих мест, трудностей в адаптации к турецкому обществу и культуре.

Ключевые слова: татары, второе поколение, миграция, Япония, Турция, США.

Широко известен тот факт, что в результате русской революции 1917 г. тюркские мусульмане Волго-Уральского региона эмигрировали в Маньчжурию, на Корейский полуостров и в Японию. Появилась научная тема «татарской эмиграции»¹, которая находилась в

¹ В отношении мусульман тюркского происхождения, переехавших на Дальний Восток из Волго-Уральского региона, и их потомков, используются разные термины в зависимости от времени и места. Например, «бывшие россияне» (*Kuy-rokokujin*), татары (*Dattanjin*), турко-татары, тюрко-татары, казанские татары, казанские тюрки, волго-

центре исламской политики Японии (*the Japanese Islam Policy*) в 1930-е гг. Эта тема включает основные исследования по татароязычной периодике, деятельности общин и лидеров эмиграции Абдурашида Ибрагима, Абдулхака Курбангали, Гаяза Исхаки на Дальнем Востоке (*the Far East*). С другой стороны, очень кратко упоминалось о том, что начиная с конца Второй мировой войны и до сегодняшнего дня большинство эмигрантов переехало с Дальнего Востока в Турцию и США. В этой статье показывается общая картина послевоенной эмиграции, обращается особое внимание на людей с опытом проживания в Японии².

Тогда как первое поколение эмигрантов родилось в России и после революции пришло на Дальний Восток, второе поколение эмигрантов родилось на Дальнем Востоке, а третье поколение родилось уже в Турции и Америке. В настоящее время (в 2016 г.) появилось уже четвертое поколение потомков эмигрантов. На Дальнем Востоке это всего лишь несколько семей, проживающих в Японии. Особенностью второго поколения эмигрантов, в раннем детстве испытавших исламскую политику Японии, является то, что после войны в своем большинстве они решили не оставаться на Дальнем Востоке, который является местом их рождения, не возвращаться в Волго-Уральский регион, где родились их предки из первого поколения, они сделали выбор в пользу переезда в Турцию и Соединенные Шта-

уральские турки. Так, Дюндар (*Dündar*) объединяет под именем «тюрко-татары» людей разного происхождения (*origin*): мишар, башкир, узбеков, уйгур, которые проживали общинами на Дальнем Востоке [6; с. 173]. В данной статье, следуя логике Дюндара и по собственным наблюдениям из интервью, автор называет татарскими эмигрантами всех, без разделения на татар, башкир и т.д.

² Одна часть содержания этой статьи была представлена автором в виде доклада на «Международном симпозиуме «Абдурашид Ибрагим и его эпоха – пространство Центральной Евразии между Турцией и Японией (Abdürreşit İbrahim ve Zamanı: Türkiye ve Japonya Arasında Orta Asya Alanı Sempozyumu), прошедшем 24–25 мая 2014 г. в Университете Васэда и Токийской мечети, тезисы (на английском языке) которого должны быть скоро опубликованы. В данной статье содержание тезисов было значительно расширено и пересмотрено, а также представлено резюме на русском языке.

ты Америки. Второе поколение является последним поколением, которое может непосредственно поделиться собственным опытом довоенного и послевоенного периода, поэтому серьезной и актуальной научной проблемой является установление контактов с ним.

Автор статьи, начиная с 2010 года, провела полевые исследования в Токио, Стамбуле, Анкаре, в районе побережья Сан-Франциско (далее – район побережья). В частности, основным методом исследования было интервью. Таким образом были собраны рассказы около 70 человек второго поколения эмигрантов, из которых 35 человек (16 женщин, 19 мужчин) согласились на запись интервью. Кроме того, участвуя в мероприятиях в Турции, таких как 50-летняя юбилейная церемония Ассоциации татарской эмиграции, Сабантуй и Курбан-байрам, были получены знания (*knowledge*) о культурных и религиозных практиках. В ходе этих исследований, изучения частных фотографий и личных документов (*private documents*), наряду с получением информации для своей статьи, была осуществлена конкретная работа по персонам, отмеченным в памятной книге, посвященной 10-летней годовщине со дня создания Токийской мусульманской школы (*Tokyo Muslim School Album (1927–1937)*, *Tokio'da Mekteb-i İslamiye'nin 1927–1937 On Yıllık Hatırası İçin Düzülmüş Resimler Mecmuası*) [2], и в фотоальбоме [9]. Кроме того, на основе реестра имен татарских эмигрантов, хранящегося в фонде «Депонированные материалы Исламской ассоциации Великой Японии» Университета Васэда (the Tatar immigrant lists of *Deposited Materials by the DNKK (Dai-Nippon Kaikyō Kyōkai, Greater Japan Muslim League) of Waseda University*) [3; 4] была осуществлена конкретная работа по выявлению мест окончательного поселения эмигрантов, проживавших в Токио и Кобе, из реестра, составленного в начале 1940 г.

Маршруты и периоды переселения

Во-первых, обратим внимание на сроки и маршруты переселения на основе результатов полевых исследований. Как показано на рис. 1, татарские эмигранты переселились в Японию из Волго-Уральского региона в 1920-е гг. Некоторые из них, даже те, кто был вынужден покинуть Дальний Восток во время Второй мировой войны и стать первыми эмигрантами из Японии в район побережья, прибыли в Японию в 1923 г. Разносчики сукна (*woolpeddlers*), являвшиеся частью татарского эмигрантского сообщества, пережив

Великое Кантоское землетрясение в 1923 г. (*the Great Kanto Earth quake in 1923*), при содействии посольства США переехали в Америку [10; с. 128, 134]. Именно они стали основой общины, которая затем сформируется в районе американского побережья.

Тем не менее, полномасштабная эмиграция из Японии произошла после окончания Второй мировой войны. Многие из татарских эмигрантов – это те, кто начиная с 1950-х и в течение 1960-х гг. переехали в Турцию, США, Австралию, и те, кто поселился в Канаде. Смотря на тенденции каждого периода, можно сказать, что основная миграция происходила в период с середины 1950-х и до конца 1960-х гг., за исключением, возможно, тех, кто отправился в Америку, выйдя замуж за солдат армии США. Сначала основной поток эмиграции шел в Турцию. Для татарских иммигрантов, проживавших в Японии, Турция предоставила гражданство в 1953 г.³, упростив процедуру эмиграции, что стало главным стимулом для переезда.

С начала 1960-х гг. эмигранты, которые уже проживали в Турции, из-за снижения шансов для трудоустройства и трудностей адаптации в турецком обществе, стали переезжать снова в другие места и страны, преимущественно в Америку, при этом выделилось две группы вновь эмигрирующих. Большинство выбрало для своего нового места жительства крупные города Турции – Стамбул и Анкару, другие – район западного побережья и Нью-Йорк в Соединенных Штатах Америки.

³ С началом Корейской войны в 1950 г. военные турецких войск, посланные в составе войск ООН, посетили Японию для лечения и отдыха. Татарские эмигранты, оказывая им помощь, посещая их в больницах, через общение учили турецкий язык. Появились женщины второго поколения эмигрантов, которые переселились в Турцию, встретив будущих мужей среди турецких военных после их посещения мероприятий в Токийской мусульманской школе [11; с. 229–228]. Таким образом, вследствие деятельности турецких военных, демобилизованных в Турцию, и политики премьер-министра Аднана Мендереса (Menderes) турецкое гражданство было даровано татарским эмигрантам в 1953 г. [8; с. 59].

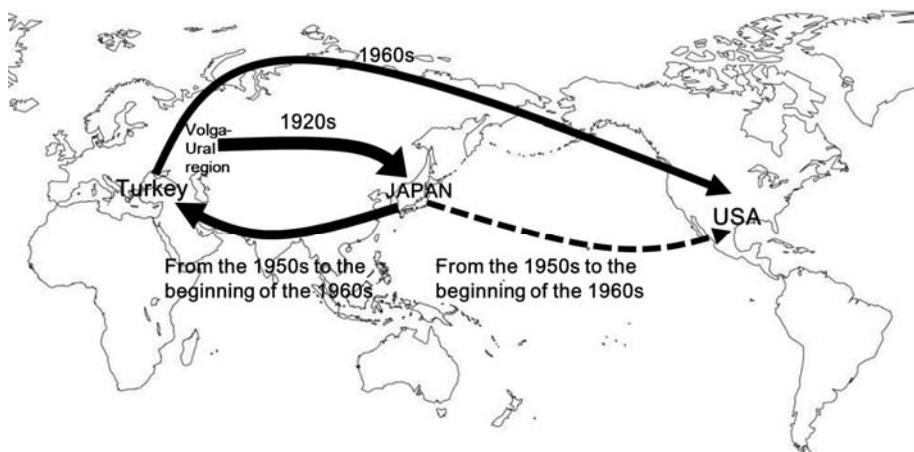

Рис. 1. Периоды и маршруты переселения татарских эмигрантов.
(Опубликовано в авторской редакции)

Количество эмигрантов

Татарские эмигранты проживали в Японии в городах Токио и Кобе (рис. 2), но после войны количество членов общины сократилось. В вышеупомянутом документе «Депонированные материалы Исламской ассоциации Великой Японии» Университета Васэда (*the Tatar immigrant lists of Deposited Materials by the DNKK (Dai-Nippon Kaikyō Kyōkai, Greater Japan Muslim League) of Waseda University*) [3; 4] можно увидеть динамику изменений в количестве эмигрантов. Этот список был создан в 1943 г. В это время татарские эмигранты в Токио составляли 37 домохозяйств с общим количеством 141 человек, а живущих в Кобе было 111 человек в 31 домохозяйстве. Тем не менее, требует внимания тот факт, что это всего лишь информация, которая попала в руки японской стороны, и список имеет ошибки в написании имен, а некоторых членов семьи в этом списке нет вообще. В частности, что касается определенности по занятости в местах проживания, то в результате попыток исправить, насколько это возможно, неточности в информации было обнаружено, что в Токио в 38 домохозяйствах проживало 149 человек в начале 1940-х гг., а в городе Кобе было найдено 143 татарских эмигранта из 41 домохозяйства.

В Токио из 149 человек, объединяющихся в 38 семей, по меньшей мере 66 человек осталось в Японии или умерло до реэмиграции. Среди остальных, покинувших Японию, 40 человек уехало в Турцию, 24 человека – в США, 2 человека – в Канаду и 1 человек – в Австралию. В Кобе из 143 человек в 41 домохозяйстве 12 человек осталось в Японии, где они и умерли, а остальные разъехались: 48 человек переехало в Турцию, 64 человека уехало в Соединенные Штаты Америки. Среди тех, кто переехал в Америку, мы считаем эмигрантами всех – и тех, кто переехал сразу, и тех, кто после некоторого пребывания в Турции, повторно эмигрировал в США. Об окончательном месте жительства 16-ти родившихся в Токио и 19-ти родившихся в Кобе эмигрантах второго поколения на 2016 г. не было найдено никакой информации [12]. Кстати, следует отметить, что приведенные здесь цифры действительно на 2016 г. и в результате дальнейшего исследования могут быть изменены.

Рис. 2. Места проживания татарских эмигрантов в Японии после войны. (Схема автора)

Реальные условия эмиграции

До этого момента мы рассматривали общие тенденции эмиграции. Теперь рассмотрим реальные условия эмиграции в послевоенное время в контексте мейнстрима – переезда из Японии в Турцию. В интервью эмигрантов второго поколения, рожденных в Японии, встречаются такие высказывания: «не видел будущие перспективы в Японии, думал начать новую жизнь в Турции», «татары – тоже тюрки», «приехал в Турцию на родину, в свою страну», «родители почувствовали, что дети должны расти в мусульманской стране», то есть эмигранты часто говорили о том, что этническая, религиозная и языковая близость стала причиной эмиграции. Турция – «единственная страна для тюрков» [5; с. 2]. Здесь большинство граждан мусульманского вероисповедания. Эмигрантов, говорящих на татарском языке, который принадлежит наравне с башкирским и турецким к одной языковой группе тюркских языков, эти преимущества влекли в Турцию.

В дополнение к этому среди эмигрантов были те, кто решил пойти на военную службу в Турции, а не только те, чьей целью была занятость, обучение и брак с турками-мусульманами. Однако, не обязательно, что те эмигранты, которые переехали в Турцию, выбрали Турцию самостоятельно, многие представители второго поколения эмигрантов присоединились к ранее переехавшим в Турцию родителям, а также потому, что не смогли получить визу в США⁴.

В некоторых случаях вся семья покидала Японию, в некоторых только часть семьи, а иногда кто-то один из членов семьи переезжал в одиночку. Родители и сыновья отправлялись в Турцию, а дочери, выйдя замуж, уезжали в Америку. Даже если вся семья решила эмигрировать в Турцию, дети уезжали раньше и, после отказа от жизни в Японии, их догоняли родители, то есть места назначения и сроки при-

⁴ С другой стороны, были эмигранты, которые решили остаться в Японии, без дальнейшей реэмиграции. Можно было увидеть оставшихся в Японии эмигрантов, ведущих жизнь врачей и производителей, а также работающих в качестве иностранных актеров в японских фильмах и телевизионных шоу [1; с. 351–355]. Потомки поколения эмигрантов 1960-х гг. сохранили фотографии халяльного мяса, приготовленного общиной для участников Токийских Олимпийских игр 1964 г., которые являлись мусульманами по вероисповеданию [11; с. 228–227].

бытия отличались даже в одной семье. Когда они прибывали на кораблях или самолетах, а семья уже эмигрировала в другое место, родственники, друзья, близкие люди оказывали помощь, зачисляя в школы, устраивая на работу, помогая заложить фундамент новой жизни.

В 1956 г. произошел ряд событий, связанных с отъездом татарских эмигрантов из Японии, которые выезжали семьями или группами, состоящих из нескольких друзей, посредством чего осуществлялась малая эмиграция в то время. В Ураге был построен большой танкер «Batman» по заказу Турции, на котором были перевезены в Турцию татарские эмигранты, жившие в Токио и Кобе. Перед отъездом танкера и эмигрантов состоялась встреча отъезжающих в Токийской мусульманской школе [10; с. 141]. 12 июля 1956 г. в газете «Hürriyet» целая страница рассказывала о прибытии «40 казанских тюрков, эмигрировавших в Турцию на корабле «Batman».

Рис. 3. Прибывший в Турцию корабль «Batman» и татарские эмигранты. *Hürriyet* (12 июля 1956 г)

В последующем, чтобы завершить данное исследование, ставится задача углубиться в сравнительный анализ рассказов и воспоминаний представителей каждой из частей эмиграции, включая тех, кто реэмигрировал из Турции в США, и тех, кто переехал из Маньчжурии и с Корейского полуострова.

Благодарности

Выражаю благодарность Марату Гибатдинову и Ларисе Усмановой за оказанную огромную поддержку во время пребывания в Казани и во время работы над данной статьей.

Литература

1. Akasaka, Tsuneaki. 2016. Nihon de Katsuyaku Shita Türk: Zainichi Toruko Tatarjin no Sengo. In *Türk wo Shiru Tameno Rokujūisshō*, edited by Komatsu Hisao. Tokyo: Akashishoten, 351–355.
2. “Basic Studies about the Turkish & Tatar Muslims in the Modern Japan” Project, supported by Toyo University ed. 2011. *Tokyo Muslim School Album (1927–1937)*. Tokyo: Toyo University Asian Cultures Research Institute. → *Tokio'da Mekteb-i İslamiye'nin 1927–1937 On Yıllık Hatırası İçin Düzülmüş Resimler Mecmuası* / 東京回教学校十周年記念写真帳. 1937. Tokyo: Yamgi Yapon Muhbiri Idaresi. の復刻版.
3. Chūa Mondai Kenkyūkai. 1943. “Tokubetsu Chōsa Shiryō” Shōwa 18 nen 8 gatsu Kobe Zaijū “Tatar” Jijō Chōsa (Sono 1). *Deposited Materials by the DNKK (Dai-Nippon Kaikyō Kyōkai, Greater Japan Muslim League) of Waseda University* No. 426.
4. Chūa Mondai Kenkyūkai. 1943. Shōwa 18 nen 10 gatsu 5 kagenzai Zaikyō “Tatar” Shimei, Nenrei, Tsuzukigara, Shokugyō Sonohoka Chōsanikansuru ken, *Deposited Materials by the DNKK of Waseda University* No. 426.
5. Devlet, Nadir. 1970. Türkiye’de Kazan Türklerini Tanıtma Meselesi Ne Durumdadır? *Kazan Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği, Sayı 2*, 1–8.
6. Dündar, Merthan. 2014. Tatar mı, türk mü, türk-tatar mı: İki Dünya Savaşı Arası Dönemde Doğu Asya’da Türk-Tatarların Kimlik Sorunu Üstüne. *Türkiye Sosyal Araştırmalar Dergisi* 18(1): 167–174.
7. *Hürriyet*, 12 July. 1956. Petrol ve 20 de Güzel Kadın Getiren Ticaret Filomuzun en Büyük Gemisi Batman Dün Geldi.
8. Matsunaga, Akira. 2009. *Zainichi-Tatarjin: Rekishini Honrō Sareta Islam-kyōtotachi*. Tokyo: Toyoshoten.

9. Misawa, Nobuo ed. 2014. *Album of Tatar Exiles in Interwar Japan*. Tokyo: Toyo University Asian Cultures Research Institute.

10. Numata, Sayoko. 2013. Fieldwork Note on Tatar Migrants from the Far East to the USA: For Reviews of Islam Policy in Prewar and Wartime Japan. *AJAMES* 28 (2): 127–144.

11. Numata, Sayoko. 2014. Photographic Source Materials about Tatar Migrants in Tokyo (1940s–1960s). *Annual Journal of the Asian Cultures Research Institute* 48: 225–232.

12. Numata, Sayoko. Forthcoming. An Interim Report on Fieldwork on Tatar Migrants in Turkey, the USA, and Japan. *Abdürreşit İbrahim ve Zamanı: Türkiye ve Japonya Arasında Orta Avrasya Alanı Sempozyumu. 24–25 May 2014, Waseda Üniversitesive Tokyo Camii, Tokyo, Ankara*.

TATAR MIGRATION FROM JAPAN TO TURKEY AND THE USA: WHAT HAPPENED TO THEM AFTER THE END OF WORLD WAR II?

Sayoko Numata

*Research Fellow of Japan Society for the Promotion of Science,
PhD Candidate, Graduate School of Human Sciences,
Waseda University (Tokyo, Japan)
sayokonmt@gmail.com*

Tatars of the Volga-Ural region migrated to Japan in the aftermath of the 1917 Russian Revolution. Most studies on Tatars have focused primarily on prewar and wartime Japanese Islam Policy while less attention was paid to their experiences during the postwar period. This paper aims to shed light on the migration of Tatars to Turkey and the USA in the 1950s and the 1960s, based on immigrant lists and interviews with second-generation migrants born in Japan.

The granting of Turkish citizenship in 1953 was a turning point for Tatars who lived in Japan. Turkey was an attractive option not only because of its simplified migration procedures but also because it was a Türk Muslim country with linguistic similarities to Turkic languages. However, in the 1960s, some emigrated from Turkey to the USA due to decreasing job opportunities or difficulties in adapting to Turkish society and culture.

Keywords: *Tatar, Second generation, Migration, Japan, Turkey, USA.*

ТОКИЙСКИЙ КОРАН: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

Гибатдинов Марат Мингалиевич

кандидат педагогических наук

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

marmingi@mail.ru

С 2014 г. Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа на 2014–2016 гг. реализуется проект «Материалы по истории и культуре татар в зарубежных архивах».

Целью реализации нашего проекта является: выявление, сохранение и возвращение фондов и памятников письменного наследия татарского народа, материалов по истории и культуре татар, хранящихся за рубежом. Сюда входят не только материалы собственно на татарском языке, но и все материалы, так или иначе касающиеся различных аспектов истории и культуры татарского народа, охватывающие обширные хронологические рамки, начиная с древности, средневековье и новое время, вплоть до источников по истории татарской эмиграции в XX в. Учитывая, что собственно татарских материалов по ранним и средневековым периодам сохранилось крайне мало, так, например, общеизвестно, что собственные государственные архивы Золотой Орды и Казанского ханства были утеряны безвозвратно, изучение сохранившихся в зарубежных коллекциях материалов представляет особый интерес. Географические рамки проекта также обширны и охватывают не только все постсоветское пространство, но и дальше зарубежье.

Для достижения таких амбициозных целей были сформулированы следующие задачи:

- Сбор документов и памятников письменного наследия татар в зарубежных архивах;
- Создание рабочих групп из числа отечественных и зарубежных исследователей для выявления и изучения архивных материалов в отдельных странах;
- Копирование, оцифровка архивных материалов;
- Научное описание документов, составление описей татарских фондов;
- Перевод каталогов и описаний документов на русский и татарский языки;
- Подготовка договоров с зарубежными архивами о сотрудничестве и передаче документов;
- Подготовка к публикации и издание сборников документов.

Япония является одним из важнейших направлений в рамках данного проекта. В данном направлении удалось добиться определенных успехов: были выявлены недостающие номера газеты «Милли Байрак», хранящиеся в Токио в личном собрании семьи Апанавых. Таким образом, удалось восстановить полную подшивку номеров данного издания, которое выходило в 1935–45 гг. в Мукдене (Китай) и издавалось Национально-конфессиональным комитетом мусульман тюрко-татар Дальнего Востока «Идель-Урал», первым редактором его был выдающийся татарский общественный деятель Газиз Исхаки¹. Кроме того, были выполнены цветные цифровые копии в высоком разрешении номеров газеты, хранящихся в Университете Симанэ, а также оцифрована татарская часть архива Хаттори Сиро². Был издан каталог татарской части архива японского исследователя Хаттори Сиро, хранящегося в Университете Симанэ³, а также указатель статей газеты «Милли Байрак»⁴, к сожалению, в него еще не вошли вновь обнаруженные номера (№№ 4–8, 45 за 1935 г.), которые на момент издания указателя еще не были изучены и оцифрованы.

Неожиданной находкой стал Коран, изданный в 1934 г. в типографии «Мадбага исламия»⁵, основанной татарами в Токио, подарен-

¹ Подробнее см.: Усманова Л. «Милли Байрак» – «татар мөһажирләренең энциклопедиясе» // Ерак Көнчыгыштагы төрки-татар мөһажирләренең мирасы («Милли Байрак» газетасының библиографик күрсәткече). – Казан: ТФАНең Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2015. – Б. 3–8.

² Оцифровка данных материалов стала возможна благодаря поддержке Президента Республики Татарстан Рустама Минниханова (распоряжение Кабинета Министров РТ № 1652-р от 29.07.2015) и реализации договора о научном сотрудничестве, заключенного между Институтом истории АН РТ и Центром изучения Северо-Восточной Азии (NEAR) Университета Симанэ.

³ Татарские материалы в урало-алтайском архиве Хаттори Сиро. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 92 с.

⁴ Ерак Көнчыгыштагы төрки-татар мөһажирләренең мирасы («Милли Байрак» газетасының библиографик күрсәткече) / Төз.: Л.Р.Усманова, А.З.Заһидуллин, жав. мөх-р: М.М.Гибатдинов. – Казан: ТФАНең Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2015. – 284 б.

⁵ Подробнее см.: Ali Merthan Dündar Establishing of Turco-Tatar Printing House in Tokyo. In: Books In Tatar-Turkish Printed By Tokyo'da Matbaa-

ный нам Энвером и Фуадом Апанаевыми, сыновьями Ахмеда Апанаева (1901–1971), помощника и переводчика Гаяза Исхаки в Японии. Особенность данного издания Корана определяется тем, что это первое издание Корана в Японии, выполненное самими мусульманами (до этого существовали лишь переводы отдельных частей священного писания на японский язык). Оно получило широкое распространение не только среди татар-эмигрантов (известно широкое бытование Токийского Корана практически во всех общинах татарской эмиграции, вплоть до Польши и Финляндии⁶), но и среди многочисленных мусульман Северо-Восточной Азии. Кроме того, это издание знаменовало официальное признание имперскими властями ислама в качестве допустимой религии на территории Японской империи.

Коран содержит собственноручную запись о том, что он был приобретен Ахмедом Апанаевым в Мусульманской ассоциации Великой Японии в 1940 г. за немалую сумму 10 йен⁷. находка не предвещала ничего необычного, поскольку было хорошо известно, что Токийский Коран был издан в 1934 г., тогда же состоялась его презентация императорской семье. Все события подробно освещались в прессе. Однако анализ полученного от Апанаевых экземпляра

I İslamiye (1930–38) / Ali Merthan DÜNDAR & Nobuo MISAWA (eds.). Tokyo: Toyo University Asian Cultures Research Institute, 2010. Pp. 18–23. [DVD Ed., Ver.1].

⁶ По воспоминаниям недавно ушедшей от нас Олькен ханым Али (Ölken Ali) Токийское издание Корана было в каждой семье татар в Финляндии: «По этой священной книге я и сама учила мои первые аяты. В некоторых семьях для каждого ребенка покупали свой Коран. Сейчас большинство этих Коранов уже ветхие, зачитанные». В этой связи нас не может не радовать не только глубокая укорененность финских татар в исламе и тесные духовные связи татарских общин в разных странах, но и безупречная сохранность нашего экземпляра токийского Корана.

⁷ Как нам удалось установить, среднемесячная зарплата школьного учителя в 1940 г. равнялась 97 йенам (Young-Iob Chung Korea under Siege, 1876–1945: Capital Formation and Economic Transformation. Oxford University Press, 2006. P. 284); Среднемесячная зарплата рабочего составляла в 1934 г. 60–70 йен (Japan Today. Wages and Hours .Food List and Costs. Workers' Insurance. In: The Sydney Morning Herald. Febr. 16, 1934. P. 12).

ра выявил много вопросов. Первый из них – дата издания. Если на обложке и титульном листе был указан 1934 г., то в японской аннотации – 1938 г. В заключительной статье имама Мухаммеда Габделхая Корбангали «Коръэнне саклау хакында» также была указана дата 1357 г. хиджры, 12 рабигуль-аваль⁸.

Уже само наличие заключительной статьи к священному тексту явление неординарное, хоть и не уникальное. Тем больший интерес она представляет, что в других известных экземплярах Токийского Корана она не была до сих пор обнаружена⁹. Двухстраничная статья начинается с чисто богословских обоснований необходимости бережно относиться к священному тексту и описаний блаженств, обещанных тем, кто является «хранителем Корана» (Коръэн саклаучы): «*Әй Мөхәммәд жәннәт сине көтә, сахабаларнен Әбубәкер илә Гомәрне көтә һәм Коръән саклаган кешене көтә диде ди. Коръән Кәримне саклау аны ятлау, аны матбагада бастырып әхл исламга тарату вә йортыңда Коръән саклау берлән булыр*» (Тот, кто хранит у себя Коран, того ждет рай. Этого же заслужат и те, кто изучает Коран, издает его в типографии и распространяет среди мусульман). Примечательно, что типографское издание и распространение Корана включено в традиционный перечень исламских ценностей, что было очень характерно для татар, учитывая, что первый печатный Коран в истории мусульманского мира (т.е. напечатанный самими мусульманами) был издан именно в Казани в 1803 г. и стал широко известен как «Казан басмасы» (Казанское издание). Неслучайно для офсетного репринтного издания токийского Корана был выбран один из экземпляров именно Казанского Корана, изданного в 1913 г. в типографии Братьев Каримовых в Казани. Далее в статье

⁸ Что соответствует 12 мая 1938 г. и совпадает с датой открытия токийской мечети (см.: Ali Merthan Dündar Japonya'da Türk izleri: bir kültür mirası olarak Mançurya ve Japonya Türk-Tatar camileri. Ankara: Vadi Yayınları, 2008. P. 106).

⁹ См.: Kur'an al-Kerim. Tokyo, 1934, 574 p. (The List of Books in Tatar-Turkish printed by Tokyo'da Matbaa-I İslamiye In: Books in Tatar-Turkish Printed by Tokyo'da Matbaa-I İslamiye (1930–38) / Ali Merthan DÜNDAR & Nobuo MISAWA (eds.). Tokyo. Toyo University Asian Cultures Research Institute 2010. P. 37. [DVD: TB020]).

имама подробно расписано какие общины выделили деньги, с указанием сумм (в общей сложности 1850 йен). В числе жертвователей названы татарские общины Токио, Киджу (Сеул), кроме того, неназванный даритель из Тайкиу (совр. Тэгу)¹⁰ единолично внес 50 йен (существенную сумму, как мы уже отмечали, равную месячной зарплате рабочего).

Изучение фотоматериалов, полученных в ходе нашего исследования семейного архива Рамазана Сафы, одного из последних представителей старой татарской общины Токио, позволило выявить, что на фото презентации Корана японским властям 1930-х гг. явно просматриваются два вида Корана (выполненные в одном стиле, но отличающиеся по формату). Очевидно, существовало два варианта издания первого в Японии Корана: «ординарное» – книга большого формата и более тонкая и «подарочное» издание меньшего формата, но более объемное, с изящным оформлением: обрез книги позолочен, обложка из темно-коричневой тонкой кожи в виде коробки украшена золотым тиснением, книга вложена в картонный футляр с клапаном¹¹. Вероятно, могла существовать допечатка дополнительного тиража в 1938 г., для которой были использованы заказанные для первого издания кожаные переплеты и футляры, что может объяснить разночтение в датировке внутри одной и той же книги. Эту версию предстоит проверить, изучив все экземпляры Токийско-

¹⁰ На протяжении XIX в. и вплоть до принятия современных правил романизации корейского языка в 2000 г. современный город Тэгу (Daegu) на юге Корейского полуострова был известен в англоязычном мире как Tai-Kou. В 1910 г. в период японской оккупации название города было изменено на Тайкиу (Tai kyū), в японском написании: たいきゅう. Очевидно, имам использовал бытовавшее в то время японское название города. Мы выражаем искреннюю признательность профессору Иноуэ Ацуси за помощь в идентификации данного города, о существовании в котором татарской общины прежде нам не было известно. Это небольшое открытие явилось зримым практическим результатом нашего сотрудничества с японскими коллегами во время конференции в Казани в августе 2016 г.

¹¹ Благодарим Нурию Гараеву, директора Музея исламской культуры Музея-заповедника «Казанский Кремль» за помощь в атрибуции данного экземпляра Корана.

го Корана, хранящиеся в библиотеке Токийской мечети¹². Таким образом, даже казавшееся хорошо известным и не предвещавшим ничего экстраординарного издание Корана поставило перед исследователями немало загадок. Мы уже приступили к активному изучению оцифрованных материалов (два наших аспиранта – Ляйсан Гибадуллина в Хамаде и Зульфат Хафизов в Казани изучают материалы газеты «Милли Байрак» и архива Хаттори)¹³.

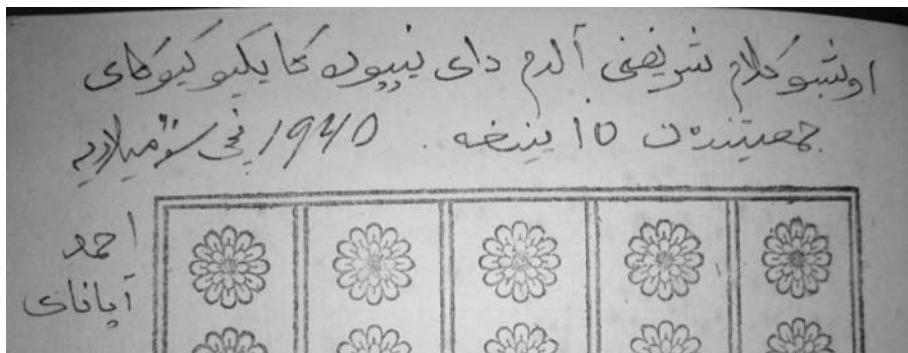
В заключение хочу поблагодарить руководство Университета Симанэ и Центра NEAR и лично проф. Иноуэ Осаму за большую помощь в реализации нашего проекта и за сотрудничество, а также всех представителей татарских общин в Токио, Кобе, Хельсинки за бесценную информацию, активное сотрудничество и любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами их личных архивов.

¹² 18 апреля 2016 г. в Мечети Кул Шариф прошла церемония передачи в дар экземпляра Токийского Корана в Коллекцию Коранов Музея исламской культуры Музея-заповедника «Казанский Кремль» (<http://татаровед.рф/news/49>).

¹³ Гибадуллина Л. Газета «Милли Байрак» как источник информации о жизни татар в Японии // Татарские материалы в урало-алтайском архиве Хаттори Сиро. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – С.80–82; Хафизов З. Вопросы педагогики в одной из статей газеты «Милли Байрак» // Там же. – С.83–97.

Экземпляр Токийского Корана, принадлежавший семье Апанасовых

Собственноручная запись Ахмеда Апанасова
о приобретении Корана в 1940 г.

Ахмед Апанай

قرآن نی ساقلاو حقتدا.

قال النبي صلى الله عليه وسلم سمعت ليلة اسرى بي الحق يقول يا محمد
مر امتك ان يكرموا ثلثة الوالد والمالم وحامل القرآن يا محمد حذرهم
من ان يغضبوهم او يهينوهم فان غضبي يشتد على من ينضبهم يا محمد
اهل القرآن هم اهلى جعلتهم عندكم فى الدنيا اكراما لاهلها واسولا
كون القرآن محفوا فلما فى صدورهم لهلكت الدنيا ومن عليها يا محمد
حملة القرآن لا يمدبون ولا يحاسبون يوم القيمة يا محمد حامل القرآن
اذامات تبكى عليه سمواتى وارضى وملا تُسكنى يا محمد ان الجنة تشاق
الى ثلاثة انت وصاحبك ابى بكر وعمر رضى الله عنهما وحامل القرآن.
پينمبر يمز عم نه يته دور معراج كيچه سنده الله تبارك وتعالى ميگيا
نه يتهدى نهى محمد امتگا اوج كشيلى حرمت ابتهر كه قوش. آناسن ء
عالمنى هم قرآن ساقلاو چى كشيلى. نهى محمد سين امتگنى بولارنى
آجيفلاندر مق دان وبولارنى خورلامقدان قورقت. بولارنى آجيفلاندر.
خان كشيگه مينم قانى آچووم توشهر. نهى محمد قرآننى ساقلاو چى
كشيهر الله كشيهرى (خدا يولنداغى كشيهر) دور مين آلارنى سز كه
حرمتلهو اوچون يباردم. نه كهر آلار قرآننى كو كرمك لارنده ساقلا.
ماسا ايدهلار دنيا و دنيا دا بولمان نهرسه لار هلاك بولور ايدي.

ئەي مەھمەد قەراڭ ساقلانچى كىشى عذاب قىلنماس آخىر تەدە اول حساب
قىلنماس . ئەي مەھمەد قەراڭ ساقلانچى كىشى ئولگەندە آڭا قايفىرۇب
جىر و كوك لار يىغلار . ئەي مەھمەد جنت سىدىنى كوتە صحابەلەرڭ ابوبىكر
ايله عمرنى كوتە ھەم قەراڭ ساقلانچى كىشىنى كوتە دىدى . دى .

قەراڭ كەرىم نى ساقلانچى ئانى يادلاۋ ، ئانى مەتبەئە دە باسدروب اھل
اسلامقە نارائۇ ، و يورتكەندە قەراڭ ساقلانچى بىرلەن بولور .

اوشبو ايزگى اشكە ايرىشو و قەراڭ ساقلانچىلاردان بولۇ نىتەئە ،
مەھاجر بولۇب ياپونىدا طوكيو شەھرىندە و قورىيە دە كىچىق شەھرىندە
طوروچى تورك - تاتار مەسلمانلار اوز آرا اعانە طوپلاب طوكيو دان
بىر مەڭ ايسكىبوز ، كىچىقدان آلطىبوز و تايكىبوزدان بىر كىشىدەن ايللى
بىن اعانە نى اساس ايدەرەك بوقەراڭ كەرىم نى طوكيودا مەتبەئە سلامىيە دە
طبع ايتدروگە موفق بولدىلار . الله تبارك و تعالى بارچامزنىڭ كىمە -
چىبىلك لارىمىزنى عفو و مەغپىرەت قىلۇب اوزلەر ايمىزنى قەراڭ ساقلانچىلار
جەملە سەندەن قىلسون .

۱۳۵۷ ھىجرى يىلى رەبىئە الاول ۱۲ . طوكيودا بىرىنچى مەسجىدنىڭ
آچىلۇ كۈنىدە .

امام و مەدرىس مەھمەد عبدالحى قەربانمىلى .

昭和十三年五月十日印刷
昭和十三年五月十五日發行

「コーラン」

發行兼印刷者
右代表者

東京市澁谷區代々木大山町一〇五八番地
東京回敬印刷所
ム・ガ・タルバンガリー

校正者

東京市澁谷區代々木上原町一〇九八番地
イマム・フ・モダリス
ム・ガ・タルバンガリー

Аннотация на японском языке с указанием места и года издания Корана

Церемония презентации Корана представителям японских властей.
Фото из личного архива Рамазана Сафы

Церемония передачи в дар экземпляра Токийского Корана в Коллекцию Коранов Музея исламской культуры. Слева направо: Лариса Усманова, Марат Гибатдинов, директор Института истории АН РТ Рафаэль Хакимов, имам мечети Кул Шариф Ильфар хазрат Хасанов, директор Музея-заповедника «Казанский Кремль» Зилия Валеева

ЖУРНАЛ «ЯҢА ЯПОН МӨХБИРЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1930-Е ГГ.

Усманова Диляра Миркасымовна
доктор исторических наук
Казанский федеральный университет
dusmanova2000@mail.ru

В статье дана общая характеристика журнала «Яңа Япон мөхбире» («Новый японский вестник»), который издавался на татарском языке ежемесячно с 20 декабря 1932 г. до марта 1938 года под руководством главы токийской общины и имама-мударриса Мухаммед Габдулхая Курбангали. Хотя журнал имел ярко выраженный пропагандистский характер, он содержит достаточно много интересного материала, позволяющего раскрыть разнообразные аспекты повседневного функционирования татарской общины Токио (и шире Дальнего Востока) в первой половине–середине 1930-х гг.

Ключевые слова: татарская пресса, тюрко-татарская эмиграция, исламская община Токио, журнал «Яңа Япон мөхбире», Мухаммед Габдулхай Курбангали, Габдерашид Ибрагимов, Япония.

Журнал «Яңа Япон мөхбире» («Новый японский вестник») ¹ издавался регулярно с 20 декабря 1932 г. до марта 1938 года, т.е. ареста и высылки из Японии в Дайрен (т.е. фактической ссылки) Мухаммед Габдулхая Курбангали. В 1933–1937 гг. журнал выходил ежемесячно и регулярно. Формально журнал являлся продолжением издания «Япон мөхбире», который издавался непродолжительное время в течение 1932 г. Однако последнее издание практически не

¹ Выражаю искреннюю благодарность проф. Х. Коматцу и проф. Н. Мисаве за предоставленные экземпляры журнала «Яңа Япон мөхбире». Данная работа выполнена в рамках проекта «Татарская эмигрантская пресса на Дальнем Востоке как культурный феномен (первая половина XX в.)». I would like to thank prof. Hisao KOMATSU and prof. Nabo MISAWA for assistance with this important source. My work on this article was supported by JSPS (project «Editions of Tatar Emigrants in the Far East as a Cultural Phenomenon. First Half of the 20th Century»).

сохранилось и известно лишь по сообщениям современников и по ряду отсылок, встречающихся в журнале «Яңа Япон мөхбире», о котором и пойдет речь в данной статье. В силу ряда причин данное издание крайне плохо изучено и, на мой взгляд, недостаточно привлекается историками при изучении истории тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке.

Общая характеристика журнала

Журнал «Яңа Япон мөхбире» был ежемесячным изданием. Его объем колебался от 20–30 страниц (первые 5–6 номеров) до 50–60 страниц (начиная с 7 номера и до 24 включительно). Отдельные номера доходили до 70–74 страниц (№ 18 и 25). Однако наиболее распространенными были номера объемом 54 страницы. Журнал печатался на плотной желтой бумаге и в типографском отношении был выполнен довольно хорошо.

Сам Мухаммед Габдулхай Курбангалиев отмечал, что первая в Токио мусульманская типография была основана после того, как в Японию были привезены купленные в Турции арабские шрифты (рубеж 1929–1930 гг.). Там прошла реформа алфавита, и арабские шрифты распродавались по дешевке за ненадобностью [11, s. 103–116]. Вскоре выяснилось, что среди эмигрантов практически нет людей с опытом типографской деятельности, так что эту профессию пришлось осваивать практически с нуля самому редактору и его помощникам. Кроме самого имама и членов редакции, было, вероятно, еще несколько взрослых типографских работников, однако их имена восстановить пока сложно. Также сложно сказать, работали ли они на добровольных и волонтерских основаниях, или же были платными штатными сотрудниками типографии. Вероятнее всего, первый вариант. Помимо этого, к типографским делам в качестве помощников и учеников привлекались шакирды *Мектебе исламия*. Вообще, в России труд типографских работников считался довольно тяжелым и вредным, но в то же время типографские служащие являлись одной из наиболее квалифицированных и образованных профессиональных групп.

Архив самого журнала не сохранился, архивы полицейских и цензурных органов, осуществлявших наблюдение за журналом, также недоступны. Поэтому по доступным источникам не представляется возможным определить тираж этого журнала, поскольку

в первой половине XX столетия не было практики публикации данных о тиражах на самих изданиях.

Годовая подписка на журнал в Японии и Китае стоила 3 йены, полугодовая (шесть номеров) = 1,5 йена. За пределами этого региона годовая и полугодовая подписки стоили соответственно 4 и 2 йены. В пределах Японии журнал продавался и в розницу, т. е. отдельными номерами. Правда у нас нет достоверной информации, насколько хорошо была налажена торговая сеть, через какие каналы происходила продажа журнала и пр., поскольку нет документов, связанных с деятельностью редакции. Мозаичная информация имеется в самом журнале. Так, весной 1934 года редакция обратилась к подписчикам журнала, живущим в других странах, с просьбой правильно оформлять все финансовые документы, поскольку возникают проблемы с переводами из иностранных банков. Следовательно, такие подписчики были, однако их реальное количество установить сложно.

Весной 1936 года редакция собрала нераспроданные номера журнала, переплела их по годам, так что получилось три сборника с номерами за 1933, 1934 и 1935 гг. и выставила на продажу по 3 йены каждый том. В объявлении было сказано, что редакция пошла на это, учитывая «многочисленные просьбы» читателей прислать более ранние номера. У нас нет информации, насколько значительным был реальный спрос на эти номера, однако есть надежда, что в частных коллекциях могли сохраниться годовые подшивки.

Редакция и авторский коллектив журнала

В самом журнале было указано, что издателем является редакция журнала «Япон мөхбире», а редакторские функции выполняет «редколлегия». Вероятно, эту редколлегию составлял сам Мухаммед Габдулхай Курбангалиев и члены его *мутаваллията*. В целом, авторский коллектив довольно обезличенный. За подписью *М.Г.*, что значит *Мухаммед Габдулхай*, выходили только главные статьи (преимущественно на религиозно-догматические или политические вопросы), которыми открывался каждый номер журнала.

Надо полагать, что и большая часть анонимных заметок и публикаций выходила из-под пера главного редактора, поскольку в них встречаются повторы одних и тех же мыслей, иногда вплоть до банального дублирования целых абзацев. Большинство статей и заметок, написанных им, были анонимные.

Порядок функционирования редакции, особенно на начальном этапе, немного помогают понять воспоминания Рокыи Мухаммадиш (в замужестве Рокыя Девлет-Кильди). В течение пяти лет (1928–1933) она являлась преподавательницей русского и английского языков в татарской исламской начальной школе Токио (*Мәктәб-е исламия*). Поскольку Рокыя Мухаммадиш хорошо знала английский язык, то по просьбе Габдулхая Курбангалиева она переводила на татарский различные статьи по истории, культуре, об актуальных экономических достижениях Японии из англоязычных рекламных изданий. Если исходить из того, что за каждую страницу Рокыя Мухаммадиш получала за свою работу по 1 йене, а в целом за месяц зарабатывала порядка 20–25 йен, можно предположить, что большая часть журнального материала на протяжении 1932–1933 гг. готовилась именно ею [4, 19–20 бб.]. Кто же ее заменил после того, как в конфликте Курбангалиев-Исхаки Рокыя Мухаммадиш заняла сторону последнего и ушла из школы, а также из журнала, неизвестно. В целом, уровень обезличенности публикаций в журнале превышает обычную практику, даже принятую в татарских изданиях начала XX века [12, S. 215–251].

На начальном этапе помимо Габдулхая Курбангалиева нельзя назвать ни одного постоянного сотрудника редакции, кто регулярно публиковал бы авторские статьи. По крайней мере, когда журнал только появился, у него не было постоянного и стабильного, более-менее профессионального авторского коллектива. Очевидно, что татарская эмиграция, в том числе и дальневосточная, была бедна людскими ресурсами с опытом журналистской деятельности.

Поэтому появление на Дальнем Востоке людей с подобным бэкграундом должно было открыть новую страницу в истории журнала. Оба гостя, приехавших в октябре 1933 г. в Токио – Гаяз Исхаки [3; 8; 10] и Габдерашид Ибрагимов [1; 10; 14; 17] – имели большой опыт издательской, редакторской и журналистской деятельности еще в дореволюционной России, а также в эмиграции. Неучастие Гаяза Исхаки в журнале «Яңа Япон мөхбире» объясняется легко, так как он сразу занял оппонирующую по отношению к токийскому имаму позицию, а также призвал своих сторонников полностью бойкотировать токийский журнал.

В противоположность ему Габдерашид Ибрагимов вскоре становится одним из наиболее активных авторов журнала. После при-

езда в Токио он начинает публиковать авторские, иногда программные, статьи под разными именами: «*Габдерэшид Ибраһим*», «*Г. Ибраһим*» или просто «*Ибраһим*» и «*Габдерэшид*». Первое время после переезда в Токио Рашид Ибрагимов не только сам регулярно писал статьи, но, вероятно, мобилизовал свои многочисленные контакты и знакомства с тем, чтобы расширить как тематику публикаций, так и своего рода корреспондентскую сеть журнала. По крайней мере, ряд сообщений из Турции, Египта, Берлина и пр. следует увязать именно с его личностью.

В одном из первых номеров журнала Мухаммед Габдулхай пригласил представителей тюрко-татарских общин в других городах и центрах Дальнего Востока присылать заметки и сообщения о деятельности их общины, о проблемах, которые их волнуют, пообещав предоставить им место на страницах своего журнала. Сложно сказать, то ли инертность представителей этих общин виновна, то ли сказались последствия раскола и размежевания, однако таких публикаций в целом немного. Несмотря на отсутствие достойных конкурентов, вопреки некоторым реверансам и усилиям редколлегии, журнал «Яңа Япон мөхбире» не смог по-настоящему превратиться в интеллектуальный и информационный центр всей тюрко-татарской диаспоры региона. С середины 1930-х гг. у него и вовсе появился оппонент и достойный конкурент в лице газеты «Милли байрак», который оттянул на себя значительную часть потенциальных авторов и читателей.

Краткий анализ содержания журнала как источника по истории татарской эмиграции

С первого номера было заявлено, что журнал «Яңа Япон мөхбире» является религиозным, литературным, торгово-экономическим, общественным и педагогическим изданием. К этому следует добавить и «политическим» (с геополитическими претензиями), поскольку руководитель издания – Мухаммед Габдулхай Курбангали – стремился играть активную политическую роль, претендуя на статус главы всех мусульман Японии. Вероятно, политические амбиции и «погубили», в конечном итоге, главного редактора. Также было заявлено, что журнал призван оказывать помощь в объединении всех мусульман Дальнего Востока в единое целое с общественно-политической точки зрения.

Начиная с первого номера, на страницах журнала довольно большое место занимали публикации на внешнеполитические темы: образование Маньчжоу-го и все перемены на этой, подконтрольной Японии, территории, ситуация в Китайском Туркестане, события на Ближнем Востоке и пр. Эти материалы были представлены как редакционными или авторскими статьями, так и включались в такие рубрики, как «*Төркестан Чинда вазгыять*» (*Ситуация в Китайском Туркестане*), «*Ерак Шэрык эхвалендэн*» (*Из событий на Дальнем Востоке*), «*Маньчжоу-го хэбэрлэре*» (*Новости Маньчжоу-го*) и др. Обилие таких материалов объясняется как бурными событиями в этом регионе (образование колоний и подконтрольных марионеточных государств, национально-освободительное движение в Восточном Туркестане и пр.), так и стремлением редакции выступать «проводником» японских интересов в регионе.

Второе направление издания – знакомство читателей (т.е. татарязычной аудитории) с Японией, ее историей, культурой, экономикой и пр. Публикации на эту тему занимают, пожалуй, до половины и даже более объема журнальных площадей. Особенно обширными и длинными были статьи на экономические сюжеты, призванные показать экономическую мощь Японии. Эти материалы, помимо некоторой информационной составляющей, более всего придают журналу пропагандистский характер.

Наконец, третье важное направление – освещение событий и актуальных вопросов, связанных с функционированием исламской тюрко-татарской общины в Токио и в целом на Дальнем Востоке. За исключением некоторых отдельных статей, данного рода информация обычно помещалась в раздел «*Төрле хэбэрлэр*» (*Разные новости*) в конце журнала и занимала примерно 10–15 % от общего объема всех журнальных материалов. Но именно они представляют наибольший интерес для изучения функционирования общины на макро- и микроуровнях.

Следует отметить следующую особенность журнала – это было иллюстрированное издание, в котором фотографии для мусульманского издания были представлены непривычно широко, а визуальный ряд играл большую роль и нес важную смысловую нагрузку. Фотографии печатались в виде черно-белых вклеек между страницами. Такая технология была проще в исполнении, намного дешевле воспроизведения фоторяда в тексте и позволяла делать изображения

очень хорошего качества. То, что иллюстрации составляли важную часть данного издания отчасти можно объяснить направленностью журнала на пропаганду японской истории, культуры и прочих достижений японского мира. Поэтому среди публикаций значительную часть составляют изображения разных памятников, религиозных культовых сооружений и объектов, ландшафтные виды, облик природных заповедников и пр. В основном в качестве иллюстрации использовались различные японские почтовые открытки. Помимо этого, довольно много фотопортретов, тех, кого было принято причислять к VIP-персонам: как к верхам японских властей, так и их представителям в колониях и протекторатах (в Корее, Маньчжурии и пр.), а также высокопоставленных гостей из мусульманских стран, которые посещали японскую столицу с тем или иным визитом.

Наконец, для анализа жизни токийской татарской общины на микроуровне очень важным представляются фотографии, сделанные в рамках тех или иных важных событий и мероприятий внутри тюрко-татарской мусульманской общины [9; 16]. В течение первого и второго года издания журнала такими событиями стали, во-первых, приезд на Дальний Восток двух «уважаемых гостей» (Габдерашида Ибрагима и Гаяза Исхаки) [3; 13, pp. 89–105; 14, pp. 273–289], во-вторых, издание и презентация Корана (апрель-июнь 1934 года) [7, №№ 19, 20], наконец, 30-летний юбилей со дня смерти Габдуллы Тукая и издание по этому случаю пятитомника его произведений [2; 7, № 5]. Все мероприятия, связанные с этими знаковыми событиями, не только подробно описаны в статьях, но и проиллюстрированы фотографиями. Помимо этого, важными для жизни общины были религиозные праздники, встреча Нового года, начало и конец учебного года в школе, приезд гостей из разных мест и пр. Иллюстративные материалы на собственно тюрко-татарскую тему составляют порядка 25% от общего объема фотографий. Обилие фотографий на страницах журнала не только выполняет просветительскую и ознакомительную функцию, но и играет не менее важную легитимирующую роль для самого М. Г. Курбангалиева, претендовавшего на лидерство в отношении всех мусульман в пределах японской юрисдикции. Фотографии, на большинстве которых токийский имам красуется в окружении важных гостей или випперсон, ложились в символическую копилку его социального капитала, создавали образ чрезвычайно влиятельной персоны в мусуль-

манском сообществе Японии, имеющего связь и поддержку в самых высоких кругах Японии.

Можно выделить несколько основных сюжетных линий в тех материалах, которые публиковались на страницах журнала в середине 1930-х гг.:

- празднование 5-летия (1933) и 10-летия (1935) тюрко-татарской исламской общины в Токио и Японии;
- внутриобщинная жизнь, связанная с религиозными и национальными праздниками, важными событиями в жизни общины, а также повседневной религиозной практикой (уход за зданием и мусульманским кладбищем, сбор средств на поддержание их в должном виде и пр.);
- функционирование мусульманской школы, ее повседневность и юбилеи;
- финансовые основания жизнедеятельности исламской общины и реализации отдельных проектов;
- издательская деятельность общины, выпуск различной книжной продукции (учебники, религиозные сочинения, художественная литература и пр.);
- издание Корана, его презентация и дальнейшее распространение;
- 20-летие со дня смерти национального поэта Габдуллы Тукая и издание пятитомного собрания его сочинений;
- раскол внутри общины, вызванный приездом на Дальний Восток и дальнейшим поведением Гаяза Исхаки;
- публикации отдельных членов общины и сторонних «коллаторантов» (Габдерашид Ибрагимов, Галимджан Идриси и пр.).

Помимо тех материалов, которые имеются в журнале «Яңа Япон мөхбире», представляется важным проанализировать, какие сюжеты не нашли отражение на его страницах и по какой причине. В частности, из таких событий, обделенных вниманием журнала, можно назвать строительство и открытие мечети в Кобе. В частности, татарская община в Кобе упоминается в ряде номеров журнала за 1933 г. Так, в статье под названием «Японияда торучы мөселманлар иттифакның биш елы» говорится о приобретении мусульманами Кобе земли под строительство мечети, о наличии в этом городе мусульманской школы и собственного участка в составе

кладбища для иностранцев [7, № 10]. Также в статье упоминается имам Мадьяр Шамгуни (в последний раз он упомянут осенью 1934 г.) [7, № 22]. Затем наступает пауза, прерываемая упоминаниями о доносчиках и подстрекателях из Кобе и Нагои [7, №№ 15, 17]. В таком же ключе описывается собрание «исхакистов» в Кобе [7, №№ 20, 21, 22]. В общем, к моменту завершения строительства здания и торжественного открытия мечети (август-октябрь 1935 г.) руководство татарской общины в Кобе уже прочно числилось в стане врагов, а потому не заслуживало никакого положительного упоминания. Ситуация вокруг отсутствия информации об истории строительства и процедуре открытия мечети в Кобе является весьма показательной для иллюстрации избирательности газетно-журнального дискурса. Для этого следует провести сравнительный анализ материалов различных периодических изданий (например, журнала «Яңа Япон мөхбире» и газеты «Милли байрак»), которые выступали в качестве альтернативных проектов. Именно такие материалы представляют особый интерес, поскольку позволяют подробнее изучить внутреннюю жизнь татарской общины в Токио, а также понять некоторые тенденции развития тюрко-татарской диаспоры на Дальнем Востоке в 1930-х гг. XX столетия [5; 10; 15].

Список использованных источников и литературы

1. Габдерәшит Ибраһим: фәнни-биографик җыентык. Казан: Жыен, 2011. 432 б.
2. Габдулла Тукай. Мәжмуга-и асары. Токио, 1933. 5 жилд.
3. Гаяз Исхакий: тарихи-документаль җыентык. Казан: Жыен, 2011. 964 б.
4. Рокыя Дәүләткилде: бер татар хатынының ачы язмышы. Казан, 2005. 110 б.
5. Усманова Лариса, Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2005. № 1. С. 99–100.
6. Юнусова А.Б. «Великий имам» Дальнего Востока Мухаммед-Габдулхай Курбангалеев // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 83–117.
7. Яңа Япон мөхбире. 1932–1938. №№ 1–60.
8. Akira Matsunaga, Ayas Ishaki and the Turkish-Tatars in the Far East // The Rising Sun and the Turkish Crescent. Istanbul, 2000. P. 197–215.
9. Album of Tatar Exiles in Interwar Japan. Ed. by Nobuo Misawa. ACRI Research Paper Series: 3. Tokyo: Toyo University Press, 2014. 46 p.

10. Ali Merthan Dündar, Japonya'da Türk izleri: Bir Kültür Mirası olarak Mançurya ve Japonya Türk-Tatar camileri. Ankara: Vadi, 2008. 272 p.
11. Ali Merthan Dündar, Uzak Doğu'da Idil-Ural Türklerinin Yayın Faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-i İslamiye Matbaası // Türkoloji Dergisi. 2003 (Ankara). XVI. Cilt. Sayı 2. S. 103–116.
12. Dilyara Usmanova, Die islamische Presse der Wolga-Ural-Region im 20. Jahrhundert: Probleme der islamischen Bildung // Repression, Anpassung, Neuorientierung. Studien zum Islam in der Sowjetunion und dem postsowjetischen Raum. Hrsg: Raoul Motika, Michael Kemper, Anke von Kügelgen. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2013. S. 215–251.
13. Hiroaki Kuromiya, Andrzej Peplowski, Between East and West: Gaiaz Iskhaki and Gabdulkhai Kurbangaliev // Nowy Prometeusz. 2012. № 3. Pp. 89–105.
14. Hisao Komatsu, Muslim intellectuals and Japan: a pan-islamist mediator, Abdürreshid İbrahim // Intellectuals in the Modern Islamic World. Transmission, transformation, communication. Ed. by Stephane A. Dudoignon, Komatsu Hisao, Kosugai Yesushi. London, NY, 2006. P. 273–289.
15. Larisa Usmanova, The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia: Transformation of Consciousness: a Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s. Tokyo, 2007. 367 p.
16. Tatar Exiles and Japan. Ed. by Nobuo Misawa. ACRI Research Paper Series: 1. Tokyo: Tokyo University Press, 2012. 48 p.
17. Türk-Japon ilişkilerinin dönüm noktasında Abdürreşit İbrahim: Uluslararası Abdürreşit İbrahim ve Türk-Japon İlişkileri bilgi şöleni 22–23 Mayıs 2012, Konya bildiriler. Konya Japon Kültür Merkezi, 2012. 343 s.

**JOURNAL “YANI YAPON MOHBİRE” AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF THE TATAR EMIGRATION
IN THE FAR EAST IN THE 1930’S**

Usmanova Diliara Mirkasymovna
Doctor of Historical sciences
Kazan Federal University
dusmanova2000@mail.ru

In this article is presented general features of the journal “*Yani Yapon Mohbire*” (*New Japanese Correspondent*), published monthly from December 20, 1932 till the forced departure (in fact expulsion) of imam Muhammed-Gabdulhai Kurbanali, its publisher and leader of Tokyo Muslim community,

from Japan on March of 1938. The magazine had been publishing aiming propaganda, but there were many interesting information on its pages that let us open various aspects of everyday life style of Tatar community of Tokyo (and more, whole of Far Eastern communities) in the middle of 1930th.

Keywords: *Tatar press, Turk-Tatar emigration, Muslim community of Tokyo, Journal “Yani Yapon Mohbire”, Muhammed Gabdulhai Kurbanali, Gabderrashid Ibrahim, Japan.*

References

1. Gabderashit Ibrahim: fanni-biografik jyentyk. Kazan: Jyen, 2011. 432 b.
2. Gabdulla Tukaj. Majmuga-i asary. Tokio, 1933. 5 jild.
3. Gajaz Ishaki: tarihi-dokumental jyentyk. Kazan: Jyen, 2011. 964 b.
4. Rokyja Däülätkilde: ber tatar khatynnyn achy jazmyshy. Kazan, 2005. 110 s.
5. Usmanova Larisa, Turko-tatarskaja emigracija v Severo-Vostochnoj Azii nachala XX v. // Gasyrlar avazy – Exo vekov. 2005. № 1. S. 99–100.
6. Junusova A. «Velikij imam» Dalnego Vostoka Mukhammed-Gadbulkhaj Kurbangaleev // Vestnik Evrazii. 2001. № 4. S. 83–117.
7. Yani Yapon mohbire. 1932–1938. №№ 1–60.
8. Akira Matsunaga. Ayas Ishaki and the Turkish-Tatars in the Far East // The Rising Sun and the Turkish Crescent. Istanbul, 2000. P. 197–215.
9. Album of Tatar Exiles in Interwar Japan. Ed. by Nobuo Misawa. ACRI Research Paper Series: 3. Tokyo: Toyo University Press, 2014. 46 p.
10. Ali Merthan Dundar. Japonya'da Turk izleri: Bir Kultur Mirasi olarak Mancurya ve Japonya Turk-Tatar camileri. Ankara: Vadi, 2008. 272 p.
11. Ali Merthan Dundar. Uzak Doğu'da Idil-Ural Turklerinin Yayn Faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-i Islamiye Matbaasi // Turkoloji Dergisi. 2003 (Ankara). XVI. Cilt. Sayı 2. S. 103–116.
12. Usmanova D. Die islamische Presse der Wolga-Ural Region im 20. Jahrhundert: Probleme der islamischen Bildung // Repression, Anpassung, Neuorientierung. Studien zum Islam in der Sowjetunion und dem postsowjetischen Raum. Hrsg: Raoul Motika, Michael Kemper, Anke von Kugelgen. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2013. S. 215–251.
13. Hiroaki Kuromiya, Andrzej Peplowski. Between East and West: Gaiaz Ishkaki and Gabdulkhaj Kurbangaliev // Nowy Prometeusz. 2012. № 3. P. 89–105.
14. Hisao Komatsu. Muslim intellectuals and Japan: a pan-islamist mediator, Abdurreshid Ibrahim // Intellectuals in the Modern Islamic World. Trans-

mission, transformation, communication. Ed. by Stephane A. Dudoignon, Komatsu Hisao, Kosugai Yesushi. London, NY, 2006. P. 273–289.

15. Usmanova L. The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia: Transformation of Consciousness: a Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s. Tokyo, 2007. 367 p.

16. Tatar Exiles and Japan. Ed. by Nobuo Misawa. ACRI Research Paper Series: 1. Tokyo: Toyo University Press, 2012. 48 p.

17. Türk-Japon ilişkilerinin dönüm noktasında Abdürreşit İbrahim: Uluslararası Abdürreşit İbrahim ve Türk-Japon İlişkileri bilgi şöleni 22–23 Mayıs 2012, Konya bildiriler. Konya Japon Kültür Merkezi, 2012. 343 s.

ТАТАРЫ В ЯПОНИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МИЛЛИ БАЙРАК»

Гибадуллина Ляйсан Юнировна
магистрант Центра изучения Северо-Восточной Азии
Университета префектуры Симанэ (Япония)
lsn_91@mail.ru

Газета «Милли Байрак» («Национальное знамя») является примером этнического медиа (ethnic media), издававшегося в городе Мукдене в период с 1935 по 1945 г. Газета предназначалась для распространения среди татар, эмигрировавших и проживающих на Дальнем Востоке, на территории нынешнего Китая, Корейского полуострова и Японии. В самой газете «Милли Байрак» неоднократно подчеркивалась важность ее роли в духовном объединении татар Дальнего Востока, в укреплении отношений между членами общины татар государств Восточной Азии, а также важная культурная и образовательная роль. Статья является попыткой раскрыть роль газеты как источника информации о жизни татар в Японии.

Ключевые слова: татары, диаспора, газета «Милли Байрак», Япония, Газиз Исхаки.

Газета «Милли Байрак» начала издаваться под редакторством Газиза Исхаки – одного из лидеров татарской диаспоры на то время. Всего было выпущено около 400 номеров, к 1941 г. тираж достиг 500 экземпляров. В месяц выходило около 3 номеров, стандартно номер достигал четырех страниц, в случае какого-либо события (в основном мусульманского праздника) выпускался специальный выпуск, и количество страниц увеличивалось до 6–8. Цена одного номера составляла 7 йен.

Статьи газеты уделяют внимание повседневной жизни и событиям, происходившим в татарских общинах в Китае, Корее и Японии. Однако мне хотелось бы остановиться именно на информации, касающейся татарской диаспоры в Японии.

В 1920-х гг. большинство татар, эмигрировавших в Японию через Маньчжурию и Корею, осели в Токио, Йокогаме и Кобе. После землетрясения 1923 г. многие переехали из Йокогамы. Также сравнительно большое количество татар проживало на территории Нагоя и Кумамото. «Милли Байрак» уделяет свое внимание, главным

образом, татарам трех городов – Токио, Кобе и Нагоя. Это объяснимо, так как количество проживавших в этих городах татар было больше, нежели в двух других. Однако упоминаются также жители и Кумамото.

Структура газеты

Стандартно один выпуск состоял из четырех страниц. На первой полосе обычно печатались главные события в жизни татар Дальнего Востока – это могли быть собрание тюрко-татарской общины, собрание Меркеза, открытие мечети, годовщина знаменательного события татар Дальнего Востока (годовщина со дня проведения Курултая), а также поздравление с мусульманским праздником. Изредка на первой полосе публиковалась информация, не касающаяся татар напрямую, но в меру сохранения и улучшения отношений между татарами и государством Япония, данной информации уделялась первая страница. Например, день основания японского государства или же день рождения японского императора.

На второй странице часто внимание уделялось своего рода «международным» политическим событиям и событиям в других государствах, например, Советскому Союзу, европейским странам, Турции. На мой взгляд, ни одно из важнейших политических событий конца 1930-х гг. не было упущено редакторами «Милли Байрак». Были выпущены статьи касательно Коминтерна, создания оси Берлин-Рим-Токио, Мюнхенской встречи. Это говорит о том, что татары интересовались жизнью за пределами своей общины, не замыкаясь внутри нее. Большое место уделялось Турции, событиям, происходящим в данном государстве, ее отношению к тому или иному важному событию на международной арене. Также публиковались статьи о татарах, эмигрировавших в Турцию.

События, касающиеся повседневной жизни татарской диаспоры в Японии, обычно публиковались на третьей странице газеты. Здесь можно говорить и о проведении культурных вечеров в том или ином городе, о праздновании мусульманских праздников, мероприятиях для детей, о школьной жизни татар.

На последней странице обычно печатались «визитки» татар, своего рода реклама деятельности того или иного жителя общины, с адресом и местом его работы.

Татарская диаспора в Японии

Как уже было сказано, если говорить о татарах Японии, то главным образом в статьях говорилось о жителях Токио, Кобе или Нагои. События, которым уделялось место в газете, условно можно разделить на политические, социально-культурные, религиозные и образовательные.

Если говорить о политических событиях, то большое место уделялось собраниям татар в том или ином городе. Например, в номере от 25 июня 1937 г. в статье «Кобеда гомум жыельш» («Всеобщее собрание в Кобе») говорится о выборах, прошедших в татарское собрание города Кобе. Собрание прошло в школьном здании, собрание открыл глава общины в Кобе Хажы Агрыз, в открытии также приняли участие братья Акчура. Стандартно собрание началось с чтения Корана. Дальше был прочитан доклад о деятельности общины за прошедшие 14 месяцев, а также об оценке данной деятельности как культурной ассоциацией Идель-Урал, так и об оценке со стороны японских политических кругов. Также был дан отчет о доходах и расходах общины. Собрание закончилось выбором новых членов ассоциации татар в Кобе.

Социально-культурные новости включают в себя такие события, как заключение брака, смерть и похороны, проведение культурных вечеров, организованных татарскими общинами городов. Что представлял собой культурный вечер? В качестве примера можно рассмотреть статью, опубликованную в номере от 24 февраля 1939 г. «Милли кичэ Нагояда, Мукденда» («Национальный вечер в Нагое и Мукдене»).

Вечер был организован кружком молодежи Идель-Урал тюркотатарской ассоциации в Нагое и кружком девушек и женщин, которые совместно поставили спектакли на школьной сцене. В спектакле приняли участие члены ассоциации, а также татары – жители Нагои. В этот раз были поставлены спектакли «Кызлар кызык итэлэр», «Доктор». Часто ставились спектакли по пьесам Гаяза Исхаки. После спектаклей, в постановке которых также участвовали дети, был небольшой банкет. Статья подробно пишет об участниках постановок, о татарах, которые участвовали в подготовке спектакля или же сыграли в нем роль.

Иногда в ходе таких вечеров проводились и благотворительные акции. В таком случае «Милли Байрак» пишет, сколько и кем были сделаны взносы, а также куда будут направлены деньги. В основном они направлялись на поддержку молодежи, но были и другие цели, о которых я расскажу ниже.

Религиозной деятельности уделялось большое внимание. Будто ежегодный мусульманский праздник, или же такое важное мероприятие как открытие мечети – газета детально описывала события, имеющие религиозный характер. Конечно, одним из главных событий являлось открытие мечетей, но я хотела бы привести в пример празднование Курбан-байрама. Газета каждый год делала зарисовки празднования Курбан-байрама во всех трех городах – Токио, Нагоя и Кобе. Так как в этих городах были мечети, празднование происходило непосредственно внутри здания мечети. Имамы городов читали Коран, члены ассоциаций делали поздравительное обращение к татарам, кроме того, также объясняли и смысл праздника. На мероприятии присутствовали и дети, так что объяснение, главным образом, делалось для них.

Образовательная сфера являлась одной из приоритетнейших для татарской диаспоры в Японии. Сохранение национальной системы образования, открытие школ, обучение родному языку и истории – для всего этого был создан отдельный образовательный департамент. «Милли Байрак» также неоднократно подчеркивал свою роль в сохранении знаний у молодежи о своей Родине и в сохранении родного языка. В газете печатались статьи об истории татар, рассказывалось об истории Казанского ханства, взятии ханства Московским княжеством. Была запущена серия статей под названием «Тарих битлэре» («Страницы истории») и «Без кем?» («Кто мы?»).

Также раз в несколько месяцев публиковалась обширная статья на тему «Милли мәктәп тормышыннан» («Из жизни национальных школ»), в начале учебного семестра печатались статьи под названием «Укулар башланды» («Начались занятия»). В конце семестра газета следила и за экзаменами выпускников. В номере от 28 июля 1939 г. в статье «Имтихан» («Экзамен») рассказывается о проведении школьных экзаменов в Кобе, о мероприятии в честь выпускников школьного заведения. На церемонии присутствовали родители школьников, а также члены культурной ассоциации Идель-Урал в Кобе. Церемония открылась чтением Корана школьниками, после

чего приветственное слово было сказано Рабига ханум, в котором она поздравила выпускников, затем были вручены документы об окончании школьного курса. Председатель ассоциации Хажи Агрыз также поприветствовал выпускников. После этого были розданы подарки родителям и школьникам, подготовленные ассоциацией в Кобе и школой. Церемония завершилась банкетом.

«Милли Байрак» печатала статьи не только о жизни татар в Японии, но и о японской жизни, о культуре Японии, ее истории. Национальным праздникам Японского государства уделялась первая страница газеты, из года в год газета публиковала свои поздравления в честь дня рождения императора. В статье от 10 ноября 1939 г. «Ниппон һәм ислам» («Япония и ислам») говорится об укреплении связей между Японией и мусульманским миром, о заинтересованности японских кругов религией ислам и национальностями, исповедующими мусульманскую религию. Подчеркивается важность мусульман, проживающих как на территории Японии, так и в Маньчжурии, в укреплении связей между Японией и исламом. Также говорится о собраниях «Бөөк Ниппон ислам жәмгыяте» (Исламской ассоциации Великой Японии), проводимых в Токио. В свою очередь публиковались статьи о благотворительной помощи татар больницам, где содержались раненые солдаты японской армии.

Заключение

Газета «Милли Байрак», являясь примером этнического медиа, играла важную роль в информировании татарской общины Дальнего Востока, в укреплении связей между татарами Китая, Кореи и Японии, выполняла культурно-просветительскую и образовательную функцию.

В газете уделялось широкое внимание событиям на международной арене, изменениям в политической мировой среде, позиции и отношению Турции к данным событиям. Татарская диаспора не замыкалась исключительно в своей среде, она интересовалась событиями, происходящими в других государствах.

Уделялось место религии и сохранению ислама в Японии. «Милли Байрак» делал зарисовки о празднованиях того или иного мусульманского праздника в каждом крупном городе Японии, в случае собрания мусульман готовилась большая статья, рассказывающая об участниках, деятельности собрания, его результатах.

Газета выполняла просветительскую и образовательную функцию. Печатались статьи об истории татарской национальности, о связи, которая до сих пор существует между татарами и их исторической родиной. Одной из целей газеты являлось сохранение национальной идентичности татар. Подчеркивалась поддержка, оказываемая Японским государством и японскими политическими кругами татарской диаспоре в Японии.

Новости в образовательной сфере также составляли важную часть газеты. «Милли Байрак» поздравлял школьников с началом и окончанием учебы, информировал о завершении экзаменов и выпускных церемоний. Важность сохранения образования для татарских детей, необходимость обучения школьников родному языку и истории находили свое отражение в статьях газеты «Милли Байрак».

Литература

1. Park R.E. The Immigrant Press and its control. New York, 1922.
2. Ерак Көнчыгыштагы төрки-татар мөһажирләренен мирасы («Милли Байрак» газетасының библиографик күрсәткече). Казан: ТФАНен Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2015. 284 б.

TATARS IN JAPAN: ON MATERIALS OF THE NEWSPAPER «MILLI BAYRAK»

Gibadullina Lyaysan Yunirovna

*Graduate student of the North-East Asia Research Center,
the University of Shimane (Japan)
lsn_91@mail.ru*

“Milli Bayrak” newspaper is an example of the ethnic media. Newspaper was published in Mukden (China) from 1935 to 1945 year. It was distributed among Tatars who had emigrated to the Far East, particularly to modern China, Korean peninsula and Japan. According to the articles of “Milli Bayrak”, its aim was the union of the Far East Tatars and the relations strengthening between the members of the Tatar community in the Far East. This article attempts to reveal the role of the newspaper as a source of information about the Tatars living in Japan.

Keywords: *Tatars, Diaspora, the newspaper “Milli Bayrak”, Japan, Gayaz Iskhaki.*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОСТРОВА ЦУСИМА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Исида Тору

*доцент Университета префектуры Симанэ (Япония)
t-ishida@u-shimane.ac.jp*

Объект исследования данной статьи – японский остров Цусима. Автор, учитывая особое географическое положение острова, показывает роль Цусимы в истории Северо-Восточной Азии, рассматривает процессы «модернизации» на Цусиме, в частности особенности распространения здесь международного правового порядка, а также подробно описывает инцидент, произошедший на острове в 1861 г. с российским военным кораблем «Посадник», более известный в истории русско-японских отношений как «Цусимский инцидент».

Ключевые слова: остров Цусима, Япония, Корея, модернизация, инцидент с «Посадником», дипломатический порядок.

Представление острова Цусима

«Действительно маленькая страна решила войти в период открытости». С этого предложения начинается известный в Японии роман. Эта «маленькая страна» есть Япония, но применительно к теме статьи можно сказать, что внутри этой «маленькой страны» есть «маленький остров» по имени Цусима.

Цусима – большой остров, растянувшийся с севера на юг на 82 километра, с запада на восток на 18 километров и общей площадью 708 квадратных километров между Кюсю и Корейским полуостровом, вслед за островами Садо (Sado island) и Амами (Amami Ohshima). Позиционно остров Цусима находится на расстоянии примерно в 50 км по прямой линии от своей северной границы до корейского города Пусана, то есть намного ближе к Корейскому полуострову, чем японский остров Кюсю. Исторически первое упоминание о «Земле Цусима» как территории, встречающейся первой при пересечении моря при отплытии с Корейского полуострова по пути из древнего Китая в страну «Вакоку» (Япония), встречается в китайских «Записях о Трех Царствах» в разделе «История династии Вей», пове-

ствующем о людях «ва». Сегодня весь остров Цусима представляет собой одно целое городское административное образование с населением 32043 чел. на конец июня 2016 г., основной отраслью хозяйства которого является сфера услуг и рыболовство. Для русских людей он стал более известен с момента сражений в период русско-японской войны. «Цусимское сражение» (японское название – «морское сражение в Японском море») было, буквально, битвой, произошедшей недалеко от восточного побережья острова Цусима.

Осмысление проблем, поднимающих в качестве предмета исследования «Цусиму», в начатом с этого года проекте «Формирование пространства модернизации и его влияние на регион Северо-Восточной Азии», отвечает на следующие вопросы: каково место Цусимы в истории региона Северо-Восточной Азии, каким со стороны Цусимы видится (или не видится) «образ Северо-Восточной Азии». В данной статье, в качестве первого шага, рассматриваются предыдущие исследования, связанные с проблемой Цусимы: определяется роль и место Цусимы, насколько это возможно на сегодняшний момент, а также дальнейшие перспективы данного исследования.

Процесс «модернизации» на Цусиме

С древних времен и до периода средневековья остров Цусима встречал посланников с Корейского полуострова в качестве первой переходной точки, соединяющей континент, Корейский полуостров и Японский архипелаг, становился первым местом для подготовки наступления для отправленного ханом Хубилаем большого экспедиционного отряда и был убежищем для промышляющих в окружающих остров Цусима водах японских пиратов, а также, наоборот, был основной базой на передовом рубеже для военных экспедиций из Японии на Корейский полуостров. Таким образом, Цусима – более чем просто «остров», всегда имевший особые черты как точка перехода – территория контактов. Невозможно изменить это даже в наше время, а не только в средневековье. Цусима и после XVII века, играя особую роль в качестве посредника в контактах между Кореей и сёгунатом Токугава, зарабатывала себе этим на жизнь.

На острове Цусима наиболее легко был воспринят приход «модернизации» через «иностранные корабли», то есть западные пароходы. Западно-европейские корабли (в основном военные) стали постепенно заходить в воды Цусимы с конца XVIII века. Этот

«приход иностранных кораблей», оцениваемый как «угроза», начался на Цусиме с середины XIX века, а именно в 1859 г. В это время, когда британский корабль пришвартовался в Цусиме, а затем ушел в корейский порт Пусан, и произошел инцидент пришвартования с применением дипломатических и торговых процедур Корейского полуострова, которые было разрешено использовать кланом Цусима. В это время британская сторона передала Японии информацию об амбициях России на юге.

Около двух лет спустя, в 1861 г., произошел инцидент с появлением российского военного корвета «Посадник», известный как «Инцидент с «Посадником» (также называемый «Цусимский инцидент»). Этот инцидент связан с тем, что корабль «Посадник», пришвартовавшийся в заливе Осаки на западном берегу острова Цусима в районе Асо по причине ремонта судна и остановившийся в селении Имосаки, попросил отремонтировать судно и построить ремонтное помещение. Команда корабля провела здесь около семи месяцев. За это время в конфликтах между командой корабля «Посадник» и местными самураями погибло два человека с японской стороны. Кроме того, капитан корабля «Посадник» Бирилёв Николай Алексеевич передал сведения местным чиновникам о намерении Великобритании захватить Цусиму, и для того чтобы это предотвратить, Бирилёв трижды запрашивал разрешение на аренду земель в области Имосаки, где были построены ремонтные мастерские.

Силами лишь одного клана Цусимы, клана Со, не удавалось взять ситуацию под контроль, и чиновники острова попросили о помощи сёгунат. Сёгунат направил на переговоры представителя департамента, ответственного за иностранные дела, Огури Тадамаса, который напрямую контактировал с делегацией корабля «Посадник», но переговоры также не смогли разрешить ситуацию. И в этот момент вмешалась Великобритания, заключившая соглашение с сёгунатом, которая оказала давление на него в отношении России для вывода корвета «Посадник» из Цусимы. И в результате корабль «Посадник» покинул Цусиму.

Изучение «Инцидента с «Посадником», согласно исследованию Синдо Нобуо, началось с опубликованного в 1904 г. исследования Муро Тората – «О пребывании русского корабля в провинции Цусима в 1861 году (первый год правления японского императора Комэя)» («Историческая география». Вып. 6. Т. 3. № 4). В опублико-

ванном Недзу Масаси в 1934 г. исследовании «Об оккупации Цусимы русским кораблем «Посадник» в 1861 году» («Право и экономика». Вып. 2. Т. 2. № 4) на основании изучения материалов Библиотеки парламента Великобритании были сведены воедино исследования того времени. С другой стороны, есть исследование ученых Хино Сейдзабуро и Оса Масамунэ «Россия, Великобритания и Цусима в период Эдо» (1933–34 гг., опубликовано в 1968 г.) на основе документов острова Цусима, которые были созданы кланом Цусима (архив Soke Monjo [the So's Archives]). Это исследование не могло быть опубликовано в годы войны, однако после войны его опубликовали другие исследователи. Документом, на который следует полагаться в истории «Инцидента с «Посадником», является краткий обзор «Инцидента с «Посадником», основанный на документах архива Соке на Цусиме. Кроме того, Ясуда Коичи, использовавший документы российской стороны, написал в 1995 г. работу «Цусимско-российские дипломатические отношения и Зибольд в 1861 году», прояснив ситуацию с российской стороны, что не было до сих пор известно в истории изучения этого инцидента.

Приведем два примера процесса «модернизации» на Цусиме, которые поднимают проблемы так называемой «унификации дипломатических прав». Распространение даже на крайнюю точку Северо-Восточной Азии – на Японию – международного правового порядка Запада стало событием, впервые происходящим с Японией и связанным с созданием суверенного государства – государства-нации, что было явным отличием от прежнего дипломатического порядка. Другими словами, «японская дипломатия» сёгуната Токугавы, который управлял и осуществлял торговлю с Нидерландами и империей Цин в Нагасаки, включала кроме сёгуната Токугава, который приветствовал послов с Рюкю и из Кореи в Эдо, семью Мацумаэ (клан Мацумаэ), контактировавшую с северными айнами, и семью Шимадзу (клан Сацума), которая выполняла дипломатические обязанности. Кроме того, аналогичным путем клан Цусимы нес дипломатическую миссию за контакты с Кореей, осуществляя торговлю с ней.

После того как появились корабли Перри, сёгунат, не ограничиваясь Нидерландами, начинает проводить дипломатические переговоры с западными странами, такими как Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство Великобритании, а также с Россией. Если смотреть со стороны международного правового по-

рядка, то есть со стороны системы западных суверенных государств, каковы были «методы дипломатии» Японии, то кажется, что кроме сёгуната (военного правительства), «дипломатию» самостоятельно осуществляли и другие кланы.

После того как сёгунат Токугава был свергнут, и новое правительство Мэйдзи пришло к власти, оно изменило ситуацию «четырехсторонней дипломатии», породив тем самым противоречие, если смотреть с точки зрения системы суверенных государств, так как кланы, такие как Цусима и Сацума, концентрировали право на ведение переговоров с зарубежными странами, которое принадлежало правительству (Министерству иностранных дел). В целом в контексте политической истории административно-политическая реформа «ликвидация кланов, создание префектур» (1871 г.), всегда указывающая на переход от феодализма к централизованной системе, с точки зрения дипломатической истории, упразднила «кланы», имеющие «право сношений с зарубежными странами», проводя политику «унификации дипломатических прав».

Говоря об этой проблеме, давайте просто обратимся к историческим документам, ограничивающимися только Цусимой. Японское министерство иностранных дел 25 сентября 1869 г. (29 октября 1869 г.) провозгласило для Государственного совета (Dajokan) политику дипломатии в отношении Кореи, в которую включались элементы международного права. В этом документе говорится (на старо-японском):

「朝鮮国交際の儀、旧幕府の節は宗家へ委任いたし、荏苒二百年をすぎ、終に宗家私交の体に変じ、交際の道分明ならず。……宗家にて壟断独占の体にて私利を納め不体裁の儀不少。斯く全世界文明開化の時世に至り條約を不結、曖昧私交を以一藩の小吏どもへ為取扱置候ては、皇国の御声聞に拘り候儀は勿論、万国公法を以西洋各国より詰問を受候節、弁解可致辞柄無之」

Перевод с современного японского языка:

«Говоря о дипломатии и сношениях с Кореей, то в период бывшего сёгуната семья Со (ниже также клан Со) несла ответственность за это и в течение 200 лет осуществляла эту миссию, однако в результате семья Со превратила эти сношения в частные, выражая

неясно международные принципы... Семья Со произвольно определяла, преследуя частные интересы в форме монополии, несоответствующий формат отношений... несмотря на то что весь мир входит в эпоху цивилизации, в возложенной на чиновников клана ответственности отсутствие подписанных договоров, а лишь ведение сношений только в форме частных расплывчатых контактов, есть то, что, естественно, влияет на репутацию Японии, и если в соответствии с международным правом западные страны спросят об этом, этому нет оправдания».

До сих пор осуществляющаяся кланом Со между островом Цусима и Кореей дипломатия, с точки зрения Министерства иностранных дел, ничего, кроме частных контактов, не представляла, и следовало раскрыть принципы сношений, другими словами, это было требованием для Японии, чтобы стать суверенным государством в международном правовом порядке. Министерство иностранных дел до установления международного правового порядка указало на существование определения «частного» в провинции Цусима.

Интерес представляет развитие дискуссии вокруг данного определения Министерства иностранных дел. Как уже упоминалось, дипломатические отношения между Японией и Кореей долгие годы осуществлял клан Со, знания и информация о дипломатических традициях и ритуалах хранились этим кланом. Правительство Мэйдзи, к которому перешла власть от сёгуна Токугава, ничего не знало о правилах осуществления дипломатических контактов с Кореей, несмотря на то что планировало осуществление «унификации дипломатических прав». Поэтому Министерство иностранных дел направило на Цусиму исследовательскую группу. В своем докладе «Исследовательский отчет об урегулировании отношений с Кореей» группа исследователей, говоря об отношениях Цусимы и Кореи, отмечала в отношении того факта, что глава клана Со из поколения в поколение получал «книгу (печать)» от корейского короля, следующее (на старо-японском):

「此印を受るは彼国制度上に取り臣下に等し。加之歳賜米と唱へ年々米五拾石を宗氏代々に給す。是彼国に臣礼を取るの最一とす

Перевод: «Получение этой печати является, согласно государственной системе Кореи, равной тому, чтобы стать подданным государства. Кроме того, корейское государство обеспечивает клан Со ежегодно 7500 килограммами риса, предоставляя льготы. Это самый яркий пример верноподданнического поведения по отношению к Корее».

И указывала, что

累百年私交の謬例発輝と御正し不相成候ては交際 of 条理難相立候事

Перевод: «Если четко не изменить такую систему, когда частные отношения разрешались сотни лет, тогда будет очень трудно установить принципы внешних сношений».

«Принципы внешних сношений», о которых здесь говорится, скорее всего, указывают не только на положение, создавшееся до этого времени в отношениях Кореи и острова Цусима, а на положение, создавшееся между Японией и Кореей. Другими словами, в это время Цусима для правительства Мэйдзи представлялась, явно, как нечто становящееся своим «внутренним». Положение, при котором Цусима являлась «вассалом» корейского государства, правительством Мэйдзи оценивалось недопустимым «ложным примером». Клан Цусима, который отклонился от международного правового порядка наличием «частного», посредством признания своего «ложного примера» заново создавал внутри Японии равенство между «общественным», правительством Мэйдзи и суверенным государством. Другими словами, можно сказать, это был тот момент, когда «национализм» Цусимского клана была включен в японский национализм, олицетворяемый правительством Мэйдзи.

Третья тема, если сменить точку зрения, – «модернизация на Цусиме». В настоящее время Цусиму также называют «пограничным островом», используя эту фразу в туристических целях, хотя, если смотреть на Цусиму с конца XIX века, название «пограничный остров», действительно, является для нее ключевым. Приведем ниже обзор нескольких проведенных исследований, раскрывающих эту тему.

Секретарь Министерства внутренних дел Иноуэ Томоичи посетил Цусиму в 1897 г. и в отчете написал, что

「本州（＝対馬）に於て人工を加えたる真の道路と名づくべきものは、巖原より竹敷軍港及び大船越に至る三～四里ぐらいの外になし

Перевод: «На Цусиме отсутствуют настоящие дороги, сделанные людскими руками, из Идзухара до Цусимского морского военного порта Такесики расстояние не более 12–16 километров», и заключил, что

「国防上の見地より論ずれば、今日急に道路を開通すべからず

Перевод: «С точки зрения национальной безопасности сейчас в спешке строить дороги не следует». Такой вывод был сделан потому, что

「警備隊の組織を拡充せざるうちに、道路を先ず開通することは、却て敵に資するが如き弊あらん事を恐るる

Перевод: «На [Цусиме] можно построить дороги для расширения гарнизона, но есть опасность получения негативного эффекта, так как это становится выгодным для противника».

В 1877 г. на Цусиме сначала был построен морской порт Такесики. Но после того как в 1885 г. на южном побережье Корейского полуострова произошел «инцидент в порту Гамильтона», начинается постепенная милитаризация Цусимы. В 1886 г. в порту Такесики создается торпедное подразделение, в то же время создается Цусимский гарнизон и Военный штаб Цусимы. В следующем 1887 г. на побережье залива Асо（浅茅湾）с центром в Такесиме приступают к строительству туннелей. В 1890 г. командующий охранной службы на Цусиме юридически становится управляющим администрацией всего острова Цусима (губернатор острова осуществляет теперь одновременное исполнение двух обязанностей). В 1896 г. создается морской департамент порта Такесики, а штаб-квартира Цусимского гарнизона переводится из Идзухара в Кечи. В вышеприведенном отчете описано положение на Цусиме этого времени. Позже на Цусиме был введен запрет на фотографирование, картирование и строительство зданий. Для всего этого требовалось получить разрешение администрации порта. К тому же в 1899 г. для расширения охранного подразделения Цусимы пехотный батальон охраны Цусимы и артиллерийский батальон Цусимской крепости были реформированы. В

1900 г. Цусима была разделена на две части – северную и южную, а силами военно-морских подразделений был прорыт канал Манзеки-Сето. Это было сделано для того, чтобы военные корабли могли свободно плавать между восточным и западным побережьем острова Цусима. Одновременно в сторону открытого моря было выстроено 13 новых фортов. Понятно, что эта Цусимская «крепость» создавалась потому, что ухудшились отношения с Россией. Подводя итог вышесказанному, видно, что Цусима была «пограничным островом» вследствие развития политики «модернизации» даже на уровне простого жителя, а продвижение «модернизации» происходило более чем просто на военном уровне «острова-крепости».

Причиной изменения этой ситуации стала аннексия Кореи (1910). То есть остров Цусима стал нечто большим, чем просто «пограничным островом». По словам Нагадоме, «открытие Цусимы, которое не было достигнуто в эпоху Мэйдзи, было совершено в эпоху Тайсё». Например, в 1911 г., наступившем после аннексии, наконец-то в обычных домах острова Цусима было установлено электрическое освещение. Символическим, вероятно, стало строительство дорог. Началось планирование дорог, до тех пор «неразрешенных к строительству», с тем, чтобы полностью покрыть весь остров дорожными коммуникациями к 1917 г. Однако окончательно строительство дорог началось только в 1920 г. Кроме того, одновременно стало проводиться строительство дорожных перекрестков в различных местах Цусимы.

С другой стороны, военные объекты, которые были на острове, стали закрываться. Так, был упразднен военный охранный округ Такесики в 1912 г., сокращен артиллерийский батальон в Цусимской крепости в 1920 г., сокращены масштабы присутствия военных. Возвращение Цусимы снова к образу крепости началось с 1930-х гг.

Вместо заключения: взгляд на «Северо-Восточную Азию» со стороны Цусимы

Выше мы уже просмотрели до конца все аспекты «модернизации» на Цусиме. В целом это то, каким образ «Северо-Восточной Азии» видится с точки зрения такой Цусимской модернизации – если не сказать более, с точки зрения Цусимы. Это тот вопрос, который будет рассмотрен в нашем проекте. Конечно, термин «Северо-

ро-Восточная Азия» не использовался людьми XIX века, но интересно, как рассматривались такие вопросы на Цусиме, в регионе, который решено в настоящее время рассматривать как «Северо-Восточная Азия».

Говоря снова об инциденте с русским корветом «Посадник» (Цусимский инцидент), то это было вспыхнувшее пламя борьбы за власть между Россией и Великобританией в Европе, достигнувшее Дальнего Востока. И остров Цусима из-за своего географического положения просто стал «линией фронта» этой борьбы. В этом случае интересно понять, каким представлялся мир со стороны Цусимы. Ключ для этого, скорее всего, находится в том, каким виделись на Цусиме «иностранные корабли», появившиеся в ближних водах острова Цусима в то время.

Кроме того, вместе с переходом от старого международного порядка – обычно его называют китайский мировой порядок (the chinese world order) – к новому появилась тема «унификации дипломатических прав», то есть проблема замены и переосмысления используемой до этого момента концепции, проблема разницы между практикой и уровнем понимания нового порядка. В этом случае основным объектом становятся отношения с Кореей через посредничество клана Цусимы, с островами Рюкю и империей Цин через посредничество клана Сацума, то есть те страны, с которыми Япония имела реальные дипломатические контакты. Так как проведено чрезвычайно много отдельных исследований в этой области, где постепенно появляются результаты детального исследования модернизации, в будущем, возможно, следует рассмотреть то, какие отношения имели обе стороны.

С другой стороны, тема «модернизации Цусимы» отличается от двух предыдущих. Поскольку содержание, в первую очередь, ограничивается внутренним положением на острове Цусима, то отсюда видно, что внутри Японии появляется особое позиционирование, в основном «Цусимы», а после этого в какой-то степени ее связь с южной частью Корейского полуострова. Конечно, это является очень интересной темой, но с точки зрения данного проекта угол исследования может немного отличаться.

Из вышеприведенных трех примеров проистекает вывод о том, что Цусима географически представляет собой регион перехода, является географически промежуточной точкой между материком

(Корейским полуостровом) и основным островом Японии, следовательно, «местом встречи». Кроме того, дипломатический порядок в этом месте находился «между» старым дипломатическим порядком и новым. И в этом месте процесс модернизации, можно сказать, сильно «отставал» от остальных регионов.

THE SPECIFICATION OF THE IMPORTANCE OF THE TSUSHIMA ISLAND IN NORTH-EAST ASIA

Isida Toru

Associate Professor of the University of Shimane (Japan)
t-ishida@u-shimane.ac.jp

The research object of this article is the Japanese island of Tsushima. The author, considering the special geographical position of the island, shows the role of Tsushima in the history of North-East Asia, analyzes the processes of “modernization” in Tsushima, in particular the peculiarities of distribution of the international legal order, and also describes in detail the incident that occurred on the island in 1861 with the Russian the military ship “Posadnik”, better known in the history of Russian-Japanese relations as “The Tsushima incident”.

Keywords: *Tsushima island, Japan, Korea, modernization, incident with “Posadnik”, diplomatic order.*

ВЛИЯНИЕ КИТАЯ КАК ДЕРЖАВЫ НА ПЕРЕМЕНЫ ПОРЯДКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Саото Такеси

доцент Университета префектуры Симанэ (Япония)
t-sato@u-shimane.ac.jp

Каким образом Китай, как восходящая великая держава, меняет региональный порядок в Северо-Восточной Азии? Является ли Китай противником либерального международного порядка, возглавляемого США, или игроком, ориентированным на статус-кво? Автор статьи демонстрирует, что совместный исследовательский проект, осуществляемый Институтом исследований Северо-Восточной Азии при Университете Симанэ в сотрудничестве с Пекинским университетом и Университетом Фудань, не ставит под сомнение непосредственно международный порядок, возглавляемый США, но стремится к расширению сферы влияния через партнерскую дипломатию. В статье акцентируется внимание на взаимодействии между китайской внешней политикой и внутренним управлением в Китае, утверждается, что социальная и политическая стабильность является жизненно важной основой великой китайской стратегии. Автор приходит к выводу, что успех китайской многосторонней дипломатии зависит от того, насколько Китай сможет убедить остальные страны-участницы в многосторонних проектах, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, разделить с ним идею построения международного сообщества путем согласования различных интересов и ценностей.

***Ключевые слова:** Китай, региональный порядок, Северо-Восточная Азия, мультилатерализм, «обучение» и «практика».*

Представление совместного исследовательского проекта Центра изучения Северо-Восточной Азии (NEAR)

Этот международный совместный исследовательский проект осуществляется в течение двух лет (с марта 2014 г. по апрель 2016 г.) исследовательской группой во главе с учеными из Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ и приглашенными профессорами из Китая – Школы международных исследований Пекинского университета, Международного института исследований Университета Фудань, Северо-Восточного педагогического университета, Исследовательского центра цивили-

зации Восточной Азии. Целью данного исследовательского проекта является выяснение изменений в современной ситуации, сложившейся в Северо-Восточной Азии в период подъема Китая, то есть изучение соотношения соперничества и примирения («первый резонанс»), возникающего в международном порядке, которое создается между существующим международным порядком и Китаем, и изучение диспропорций между политической, экономической и социальной структурой управления внутри Китая и международными изменениями («второй резонанс»)¹. В данном исследовании принят междисциплинарный подход, который имеет научное значение и особенность в том, что стремится рассмотреть два резонанса многоаспектно и эмпирически, а также из-за особой структуры проекта и его членов – специалистов в области международной политики, истории международных отношений в Восточной Азии, исследователей китайской политики, экономики, общества, культуры и политической мысли Китая. Можно сказать, что в течение двухлетнего исследования, поддержанного научным грантом, данный проект достиг заявленных целей в докладах, представленных на совместных международных научных конференциях и симпозиумах в Школе международных исследований Пекинского университета и в Международном институте исследований Университета Фудань, о чем подробнее изложено ниже.

(1) Относительно взаимодействия порядка, основанного на конституционном принципе гегемонии, и порядка, основанного на авторитарной иерархии, Такеши Сато (исследователь из Университета префектуры Симанэ), говоря о тенденциях изменения регионального порядка в Северо-Восточной Азии в условиях роста Китая, показал, что этот рост привел к возникновению китайской концепции собственной системы международного порядка, так называемого принципа приоритетного развития, выраженного в инвестициях в азиатскую инфраструктуру в виде концепции «один пояс, один

¹ Резонансность (reciprocal reconfiguration) – термин, о котором подробнее можно узнать в книге Исида Ацуси. «Введение: Резонансность международного и внутреннего порядка» в книге «Международная политика», издание Японской ассоциации исследований международной политики, 2007. – № 147 [2].

путь», или, другими словами, прорастанию нового международного политического и экономического порядка из Китая. Лян Юньсян (Пекинский университет, внешний исследователь) показал разделение истории китайской дипломатии на три периода после создания суверенного государства (эпоха революционной дипломатии Мао Цзэдуна, эпоха дипломатии экономического развития Дэн Сяопина, эпоха сверхдержавы после периода Дэн Сяопина), а также наличие стремления, ориентированного на возвращение исторически утраченных территорий. Ситуацию гармонизирует экономическое и многостороннее сотрудничество, основанное на перспективе новой безопасности в существующем международном порядке.

(2) В отношении китайской концепции «один пояс, один путь» один из исследователей Ацуси Иноуэ (Университет префектуры Симанэ) выдвинул тезис необходимости учета таких конфуцианских понятий, заложенных в основу взаимоотношений внутри региона и в качестве мер по сокращению масштабов нищеты, как «повсеместное пользование», «закон общественного хранения», «система благодарности», которые определяют конфуцианский порядок, установившийся в системе управления современного Китая.

(3) Относительно взаимодействия изменений структуры внутреннего управления Китаем и изменений регионального порядка в Северо-Восточной Азии, Синго Эгучи (Университет префектуры Симанэ, основной член проекта), используя термины «либерализация / публичное обращение» и «вовлеченность / участие» из понятия «полиархия» Р. Дару, на основе гипотезы, что в долгосрочной перспективе в Китае появится «система псевдо-конкурентоспособных олигархов» внутри «закрытой системы давления», добавляет к анализу ситуации китайского «участия» то, что в качестве внутренней социальной основы дипломатии современного Китая выступает политический и социальный процесс строительства государственного управления через политику «линии масс» режима Си Цзиньпина, и отмечает важность проблемы «участия» в политической и социальной интеграции Китая в период «новой нормы».

(4) По отношению к внутренней социально-экономической основе китайской внешней политики, Ван Иджоу (Пекинский университет, внешний участник проекта) показал, что для продвижения внешней политики сверхдержавы Китаю необходима внутренняя стабильность, необходимо рассмотреть различные проблемы, такие

как коррекция внутренних диспропорций из-за перераспределения богатств от экономического роста, трансформация структуры промышленности, осуществление гражданских прав, осуществление контроля за национальным законодательством для приведения в соответствии с международными стандартами. Сигеаки Уно (бывший сотрудник Университета префектуры Симанэ, внутренний член проекта) указал, что лидерство Китая, а именно Китая под руководством Си Цзиньпина, в эпоху перемен может проявить опасные симптомы и во внешней политике, потому что еще не ясны направления прорыва для решения внутренних трудностей. Кроме того, он предсказал, что само китайское общество будет способствовать перспективе международного порядка, распространенного по всему миру, как оси опыта модернизации самого Китая, приближающегося к модели модернизации западного мира, и указал, что есть опасность того, что ущербная внешняя политика Китая из-за внутренней структуры перемен, происходящих в обществе в целом, которые были необходимы еще в течение последних 40–50 лет, войдет в текущий международный порядок с опасным выбором. Он утверждает, что направленность желаемого будущего в том, что создается многозначный (полицентричный) международный порядок, в котором дополняют друг друга лучшие стороны, выбранные Западом, Японией, Китаем, странами третьего мира.

(5) Если рассматривать с точки зрения истории международных отношений в Восточной Азии, то, несмотря на то, что сегодня важно использовать шанс строительства порядка в Восточной Азии в XXI веке, [нужно учитывать] имеющийся опыт неудач Японии в построении порядка в Восточной Азии в прошлом, когда режим Вашингтона рухнул в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Как показал Тору Исида (Университет префектуры Симанэ, основной член проекта), модель дипломатии, принятая модернизирующейся Японией на предыдущем этапе развития перед началом строительства «нового порядка Восточной Азии» и «сферы совместного процветания Великой Восточной Азии», была концепцией «старой дипломатии». Это было попыткой ратифицировать модель, скрывающуюся в теориях порядка и дипломатии Мамору Сигемицу и Киёси Мики, а также Тадао Янайхара, которые стали результатом «обучения» «дипломатии Сидэхара», приведшей к «Маньчжурскому инциден-

ту» в качестве прелюдии к «провалу» этой модели и как финал – к становлению «нового порядка Восточной Азии».

Данный исследовательский проект, преследуя цель внесения своего вклада в академическое развитие теории международного порядка в Северо-Восточной Азии, имеет научную оригинальность и особую специфику в том, что он с разных сторон рассматривает проблемы структурной взаимосвязи и взаимовлияния внутренних дел Китая и его внешней политики.

Ниже автор (Такэси Сато) представляет собственное исследование, которое проводилось в рамках совместного проекта, описанного выше.

«Внешняя политика глобального актора Китая и мультилатерализм»

Введение: актуальность проблемы

Целью настоящего исследования является анализ позиционирования Китая по всему миру, с увеличением присутствия в области международной экономики как глобального актора, и внешней политики Китая с позиции мультилатерализма (*multilateralism*, многосторонность отношений между большим количеством стран), когда Китай в многосторонней структуре дипломатических отношений «учится» и «практикуется».

Это исследование диктуется необходимостью проанализировать с точки зрения мультилатерализма и оценить, существует ли действительный результат внешней политики Китая в рамках мультилатерализма в качестве глобального актора. Для Китая данное исследование сможет объяснить, как достичь «дружеского сближения», одним словом, как достичь Китаю общих ценностей, целей, методов, интересов, создающих многосторонние механизмы, что пока подвергается сомнению. То есть становится главным то, сможет ли китайская многосторонняя внешняя политика воспринять концепцию «общей универсальности через плюрализм» и сам этот процесс.

Что же использует Китай в качестве инструмента для создания дружественных отношений? В статье обсуждение фокусируется на внешней политике Китая, которая стала наиболее активной с 2000-х гг. (особенно после шока Лемана – банкротства компании Lehman Brothers Holdings, Inc. в 2008 г.).

Статус и глобальный актор в международной политике

(1) Проблема положения (статуса) в международной политике

В 2000-е гг. «развивающиеся рынки», включая Россию, Индию, Бразилию, Турцию, во главе с Китаем увеличили свое присутствие в мировой экономике и международной безопасности. Из-за того что присутствие этих развивающихся стран возрастает, интерес к проблеме, каким образом будет меняться международный порядок, возникает как между исследователями, так и практиками международной политики и международных отношений. Какой статус имеет государство в международных отношениях, каково повышение этого статуса вне международной политической сферы, какое влияние это оказывает на тенденции внешнеполитической деятельности этого государства и международного порядка – вот вопросы и главные проблемы теории классического реализма в международной политике.

В международной политике, таким образом, построены теории баланса сил, стабильности гегемонии, основываясь на том, что страна с превосходящей военной мощью и экономическим процветанием является (сверх)державой и гегемоном, другими словами, её называют «полюсом».

Кроме того, устанавливается ситуация, стремящаяся к преобразованию и переходу общества от контроля, основанного на господстве военной силы, к управлению на основе силы норм и законности, и тогда аргумент появления гражданской власти (гражданской силы) означает, что создание национального государства содействует гражданским преобразованиям в международных отношениях [11].

Если рассматривать данным образом, то можно понять, что вызвало интерес к сильной связи между национальной идентичностью и внешней политикой, как возникла теория о том, какие функции и особенности имеет национальное государство, занимая в международных отношениях и международной политике какой-то статус.

Поул Т.В. утверждает, что статус в международной политике отражает коллективные убеждения, субъективные и относительные вещи [9; с. 8–9]. Следовательно, можно ожидать, что у быстро поднимающейся новой сверхдержавы, преобразующей экономические ресурсы для развития экономики посредством укрепления военной мощи, произойдут изменения по отношению к своему международному политическому статусу и в отношении партнеров в соответст-

вии с проявляющейся национальной силой. Тем не менее, создание статуса в международной политике невозможно через самостоятельное самоопределение сознания самой сверхдержавы, оно должно пройти через процесс конструирования взаимного признания со стороны других стран.

(2) Глобальный актор

В этой статье под глобальным актором понимается следующее определение – «в соответствии с расширением источника материальной или нематериальной силы (власти), национальное государство должно иметь международное присутствие в той или иной области в международной политике и экономике посредством своей внешней политики», оно отличается своей глобальной силой (властью), осуществляя влияние посредством «вовлеченности/неучастия», «действия/бездействия» на тенденции мирового порядка от проблем международной безопасности и региональных конфликтов до борьбы с глобальными проблемами человечества.

Определение статуса Китая как глобального актора (игрока) в этой статье имеет следующие обоснования. Во-первых, военный потенциал Китая улучшается наряду с экономическим ростом, хотя возможности влияния посредством военной силы ограничиваются азиатским регионом [8]. Кроме того, текущая морская и геополитическая внешняя политика в Южно-Китайском море, которая опирается на источники материальной силы, как показано в следующем разделе, проявляет эффект односторонних и двусторонних отношений с соседними странами. Конечно, это аргумент для обсуждения, чтобы с осторожностью рассматривать данные факты как китайскую версию доктрины Монро [5]. Тем не менее, односторонняя и двусторонняя геополитическая внешняя политика зависит от «асимметрии/созависимости» материальной силы в то время, когда быстрый рост национальной мощи дает результат в реализации национальных интересов и силу влияния, что отражено в последствиях прошлого опыта отношений Советского Союза и Соединенных Штатов по отношению к каким-либо ограничениям.

Внешняя политика глобальных акторов (игроков)

(1) унилатерализм (unilateralism), двусторонность (bilateralism), многосторонность (multilateralism)

Излишне говорить, что унилатерализм указывает на состояние внешней политики государства, которое вынуждено соотноситься с международными вызовами и действует в одиночку в пользу собственной политики и позиции, а мультилатерализм не только означает ситуацию наоборот, но показывает тенденцию отхода от него. Напомним, что считается типичным примером унилатерализма американская внешняя политика периода президента Буша-младшего, когда США осуществили выход из Киотского протокола об изменении климата и Рамочной конвенции против войны в Ираке. Билатерализм (принцип двусторонности) призывает государство, встречающее международные вызовы, сосредоточить внимание на дипломатических отношениях с отдельными странами, такими как страны-союзники.

С другой стороны, мультилатерализм, согласно Джону Г. Раги, является «институциональной формой регулирования отношений между более чем тремя государствами на основе обобщения совместного действия» [10]. То есть, в случае совместного ответа на политическую проблему, акцент делается на многосторонние отношения трех или более стран, когда каждое государство на основе общих (обобщенных) правил, принципов и норм предпринимает согласованные совместные действия для решения политических вопросов. Что еще более важно, согласованные действия более трех стран осуществляются международными или региональными институтами.

Согласованные действия в институциональных рамках есть основа принципа мультилатерализма, они являются его неотъемлемой частью, подчеркивающей две стороны – диффузную взаимность и атомарность национальных интересов. Другими словами, национальные интересы каждой страны неразрывно связаны и не могут быть реализованы в индивидуальной гонке преследования. Достижение и реализация национальных интересов возможны только в средне- и долгосрочной перспективе через расширение взаимовыгодных отношений посредством совместных действий [3; с. 17–18].

*Унилатерализм, билатерализм, мультилатерализм
во внешней политике Китая 2000-х гг. (Таблица автора)*

	Превосходство	Равенство	Ущемленность
Унилатерализм	«Основные интересы» в Южно-Китайском море, морская держава		
Билатерализм	Япония, Южная Корея, Северная Корея, Юго-Восточная Азия	Индия, Россия Америка (Американо-китайские взаимовыгодные стратегические отношения)	
Мультилатерализм	Большая 20-ка, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)	Евросоюз, БРИКС	МВФ, ВТО

(2) Китай как глобальный актор и мультилатерализм

Причиной написания данной статьи является концентрация внимания на дипломатической практике мультилатерализма и выяснение, каким образом балансирует сверхдержава в международной системе в условиях мультилатерализма, так как становится все большим её влияние на управление и поддержание международного порядка. В политологии международной политики важное значение придается лидирующей роли крупных государств в создании международных и региональных институтов. Неореализм (*новый реализм*) обращает внимание на многополярность из-за возможности создания сверхдержавы, которая имеет всеобъемлющую национальную силу для давления на другие страны и настаивает на аргументе, что порядок стабилизируется, даже если проблема совместного интереса и свободного движения исходит из многополярности, которую предлагает сама сверхдержава. Даже Айкенбери, специалист по теории международной системы, указывает на то, что необходимо планировать долгосрочное поддержание порядка, поэтому сама страна-гегемон, установившая международную систему, по-

давляет применение силы при взаимной сдержанности вследствие конституционной системы власти [6].

Сможет ли Китай в качестве глобального игрока в конкретных случаях, чтобы соответствовать международным вызовам, осуществлять законность? Каким образом он будет вести себя в рамках мультилатерализма? Сможет ли достигать национальных интересов за счет расширения взаимовыгодных отношений на основе совместных действий? И сможет ли установить свой статус в рамках международной системы?

«Обучение» и «практика» в китайской многополярной внешней политике

1. Приближение к мультилатерализму – «обучение»

До начала 1990-х гг. Китай не всегда активно вступал в многосторонние отношения. Конечно, хотя Китай и является постоянным членом Совета Безопасности ООН, он отрицательно относился к структуре многополярных отношений в области безопасности, экономики и свободной торговли, которые стали активизироваться в Азиатском регионе в 1990-е гг. Однако, начиная с середины 1990-х гг. Китай, меняя свою дипломатическую позицию, начал участвовать в рамках диалога сотрудничества по вопросам безопасности и в институтах укрепления доверия в регионе, таких как, например, региональный форум АСЕАН (ARF) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

По словам Джонстона, Китай через участие в региональном форуме АСЕАН и Азиатско-Тихоокеанском Совете сотрудничества по безопасности использовал не только подходы теории реализма в международной политике, а совместно с «обучением» мультилатерализму воспринял идею многополярности и практикует её в региональном сотрудничестве, что привело к расширению многосторонней дипломатии [7]. На этом фоне принятый Китаем в этот период «новый взгляд на безопасность» заставил утихнуть теории китайской угрозы [1; с. 28–29].

Однако, с другой стороны, существует мнение, что Китай оказывает сильное влияние на страны АСЕАН через региональный форум АСЕАН, и это привело к достижению его превосходства в структуре отношений между Китаем и другими странами АСЕАН [4]. Другими словами можно сказать, что многосторонняя диплома-

тия Китая с либеральной и прагматичной стороны осуществляет движение к «практике», включающую в себя элементы реализма.

Китай желает усилить свое влияние в международных организациях в сфере международных финансов на фоне экономического роста последних лет. В дополнение к улучшению соотношения права голоса взвешенной системы голосования во Всемирном банке, в ноябре 2015 г. Исполнительным советом Международного валютного фонда (МВФ) рассматривались составляющие резервных валют и их удельный вес в специальных правах заимствования (SDR) МВФ, и было решено, что с октября 2016 г. китайский юань станет пятой по счету резервной валютой. Среди валют специальных прав заимствования (SDR) удельный вес китайского юаня (RMB) составил 10,92 %, доллара США – 41,73 %, евро стала третьей по величине резервной валютой с 30,93 %, а японская йена, занимая 8,33%, поднялась выше британского фунта с его 8,09%. Можно сказать, что повышение статуса Китая в международной экономической и финансовой сфере также очень важно.

(2) Создание новой международной организации – новый этап «обучения» и «практики»

Китай, опираясь на экономическую власть как источник глобального присутствия, независимо от созданных многосторонних финансовых организаций, таких как, например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития (банк БРИКС), выступил совместно с инициативой «один пояс, один путь» с практическим предложением по созданию Фонда Шелкового пути. Через эти новые международные финансовые организации Китай, дополнительно к участию в существующих международных организациях, таких как Всемирный банк и Азиатский банк развития, в то же время глубоко вовлечен в развитие инфраструктуры в Азиатском регионе и развивающихся странах, и ожидает эффекта в решении своих внутренних проблем, таких как избыток спроса и инвестиционный спад.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИВ) был официально открыт 16 января 2016 г., после того как в конце марта 2015 г. подали заявки на участие в его создании 57 стран-учредителей, и до 25 декабря того же года 17 стран, подписавших Соглашение об учреждении, ратифицировали и оплатили свыше 50 % выпущенных акций. Первый президент Джин Ликун (Jin Liqun) и пять вице-президентов (по одному от Великобритании, Южной Ко-

реи, Индии, Германии, Индонезии) были назначены 5 февраля. Кроме того, Бразилия, Россия, Индия, вместе с Южной Африкой открыли Новый банк развития, где право равного голоса без права вето получили пять стран БРИКС (так называемый Банк БРИКС), в июне 2015 г. со штаб-квартирой в Шанхае.

Создание новых международных организаций в международной экономической сфере после «шока Лемана» 2008 г. является новой «практикой» расширения финансового влияния Китая в рамках мультилатерализма с увеличением присутствия в международной финансово-экономической сфере, и находит свое отражение в опыте участия в многосторонней международной системе начиная с 1990-х гг.

(3) Оценка многосторонней дипломатии Китая

Китай начиная с середины 1990-х гг. участвует в многосторонних институтах Азиатского региона, накапливая опыт «обучения» и «практики» многосторонних отношений, что привело к созданию новой международной организации и лидерству Китая в ней в 2010-е гг. Еще рано давать оценку практическому результату внешней политики Китая в рамках многосторонности, однако необходимо будет проанализировать её с точки зрения мультилатерализма. Мультилатерализм является реализацией достижения национальных интересов для стран, участвующих в создании многостороннего института для совместной деятельности. Необходимо проанализировать, сможет ли Китай, глубоко вовлеченный в создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ) и Банка БРИКС, достичь реализации принципа многосторонности в будущем, а также сможет ли Китай внутри международной системы принять на себя институциональные ограничения.

Заключение

«Обучение» и «практика» во внешней политике

В этой статье обсуждалась многосторонняя внешняя политика Китая в качестве глобального игрока с точки зрения мультилатерализма. Можно предположить, что с позиции глобального актора Китай, присутствуя в особой области международных отношений, в будущем, действительно, может стать глобальной силой дальнейшего влияния на сам международный порядок.

Необходимо проверить на практике, сможет ли Китай обеспечить общими целями, методами, ценностями и интересами страны, кото-

рые участвуют в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АИВ), Банке БРИКС, Фонде Шелкового пути, в китайской инициативе «один пояс, один путь», а также сможет ли он осуществлять совместную деятельность на принципе мультилатерализма. Необходимо обсудить, например, будет ли равное распределение прибыли между странами-участниками Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ) (поддержка принципа результата), или каким образом Китай достигнет легитимности, с тем, чтобы получить поддержку своим методам управления (поддержка принципа целесообразности).

Данная статья не может в полной мере учесть все стороны проблемы. Однако думается, что необходимо попробовать разработать теорию международной практики (*international practice theory*) для того, чтобы провести анализ «обучения» и «практики» внешней политики в форме последовательной теории. Это тема наших будущих исследований.

Литература

1. Асано, Акира. Китайский мультилатерализм: Реалистический либерализм? // Международные отношения в Восточной Азии – горизонты мультилатерализма / под ред. Ояне Сатоси. Юсиндо, 2009 [浅野亮「中国の多国間主義：現実主義的リベラリズム？」大矢根聡編著『東アジアの国際関係—多国間主義の地平』有信堂、2009年].
2. Исида Ацуси. Введение: Резонансность международного и внутреннего порядка // Международная политика, издание Японской ассоциации исследований международной политики, 2007. – № 147 [石田淳「序論国際秩序と国内秩序の共振」日本国際政治学会編『国際政治』第147号(2007年)].
3. Ояне Сатоси. Введение: поворот к региональному сотрудничеству в Азии – к анализу теории мультилатерализма // Международные отношения в Восточной Азии – горизонты мультилатерализма / под ред. Ояне Сатоси. Юсиндо, 2009 [大矢根聡「序章 アジア地域協力の転回—多国間主義の視点による分析へ」『東アジアの国際関係—多国間主義の地平』有信堂、2009年].
4. Alice Ba. Who's Socializing Whom? Complex Engagement in Sino-ASEAN Relations, *Pacific Review* 19:2 (June 2006).
5. James R. Holmes. China's Monroe Doctrine. *The Diplomat*, June 22, 2012. Available at <http://thediplomat.com/2012/06/chinas-monroe-doctrine/> (Accessed March 3, 2016).

6. G. John Ikenberry. *After Hegemony: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order After Major Wars* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001).
7. Alastair Ian Johnston. *Social States: China in International Institutions, 1980–2000* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008).
8. *New York Times*, China Retools Its Military With a First Overseas Outpost in Djibouti, November 26, 2015. Available at http://www.nytimes.com/2015/11/27/world/asia/china-military-presence-djibouti-africa.html?_r=0 (Accessed March 3, 2016).
9. Paul T.V. Deborah Welch Larson, and William C. Wohlforth eds., *Status in World Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014).
10. John Gerald Ruggie ed. *Multilateralism Matters: The Theory and Praxis of an Institutional Forum* (New York: Columbia University Press, 1993).
11. Mario Telo. *Europe: A Civilian Power? European Union, Global Governance, World Order* (Palgrave Macmillan, 2006).

THE RISE OF CHINA AND ITS IMPACT ON THE CHANGE OF REGIONAL ORDER IN NORTHEAST ASIA

Sato Takeshi

Associate Professor of the University of Shimane (Japan)
t-sato@u-shimane.ac.jp

How does China as a rising great power change the regional order in Northeast Asia? Is China an unsatisfied challenger against the U.S.-led liberal international order or a status-quo-oriented player? The first part of this paper demonstrates that a joint research project, conducted by the Institute of Northeast Asian Research at the University of Shimane in cooperation with Beijing University and Fudan University, finds China doesn't challenge the U.S.-led international order directly, but she seeks the expansion of sphere of influence through neighborhood diplomacy. We focus on the interaction between Chinese foreign policy and domestic governance in China and find that social and political stability is a vital foundation of Chinese grand strategy. In the second part, a chief researcher of the joint project discusses how China has reiterated "learning" and "practice" when conducting multilateral diplomacy. We conclude that the success of Chinese multilateral diplomacy depends on whether China can persuade the rest of the member countries in the multilateral frameworks such as the Asia Infrastructure and Investment Bank that she can share an idea of constructing an international community through reconciling diverse interests and values.

Keywords: *China, regional order, Northeast Asia, multilateralism, "learning" and "practice".*

ЯПОНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ И ПОДХОДЫ К КОНФЛИКТАМ ВОКРУГ ОСТРОВОВ В ОТКРЫТОМ МОРЕ

Дикарев Андрей Дмитриевич

кандидат исторических наук

Центр исследований Восточной Азии и ШОС

Института международных исследований

МГИМО МИД России

andreydikarev@yahoo.com

В статье говорится о некоторых последних тенденциях в экономических и политических отношениях между Японией и КНР. Приведены оценки и выводы японских, западных и российских ученых относительно китайского курса кабинета Синдзо Абэ и японской составляющей китайской внешней политики при президенте Си Цзиньпине. Отдельно рассмотрены имеющие признаки «двойных стандартов» в подходе обоих государств к территориальным спорам и стратегии освоения островов в открытом море. Разногласия между Японией и Китаем чреваты дальнейшей конфронтацией, особенно на фоне усиления позиций Китая в АТР. Тем не менее, территориальный вопрос, очевидно, будет решаться преимущественно в процессе экономического соревнования между Японией и Китаем.

Ключевые слова: Япония, КНР, острова, международные отношения, территориальные конфликты, экономическое сотрудничество, геополитика.

Сэнкаку и внешнеполитический курс кабинета Синдзо Абэ

Открытие запасов нефти и газа в Восточно-Китайском море побудило правительство Китая и власти Тайваня в 1970-х гг. сделать первые заявления о своих притязаниях на территориальный суверенитет над островами Сэнкаку. Любопытно, что до этого момента по поводу суверенитета Японии над островами не поступало никаких возражений со стороны какой-либо страны или региона. Заметим при этом, что публикация в 1947 г. Китаем пресловутой «одинадцати-пунктирной» (теперь – «девяти-пунктирной») линии равным образом не вызвала тогда особых возражений у мирового сообщества. Об истории всех этих конфликтов и их недавней эскалации

уже имеется множество публикаций, в рамках данной статьи остановимся лишь на некоторых аспектах проблемы.

По мнению японского ученого Акихиро Ивасита, Япония рассматривает Китай как угрозу, которая в дальнейшем будет провоцировать кризис вокруг Сэнкаку. Все это помогает убедить США заключить союз с Японией, как бы в пику недавнему предложению Китая о новом типе «отношений великих держав» с США. Сэнкаку постепенно становится огромной, искусственно сконструированной проблемой, имеющей потенциал «превращения в политического монстра» [4; с. 39]. Недавняя бурная деятельность Абэ способствует, по мнению Ивасита, оправданию действий Китая. О чем идет речь?

Возможно, в первую очередь о том, что в качестве лидера партии, завоевавшей в конце 2012 г. парламентское большинство, Абэ попытался было заявить о желательности изменения конституции страны. В ответ на критику Китая и Республики Корея Синдзо Абэ в ходе заседания парламента Японии отметил, что «не поддастся угрозе» и в полемическом задоре заявил даже, что «в науке и на международном уровне нет окончательного решения об определении агрессии».

Передовая статья газеты *The Wall Street Journal* от 27 апреля 2013 г. отмечает, что из-за бесстыдных речей Синдзо Абэ Япония потеряет всех своих иностранных друзей. Другая американская газета *The Washington Post* также выступила с критикой в адрес японского премьер-министра, заявляя, что Синдзо Абэ не может трезво оценивать историю, ему не понять возмущения Китая и Республики Корея [5].

Поэтому вряд ли приходится рассчитывать на то, что Абэ придет в КНР на 80-ю годовщину Нанкинской резни и произнесет слова покаяния от имени государства, как это сделал в 1970 г. канцлер Германии В.Брандт, посетив Польшу и возложив цветы к мемориалу борцам с фашизмом.

Другие японские и западные ученые рассматривают внешнеполитический курс Абэ в ином ключе.

Премьер Абэ хорошо понимает, что возрождение Китая в качестве крупнейшей экономической, политической и военной силы в регионе – это вызов для Японии. В то же время очевидно, что географическое положение Японии, ее экономические связи в регионе и сама история соперничества с Китаем означают, что Япония не

может самоизолироваться и оставаться в стороне от тенденций, с которыми сталкивается регион.

Абэ видит эти тенденции, и похоже, что его кабинет избрал такую политику, которая направлена не столько на открытое соперничество с Китаем, сколько на своего рода торможение контактов, дословно «упреждение, предотвращение» (防范, 予防). Цель – сохранить все выгоды от торговых отношений, но избежать слишком тесного общения. Вероятно, это не «сдерживание» в привычном политологическом смысле этого слова, а переориентация отношений на многих уровнях согласно традиционной модели, существующей еще со времени средневековья, когда страна не пыталась изолироваться от Китая, но и не тягалась с ним силами.

Возврат к этой тысячелетней стратегии позволит Японии, по мнению некоторых специалистов, избежать гонки вооружений с Китаем, сохранить послевоенную пацифистскую традицию и строить отношения с Китаем на своих условиях, стремясь по мере возможностей не оказаться в уязвимом положении под влиянием столь огромной соседней страны [15].

В экономическом смысле это уже ощущается.

Во-первых, вслед за территориальными конфликтами последних 10 лет, которые отрицательно повлияли на японский бизнес в Китае, он определенным образом переориентировался: ранее китайская промышленная сеть использовалась как платформа для глобального продвижения японских продуктов, сделанных в Китае, а теперь – учитывая емкость китайского рынка – китайские продукты делаются китайцами для китайцев по японским технологиям. Это дает возможность японскому бизнесу продолжать получать выгоду от китайского рынка, при этом изолироваться от возможных политических проблем типа споров насчет Сэнкаку.

Во-вторых, Япония пытается переориентироваться на АСЕАН в экономике, и дальнейшее «сдерживание» Китая возможно лишь при развитии горизонтальных связей с соседями. Например, размещение японских производств во Вьетнаме – это путь к новым возможностям экспорта в США, Австралию и другие страны.

Но в политическом плане все выглядит не так оптимистично. Развитие спора по островам Сэнкаку является доминирующей темой раздора между двумя странами, проблема далека от разрешения, пе-

реходя от одного цикла к другому. Наблюдатели полагают, что у Токио есть определенные мотивации, чтобы идти на обострение территориальных споров в регионе. Премьер Синдзо Абэ, известный своим стремлением «проявить твердость», демонстрирует новый «авторитарный тренд». Абэ, судя по его выступлениям, по-прежнему мечтает вернуть своей стране былое величие и изменить навязанную Японии «американскими оккупантами» пацифистскую конституцию.

Российский политолог-японист С.Чугров обратил внимание на недавнее высказывание Абэ о том, что новое поколение японцев надо воспитывать в духе гордости за историю Японии. Означает ли это, что скоро появятся новые школьные учебники, в которых варварские карательные акции японской императорской армии в Китае будут называться просто обычными «военными операциями»? [9; с. 24].

В связи с этим российские ученые неизменно упоминают долгоиграющий «исторический» фактор международных отношений в регионе: многие народы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии крайне критически относятся к Японии, поскольку не могут забыть преступления императорской армии во время Второй мировой войны. Столь же негативно они воспринимают любые попытки усиления роли Токио в регионе.

Некоторые соображения о политике Китая в отношении Японии

Учить японцев уму-разуму – обычная история для Китая, откуда принесены были в Японию многие культурные традиции. Полезно проявлять перед японцами определенную «крутизну», считает известный российский эксперт-востоковед В.Кашин [6].

Китаю не нравится политика Японии, не нравится то, что она является союзником США и пытается играть собственную роль в АТР. Нужно этим тенденциям противостоять, не ослаблять напряжение. Япония – страна со слабой, по мнению КНР, политической системой – если не снижать давление – она сама будет искать контакта с Китаем.

В этом смысле проблема островов, по мнению В.Кашина, – полезна. Понятно, почему она возникла в 70-х гг., сразу после восстановления дипотношений между Китаем и Японией – надо создавать давление. Цель – заставить Японию признать, что есть юридический спор. Раз есть спор – значит, нужны переговоры, а там пусть они

длятся десятки лет – Китай рано или поздно добьется своего. Считающийся ныне образцом политической мудрости Дэн Сяопин предложил японцам в свое время оставить территориальный вопрос будущим поколениям. Напомним, что до Си Цзиньпина и выдвинутой им стратегической инициативы «Один пояс – один путь» внешняя политика Китая исходила главным образом из постулата Дэна «таогуаньянхуэй» (韬光养晦 – держаться в тени и ждать своего часа) [2; с. 42].

Теперь же китайская внешняя политика носит все более наступательный характер. В ходу концепция, в основе которой лежит представление, что большой державе надлежит вести особую, соответствующую ее положению в мире внешнюю политику – «да го-вайцзяо» (大国外交) . Применительно к Японии успех видимо в том, что японцы вроде как уже согласились с тем, что есть разные точки зрения по вопросу Сэнкаку. Но этого недостаточно, надо заставить Японию вступить в переговоры, а там уже можно и нужно «дожимать».

Можно вспомнить в этой связи давнее интервью проректора МГИМО А.Богатурова: «У китайцев нет и тени сомнения по поводу принадлежности островов. Они считают их своей суверенной территорией, и было бы верхом абсурда приписывать им западный образ мыслей. Для лидеров КНР не существует понятия «территориальный спор». У них железобетонная логика: ни одна держава не может претендовать на земли, объявленные однажды частью Китая» [1].

Весной 2016 г. Китай направил военный корабль к спорным островам. Для японцев это было очень болезненно. Чем вызвана такая эскалация со стороны Китая? Это ответ японцам и американцам на то, что на саммите семи индустриальных стран, только что прошедшем в Японии, было принято заявление о необходимости обеспечить свободу судоходства и о недопустимости изменения статус-кво с помощью силы. Правда, Китай в документе не упоминался. Но всем очевидно, что именно против Китая принята эта резолюция.

Освоение островов в открытом море: подходы Китая и Японии

Конечно, в любых территориальных спорах важное значение имеет желание отстаивать государственный престиж всеми возможными способами, причем это относится не только к молодым государствам, как иногда полагают [3; с. 405]. При этом совершен-

но ясно, что Японии и Китаю, равно как и другим прибрежным государствам, важны не столько клочки суши в далеких морях, отстоящие от берегов на тысячи километров, сколько сырьевые ресурсы вокруг, а также возможность (при необходимости) контролировать морской и воздушный трафик в зоне, через которую проходит 60 % мирового товарооборота и, в том числе, 80 % импортируемых Японией энергоресурсов. Не случайно Ван Илин, председатель государственной китайской корпорации «Офшор Ойл», назвал передвижные буровые платформы «стратегическим оружием Китая», частью «мобильного государственного суверенитета» [14].

Обладание полноценными островами создает, согласно Конвенции ООН по морскому праву, исключительную экономическую зону (ИЭЗ) в 200 миль. Юрисдикция над безжизненными скалами дает право на 12-мильное территориальное море вокруг (в случае бесспорного суверенитета). Искусственные острова не дают никаких прав на окружающие их воды. Но Китай, как видно из событий последних трех лет, трактует международное морское право по-своему, поступая при этом согласно принципу «владеть не обязательно – важнее использовать». Хотя заявляет при этом о «неоспоримом суверенитете» (无可争议主权) почти на все участки суши в ЮКМ. При этом речь идет именно о суше, а не о самом море, на чем в последнее время настаивают китайские ученые, реагируя на обвинения в присвоении Китаем 80 % территории Южно-Китайского моря [10]. Ранее китайские официальные лица чаще говорили о «морских границах». Похоже, что эта новая тенденция вполне вписывается в поставленную Си Цзиньпином в июле 2013 г. задачу «трансформировать практику защиты морских интересов».

Короче говоря, масштабное строительство искусственных островов на семи рифах и отмелях Южно-Китайского моря (ЮКМ) можно считать свершившимся и необратимым фактом. Вопрос теперь в том, как делить море и его ресурсы с соседями. Китай давно и неизменно настаивает, что это должно решаться строго на двусторонних переговорах и протестует против «интернационализации спора», на что так же неизменно указывают все эксперты в любых публикациях на эту тему [3; с. 411]. Однако, учитывая тот факт, что территориальные претензии в ЮКМ страны АСЕАН имеют и друг к другу, ситуация кажется пока что неразрешимой.

Но легче ли решить территориальный спор, если в нем задействовано только две стороны? Как показывает история пограничного урегулирования между Россией и Китаем, при наличии доброй воли и готовности идти на компромиссы это вполне возможно. Поэтому следует согласиться с мнением о том, что отношения не потому не урегулированы, что существует территориальная проблема, а, наоборот, стороны не в состоянии разрешить проблему, поскольку их отношения недостаточно хороши [9; с. 25]. Политические же отношения Японии с Китаем пока что весьма далеки от того, чтобы считаться «хорошими».

Япония в лице премьер-министра Абэ поддержала заключение Гаагского трибунала по островам в ЮКМ, призвав Китай уважать морское право. Министр обороны Японии Инада в сентябре 2016 г. назвала действия Китая «намеренной попыткой изменить статус-кво, исходя из свершившегося факта» [11]. Япония тем самым как бы выступила на стороне Филиппин. Любопытно при этом, что Япония возражает против арбитража по поводу островов Сэнкаку (Дяоюйдао), как бесспорно принадлежащих ей, но была бы не против такового в отношении островов Токто, принадлежащих Южной Корее.

Напряженная дискуссия прошла в июле 2016 г. между китайским и японским премьерами на полях саммита Азия-Европа в Улан-Баторе. Беседа была «искренней и откровенной», сообщил японский представитель; как известно, это синоним несогласия сторон по обсуждавшимся вопросам. А китайские СМИ сообщили, что Ли Кэцян требовал от Абэ прекратить «нагнетать» и «вмешиваться» в споры вокруг островов в ЮКМ [12].

«Прежде чем упрекать других, Япония должна посмотреть, что она сама говорит и делает», – сказал китайский министр иностранных дел Ван И в 2015 г. на саммите АСЕАН. «Китай – не Япония. Наши права в ЮКМ существуют давно. Нам не надо усиливать наши позиции посредством землеустройства» [13].

Здесь, конечно, китайский министр лукавит, ибо масштабное строительство аэродромов и портовых сооружений на рифах, которые Китай считает сушей под юрисдикцией КНР, со всей очевидностью и в любом случае усиливает позиции Китая.

Но что имеет в виду Ван И относительно Японии?

Окинотори

Речь идет об островке Окинотори в Филиппинском море, самом южном из всех японских островов, захваченном после Второй мировой войны США, а затем возвращенного Японии и принадлежавшего ей с 1968 г.

От территории Окинотори-сима, размываемого волнами, к 1970-м гг. осталось два клочка. Но как раз к этому времени все страны, испытывающие дефицит природных ресурсов, начали борьбу за исключительные экономические зоны (ИЭЗ). Чтобы остановить физическую эрозию, с 1987 по 1993 год Япония построила молы из стали и бетона. Строительство было необходимо, чтобы сохранить остров над уровнем моря и обосновать претензии Японии на большую ИЭЗ.

22 апреля 2004 г. в ходе двусторонних переговоров в Пекине китайские дипломаты заявили, что Китай не рассматривает Окинотори как остров. Признавая территориальные права Японии на Окинотори, Китай настаивал, что это просто скала, а не остров. Выше уже говорилось о том, почему столь важно – остров это, пригодный для жизни сам по себе, или же просто скала.

Окинотори никогда не был заселён, и вопрос о его экономической жизни является дискуссионным. Отрицание исключительной экономической зоны Японии в этом районе побудило главного секретаря кабинета министров Ясуо Фукуда (премьер-министр в 2007–2008 гг.) сделать заявление: «китайские утверждения, что наши острова – скала, являются абсолютно неприемлемыми. Мы учредили в районе вокруг острова ИЭЗ на основе международного и внутригосударственного права. Китай является единственной страной, которая утверждает, что это скала» [7].

С тех пор Япония приложила массу усилий по освоению островной территории. Вплоть до высадки кораллов вокруг, чтобы создать видимость экономической жизни там и избежать отнесения острова к категории безжизненных скал, не дающих права прибрежному государству на ИЭЗ. Усилия увенчались успехом, решение ООН 2012 г. позволяет Японии претендовать на континентальный шельф вокруг Окинотори.

Япония возражает теперь Китаю в таком ключе: в случае с Окинотори – мы сохраняем природную среду, а в ЮКМ происходит

массированное сооружение из песка и бетона фактически новых островов.

Японская сторона в свою очередь лукавит, ибо на Окинотори, куда было вложено около 600 млн долларов, тоже не обошлось без песка и бетона...

* * *

За 42 года с тех пор, как Токио и Пекин восстановили дипломатические отношения, двусторонние связи испытывали и взлеты и падения. Потепление в политических отношениях сменялось серией мини-кризисов, которые, впрочем, не мешали двум странам укреплять экономические связи. Японские прямые инвестиции составили 8,24 % всех инвестиций в Китае, заняв третье место после Гонконга и Тайваня. Растет число туристов. За 2014 г. в Китай приехало на 50% больше японских туристов, чем в 2013 г.

К концу 2015 г. экспорт Японии в Китай составил 109 млрд долларов, импорт из Китая – 160 млрд, что меньше, чем 2 года назад, но цифры все равно впечатляют. Оборот с Китаем уже опережает японо-американский. Таким образом, мы видим, что даже при периодическом возрастании политической напряженности торговля между странами в долгосрочном тренде продолжает расти. Хотя после 2013 г. объемы ее несколько снизились, все равно Китай по состоянию на конец 2015 г. остается для Японии вторым по значимости торговым партнером после США.

Вывод однозначный: военный конфликт между Японией и КНР вряд ли выгоден обеим странам и маловероятен, пока за спиной Японии стоят США. Китай не готов встать на путь военной конфронтации, но в то же время будет продолжать демонстрировать свою военную мощь в АТР.

Можно предполагать, что территориальный вопрос будет решаться на поле жесткой экономической конкуренции, периодически переходящей в экономическую войну. Некоторые наблюдатели не исключают передачи дела о территориальном споре в международный суд ООН, но исходя из последних тенденций взаимоотношений в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также после вынесения Гаагским трибуналом своего вердикта в июле 2016 г. такой вариант кажется маловероятным.

Литература

1. Богатуров А. Борьба двух самолюбий. Япония и Китай не могут преодолеть исторические противоречия. Доступно на сайте: old.mgimo.ru/news/media/document165383.phtml
2. Денисов И. Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине // *Международная жизнь*. 2015. № 5. С. 40–56.
3. Иванов А., Лукин А. Активизация внешней политики Китая в АТР и интересы России // Лукин А.В. *Возвышающийся Китай и будущее России*. М., 2015. 790 с.
4. Ивасита, Акихиро. «Сконструированные территории»: некоторые размышления о территориальных спорах в Восточной Азии // *Ежегодник ИМИ 14 (4) 2015. Россия и АТР в начале XXI века*. М., 2015. С. 33–42.
5. Ито, Нарихико. Сбившийся с истинного пути кабинет Синдзо Абэ. Доступно на сайте: <http://russian.people.com.cn/95181/8231360.html>
6. Кашин В. Ответы на вопросы о территориальных спорах с участием КНР. Доступно на сайте: https://www.youtube.com/playlist?list=PLgxLJxuMHB9NUroBU2q_3C5UjuW9Mz8b7
7. Окинотори. Доступно на сайте: [ru.wikipedia.org/wiki/ Окинотори](http://ru.wikipedia.org/wiki/Окинотори)
8. Скосырев В. Корабли ВМФ РФ нервничают японцев // *Независимая газета*. 10.06.2016. Доступно на сайте: www.ng.ru/world/2016-06-10/1_rf_japan.html
9. Чугров С.В. Эхо Второй мировой войны и роль «мягкой силы» в Северо-Восточной Азии // *Ежегодник ИМИ 14 (4) 2015. Россия и АТР в начале XXI века*. М., 2015. С. 22–26.
10. Beech, Hanna. Just Where Exactly Did China Get the South China Sea Nine-Dash Line From? // *Time*, 19.07.2016. Available at: <http://time.com/4412191/nine-dash-line-9-south-china-sea/>
11. China lashes out at Japan's South China Sea plans (AFP news agency). Available at: <https://www.yahoo.com/news/china-lashes-japans-south-china-sea-plans-110904147.html>
12. Dooley, Ben. Tokyo seeks to pressure Beijing on S China Sea ruling. Available at: <https://www.yahoo.com/news/tokyo-seeks-pressure-beijing-south-china-sea-ruling-060603786.html>.
13. Jennings, Ralph. Japan Is Quietly Building A Tiny Tropical Islet, But An Angry China Has Noticed. Available at: <http://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/07/17/japan-is-quietly-building-a-tiny-tropical-islet-but-an-angry-china-has-noticed/#c5726ae3d6cf>
14. Khanna, Parag. The Brilliance of China's Grand Strategy: Don't 'Own' Land, Just 'Use' It. Available at: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/the-brilliance-chinas-grand-strategy-dont-own-land-just-use-15741?>

15. Nagy, Stephen. Revealed: Japan's New China Strategy Has Ancient Roots. Available at: <http://nationalinterest.org/blog/the-buzz/revealed-japans-new-china-strategy-has-ancient-roots-16478?>

**JAPANESE CHINESE RELATIONS: TRENDS OF RECENT YEARS
AND APPROACHES TO CONFLICTS AROUND ISLANDS
IN THE OPEN SEA**

Dikarev Andrey Dmitrievich
Candidate of Historical Sciences
MGIMO University
andreydikarev@yahoo.com

About some recent trends in economic and political relations between Japan and China. The opinions and conclusions of Western Russian and Japanese scholars with regard to the Chinese policy of Shinzo Abe government and Japanese aspects of Chinese foreign policy under Xi Jinping are considered. Special attention is paid to the ambiguous attitudes of both states to territorial conflicts and their strategy of exploration of islands in the open sea. Evident traces of «double standards» can be revealed in the political declarations and actions of both countries. Controversies between China and Japan are dangerously aggravating especially with a prospect of strengthening China's positions in the Asia-Pacific region. Nevertheless solving of territorial question will depend mainly on the outcome of economic rather than military competition between China and Japan.

Keywords: *Japan, China, islands, international relations, territorial conflicts, economic cooperation, geopolitics.*

ЯПОНСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ

Гузельбаева Гузель Яхиевна

кандидат социологических наук

Казанский федеральный университет

Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

Многим странам, так или иначе, пришлось столкнуться с экстремистской угрозой. В рамках борьбы с терроризмом государства используют специальные стратегии. Опыт различных стран может помочь в анализе эффективных методов и средств в этой сфере, а также способствовать дальнейшему взаимодействию в противостоянии терроризму. Настоящая статья предлагает обратиться к опыту России и Японии и провести сравнительный анализ подходов двух стран в противодействии экстремизму.

В статье раскрываются особенности проявления экстремизма в России и Японии со второй половины XX века, раскрываются специфические черты экстремистских движений, сформировавшихся на территории России и Японии, анализируется сущность их идеологий, методы борьбы, масштабы распространения. Названы наиболее крупные террористические акты, с которыми пришлось столкнуться двум странам. В качестве локального внутри российского примера использован случай Республики Татарстан, которая в последнее десятилетие испытала негативные последствия от деятельности исламистов.

Сравнивать антитеррористические стратегии Японии и России довольно сложно, поскольку они связаны с различным положением и ролью двух стран на международной арене, различными целями внешней политики, внутренними условиями, а также отличающимися историческими обстоятельствами и геополитическим положением. Тем не менее, необходимо изучить опыт друг друга с целью повышения эффективности противостояния экстремистским и террористическим силам как на собственной территории, так и за ее пределами.

Япония и Россия столкнулись с экстремизмом на своих территориях как с реальной опасностью. Япония предпринимает серьезные меры по предотвращению внутреннего экстремизма, используя для этого, помимо полиции и Сил самообороны, активность рядовых граждан, а также передовые технологии. Деятельность Японии в этой сфере оказалась весьма эффективной. На международном уровне она не участвует в военных операциях, но осуществляет их финансирование как инструмент борьбы с

террористическими силами. Япония также уделяет большое внимание междипломатическим переговорам и консультациям и подготовке кадров для борьбы с экстремизмом и терроризмом как в самой Японии, так и за ее пределами. Все это повысило международный авторитет Японии.

Россия в последние годы значительно продвинулась в деле противодействия экстремистским и террористическим группам. На международном уровне Российская Федерация, в отличие от Японии, проводит военные операции (в Сирии, с сентября 2015 г.), используя свои воздушно-космические силы и военно-морской флот. Также Россия оказывает Сирии гуманитарную помощь. Россия действует во многом как самостоятельный игрок по борьбе с ИГИЛ, взаимодействуя, но не являясь членом Западной коалиции, которую возглавляют США. Уровень взаимодействия с коалицией на данный момент крайне низкий, что обусловлено противоречиями с США, в которые вступила Россия в ходе антитеррористических операций в Сирии, в том числе из-за разницы в оценке политики президента Сирии Башара Асада.

Налаживание российско-японского сотрудничества в деле борьбы с терроризмом рассматривается автором как перспективный пример. Прошедшие в 2016 и 2017 гг. в Токио российско-японские консультации по антитеррористической проблематике показали общность подходов двух стран ко всем аспектам противодействия международному терроризму. В ходе консультаций была достигнута договоренность о сотрудничестве в этой области.

Международное сотрудничество, сплоченность, обмен опытом и единая позиция в оценке действий террористов – ключевые шаги, которые должна предпринять каждая из стран, поставивших перед собой цель предупреждение и пресечение терроризма. Обращение к положительному опыту России и Японии в этой сфере поможет мировому сообществу справиться с этой проблемой.

***Ключевые слова:** терроризм, экстремизм, религиозный экстремизм, антитеррористическая деятельность, противодействие экстремизму, международная безопасность.*

Статья сфокусирована на проблеме экстремистской угрозы, с которой пришлось столкнуться России и Японии в последние десятилетия, а также на особенностях антитеррористической деятельности, которую ведут эти государства.

Современный терроризм представляет сложную систему, состоящую из комплекса взаимодополняющих процессов – идеологических, криминальных, военных, экономических, политических,

религиозных и националистических. Террористические акты уже давно не привязаны ни к конкретным странам, ни к национальным границам. Формируются глобальные террористические сети с руководящими центрами по всему миру, занимающиеся подготовкой операций и исполнителей к той или иной акции. Все чаще средством воздействия на потенциальных сторонников радикальных взглядов выступает интернет. В силу названных причин и в связи с происходящими внутрирегиональными процессами ряду стран мира так или иначе пришлось столкнуться с экстремистской угрозой. В целях более эффективной работы в этой сфере и возможного взаимодействия в противостоянии терроризму интересно обратиться к опыту различных стран. В данной статье анализируется история появления и развития экстремизма в России и Японии, а также опыт антитеррористической деятельности этих двух государств.

Проблема экстремизма в Японии имеет свою специфику и свои особые формы проявления. Терроризм и экстремизм здесь связаны с деятельностью левозэкстремистских и правозэкстремистских движений. В 1960–1970-х гг. более активными были левозэкстремистские политические организации. Одной из самых крупных структур радикального левого движения этого времени был **«Антивоенный молодежный комитет» («Хансэнин»)**. Появление этой организации связано с начинающейся тогда борьбой против заключения договора между Японией и Южной Кореей и против агрессивной войны США во Вьетнаме. Как и движения «новых левых» Западной Европы 50–70-х гг. Хансэнин стремились создать революционную ситуацию в Японии. Излюбленными методами этой организации, в основной своей массе молодежной и студенческой, были прямые столкновения с властью, уличные бои, рукопашные схватки с полицией. Вскоре после подписания соглашения о прекращении войны во Вьетнаме, деятельность Хансэнин сошла на нет [15; с. 121–122].

Другой крупной экстремистской организацией левого толка была **«Красная армия» («Сэкигунха»)**. Ее целью было объявлено создание революционной армии Африки, Латинской Америки, Японии, Вьетнама и Кореи и осуществление мировой революции. «Красная армия» стремилась развернуть партизанскую войну в труднодоступных районах. Они стали известны благодаря своим выступлениям против конфискации земель при строительстве нового токийского аэропорта, нападениям на резиденции императора в Токио и

Киото, захвату и угону японского самолета с заложниками в Пхеньян в 1970 г. Их самой кровавой акцией было побоище в аэропорту Тель-Авива в мае 1972 г., где трое боевиков «Красной армии» расстреляли толпу пассажиров, в результате чего 26 человек погибли, 78 ранены. Группировка действовала также за пределами Японии. Ими были осуществлены захват посольства Франции в Амстердаме в 1973 г., нападение на посольства США в Джакарте в 1986 г. и в Риме в 1987 г., захват японского самолета в Дакке в 1977 г. Вскоре организация была разгромлена и ушла с территории Японии, перенеся активность сначала в Европу, а затем в страны Азии. Большинство ключевых лидеров «Красной армии» были арестованы и осуждены, в том числе сама основательница и руководитель «Красной армии» Фусако Сигенобу (названная СМИ как «самая кровавая японская террористка»). Позже, в 2006 г. она была осуждена на тюремный срок в 20 лет. Однако многим членам этой организации удалось выехать за пределы Японии, в частности в Северную Корею, с правительством которой «Красная армия» состояла в тесных связях [1; с. 232–233]. В 2001 г. «Красная армия» Японии объявила о прекращении своей деятельности и перестала существовать.

Менее заметными, но также активными были и члены ультраправых движений Японии. В 1960 г. на массовом митинге член радикальной правой организации **Японская патриотическая партия («Айкокуто»)** совершил убийство председателя патриотической партии Японии. Экстремисты правого толка выдвигали следующие требования: окончание послевоенной зависимости от США, восстановление божественного статуса императора, отказ от вооруженных сил. Другая организация **«Общество щита» («Tateno Kai»)** была создана известным японским писателем Юкио Мисима и имела множество последователей. Они боролись за обращение к старым довоенным ценностям, пересмотр конституции, отказ от зависимости от США. После неудавшейся попытки переворота Ю. Мисима совершил самоубийство и «Общество щита» постепенно распалось [1; с. 233].

Ситуация в корне изменилась в 1990-е гг. На первый план вышла крайне жестокая, с централизованным управлением религиозная экстремистская организация **«Аумсинрикё»** (с 2009 г. – «Алеф»), лидером которой был Сёко Асахара. Именно «Аумсинрикё» принадлежит проведение газовой атаки в городе Мацумото, попытка наладить производство оружия, средств массового уничто-

жения и наркотиков, организация расправ над предателями внутри секты, похищения и убийства людей, а также известный теракт в Токийском метро в 1995 г. [15]. В этом шокировавшем всю Японию теракте в результате распыления нервно-паралитического газа зарин по разным данным погибли от 11 до 27 человек (японские официальные органы не дают однозначной статистики по этому вопросу), около 4000 человек пострадали и имели проблемы со здоровьем. Социальную основу «Аумсинрикё» составляла молодежь, среди которой было немало выпускников престижных вузов. Число сторонников этой организации в Японии к 1995 г. составляло от 10 до 15 тысяч человек [18]. 12 руководителей этой религиозной секты, включая Асахару, в феврале 2004 г. были приговорены в Японии к смертной казни. Необходимо отметить, что эта организация распространила свое действие и за пределами Японии. За границей ее опорными пунктами были четыре государства – США, Россия, Германия и Шри Ланка. Как указывают некоторые источники, за три года деятельности в России «Аумсинрикё» удалось привлечь более 30 тысяч человек [15]. Секта работала в России с начала 1990-х гг., причем у нее были собственные программы на радио и телевидении, концерты и коллективные медитации. Лидер Асахара посещал Россию и даже встречался с ведущими политиками. На пике популярности число российских сторонников оценивалось экспертами в десятки тысяч человек. После того как несколько сторонников секты были осуждены на длительные тюремные сроки в Приморском крае (в г. Владивостоке), около десятилетия о ней ничего не было слышно. В 2011 г. секта активизировалась и стала вести сбор пожертвований в интернете. Но в поле зрения полиции они попали лишь в октябре 2015 г., собираясь на частной квартире в центре Москвы. Секта действовала не только на территории Москвы, свою паутину они раскинули на 54 региона РФ. Количество пострадавших от их действий может исчисляться тысячами людей. В октябре 2015 г., а затем в апреле 2016 г. были заведены уголовные дела, и 20 сентября 2016 г. Верховный суд РФ запретил деятельность «Аумсинрикё» на территории России [15].

Стоит отметить, что терроризм в Российской Федерации появился и развивался особым путем, отличным от японского. Предпосылки к его распространению были следующие: ослабление государственных институтов после развала Советского Союза, эконо-

мический кризис, формирование черного рынка оружия и взрывчатых веществ, взрывной рост организованной преступности (т.н. «разборки», заказных убийств), неконтролируемые потоки миграции, война в Чечне и другие факторы.

Если японцам в последние два десятилетия пришлось столкнуться с религиозным экстремизмом, то в нашей стране в 1990-е и начале 2000-х гг. экстремизм носил скорее этно-национальный (центробежный) характер, что в значительной степени усложняло задачу по его устранению. На территории России в начале 1990-х гг. появились радикально настроенные чеченские сепаратисты. Именно они начали осуществлять теракты с выдвижением требований прекращения военных действий российских вооруженных сил в республике Чечня. Во время так называемой Второй чеченской войны к центробежным факторам добавился религиозный.

Исторически российское государство сталкивалось с революционным терроризмом, однако это не представляет интереса для данной статьи. До 1990-х гг. теракты в Советском Союзе были крайне редкими единичными случаями, не имеющими никакой системы. И, соответственно, борьба с терроризмом не значилась как первоочередная задача государства. Однако во второй половине 1990-х гг. в связи с ведением Чеченской войны и деятельностью бандформирований с Северного Кавказа начинается активная террористическая деятельность с регулярными террористическими акциями. Излюбленными методами террористов были и остаются по сей день взрывы и захват заложников. Остановимся кратко на наиболее крупных террористических актах, имеющих массовый характер, произошедших на территории Российской Федерации.

В июне 1995 г. отряд из более 160 боевиков под руководством Шамиля Басаева захватил больницу в городе Буденовске. В заложниках оказалось более 1600 человек. Террористы требовали у российских властей остановить военные действия в Чечне и вступить в переговоры с режимом генерала Д. Дудаева. В результате теракта 129 человек погибли, 415 были ранены. Часть террористов была захвачена, 30 боевиков были убиты [6].

9 января 1996 г. группа из 350 боевиков во главе с Салманом Радуевым, Х. Ибрапиловым и Т. Аггириевым атаковала военный городок и местный аэродром около дагестанского города Кизляр, затем захватив больницу и роддом в Кизляре. В больнице находи-

лось более 2000 человек. В ходе противостояния в общей сложности погибли 78 человек, свыше 50 были ранены. Сам С. Радуев был задержан (в марте 2000 г.) и приговорен к пожизненному заключению в тюрьме (скончался в 2002 г.) [10].

В марте 1996 г. произошел взрыв на Центральном рынке Владаккава. Погибли 52 человека, 168 человек получили ранения различной степени тяжести. Терракт был организован чеченскими боевиками и сепаратистами во главе с Арби Бараевым и Магомедом Цокиевым, которые были уничтожены лишь в ходе Второй чеченской войны.

9 мая 2002 г. сработало взрывное устройство при прохождении праздничной колонны войск в Каспийске, в результате чего погибли 45 человек, в том числе 12 детей, более 170 человек были ранены.

С 23 по 26 октября 2002 г. группа чеченских боевиков под руководством сепаратиста Мовсара Бараева продержала в здании Театрального центра в Москве более 700 заложников. В результате проведенного спецназом штурма здания были уничтожены все боевики, но при этом погибли и 129 зрителей мюзикла «Норд-Ост».

27 декабря 2002 г. в Грозном террористами-смертниками было взорвано здание регионального правительства Чечни. Погибло 70 человек, 200 ранено.

В феврале 2004 г. террористом-смертником был осуществлен мощный взрыв в поезде в московском метрополитене. Более 250 человек было ранены, 42 человека погибли.

Пожалуй, самым кровавым террористическим актом в истории нашей страны был захват школы в городе Беслан 1 сентября 2004 г. Группа террористов взяла в заложники 1128 человек, находящихся в школе, среди которых были дети, учителя и родители. Террористы удерживали заложников три дня. В результате: 331 погибших (из них 186 детей). Все боевики (32 человека) были уничтожены [4; 17].

29 марта 2010 г. были произведены два взрыва в московском метро двумя террористами-смертницами российского происхождения. В результате взрывов погибло 41 человек и ранено 88 человек. Ответственность за взрывы взял на себя лидер «Эмирата Кавказ» Доку Умаров.

Список террористических актов, случившихся в нашей стране в новейшей истории, можно продолжать, к сожалению, еще долго. Напомним только одно из последних трагических событий, ответ-

ственность за которое взяло на себя руководство ИГИЛ. 31 октября 2015 г. в результате заложенной в самолет бомбы над Синайским полуостровом потерпел крушение Airbus A321; 217 пассажиров и 7 членов экипажа погибли [11].

На территории России на данный момент есть последователи около 25 организаций, которые законодательно признаны запрещенными. К тому же на Северном Кавказе действует отделение запрещенной в России исламистской террористической организации ИГИЛ – Виляят Кавказ.

Татарстан, являясь одним из самых крупных исламских регионов в России по численности мусульман, несомненно, привлекает внимание проповедников религиозно-идеологических течений радикального исламизма. В 1990-е гг. в татарстанских медресе и мечетях появились проповедники так называемого «чистого ислама», вербовщики татарской молодежи на Северный Кавказ для прохождения соответствующей подготовки; татары принимали участие в некоторых терактах, например, в Дагестане. На территории Татарстана действуют последователи запрещенных организаций – Хизбут-Тахрир, «Братья-мусульмане», «Таблиги Джамаат» (первые две оцениваются российским законодательством как террористические, последняя как экстремистская).

К сожалению, жителям Татарстана пришлось столкнуться с террористическими актами, осуществленными местными исламистами. Первый теракт на территории Татарстана произошел в 1999 году (некоторые эксперты связывают это с началом Второй чеченской войны). В декабре 1999 г. в Кукморском районе Татарстана на границе с Кировской областью был взорван газопровод Уренгой-Помары-Ужгород [21]. Уже в январе 2000 г. по этому делу были признаны виновными и осуждены 10 человек.

В 2004 и 2005 гг. было совершено несколько попыток повреждения опор высоковольтных линий электропередачи на автодороге Уфа-Москва, а также взрыв газопровода в г. Бугульма.

Пик террористической активности пришелся на 2010–2013 гг. Именно в этот период, в июле 2012 г., в канун священного для мусульман праздника Рамадан, произошло убийство заместителя муфтия Татарстана Валиуллы Якупова, работавшего в то время во главе учебного отдела Духовного управления мусульман Татарстана. В

этот же день было совершено покушение на муфтия республики Ильдуса Фаизова. Муфтий в ходе теракта был ранен [14].

В ноябре 2013 г. произошла попытка обстрела нефтеперерабатывающего завода в Нижнекамске самодельными ракетами и закладка нескольких взрывных устройств, а также поджог двух православных храмов [22].

В последние несколько лет теракты в Поволжье не совершаются; это связано, скорее всего, с активной антитеррористической работой правоохранительных органов. Важным, вероятно, является также то, что некоторые радикально настроенные исламисты уехали на Ближний Восток воевать за «халифат».

Взрыв Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. всколыхнул все мировое сообщество. Это трагическое событие стало значимой вехой в истории терроризма. Создание международной антитеррористической коалиции, объявление терроризма ведущей опасностью для мировой цивилизации, изжитие его из мировой практики были возведены в ранг первоочередных задач, стоящих перед мировым сообществом. Япония, испытавшая на себе удары терроризма, стала участником антитеррористической коалиции, которую возглавляли США. Россия со своими союзниками проводит самостоятельную антитеррористическую кампанию.

Антиэкстремистская и антитеррористическая деятельность Японии. Страны по-разному реагируют на угрозу международного терроризма. Уголовно-правовая борьба с радикально настроенными левыми и ультраправыми группировками, религиозными сектами и своевременное реагирование на их преступные акции считается гарантией общественной безопасности в Японии. Не так давно японским правительством был утвержден законопроект, согласно которому японские вооруженные силы наделяются правом оказывать тыловую поддержку Соединенным Штатам в ходе проведения антитеррористических операций в любой точке земного шара [9].

Стоит отметить, что Конституция Японии не позволяет создавать любые вооружённые формирования. Ее Силы самообороны считаются гражданской (невоенной) организацией. Применение силы в соответствии с Основным законом страны, возможно только в случае защиты территории Японии от агрессии.

Тем не менее, в 1990-х гг. возможности японских Сил самообороны были расширены. Еще в начале 2000-х гг. и вплоть до 2010 г.

Япония оказывала активную поддержку силам коалиции, действовавшим в Афганистане и Ираке, что вызывало острую критику общественности страны. В Афганистане с декабря 2001 г. до 15 января 2010 г. военные корабли Японии оказывали силам коалиции тыловую поддержку, снабжая их топливом и пресной водой.

Основным внешнеполитическим инструментом Японии в ходе международных антитеррористических операций всегда было финансирование. Урегулирование конфликта в Афганистане не стало исключением. Кроме того, роль координатора международных действий по восстановлению Афганистана также взяла на себя Япония. Именно тот факт, что Япония оказывает серьезную финансовую поддержку государствам, борющимся с ИГИЛ, стал главным поводом для заявления террористов «Исламского государства» о своем намерении нанести удар по гражданам Японии.

С сожалением отметим, что заявления боевиков не остались пустыми угрозами. В 2013 г. в Алжире были захвачены и убиты десять японцев [20], в январе 2014 г. двое граждан Японии были обезглавлены террористами-исламистами в Сирии [3].

Кроме того, Япония географически близка к Юго-Восточной Азии, а в этом регионе высока угроза крупномасштабных террористических актов (как показали взрывы в Индонезии, к примеру). При этом необходимо признать, что угрозы из Северной Кореи и Китая на сегодняшний день являются более серьезной опасностью для Японии, чем террористические группы на Ближнем Востоке.

Важной составляющей в защите страны от террористических угроз является поддержание союза с США. Опыт Японии по борьбе с терроризмом, однако, отличается от американского. Японцы сосредоточили внимание на человеческом факторе, в то время как США ищут технологические решения национальных проблем в области безопасности.

Мониторинг и наблюдение считаются руководством Японии ключевыми методами в борьбе с терроризмом. В 2015 г. в МИД Японии появилось специальное подразделение, целью которого обозначен сбор информации для борьбы с терроризмом, таким образом, создана своего рода «антитеррористическая разведка». Также с 2016 г. Япония приступила к использованию системы спутниковой разведки. Позитивный опыт этой страны проявляется в том, что, хотя ею активно используются передовые технологические средства, тем не

менее, акцент делается именно на традиционных методах борьбы со шпионажем. Более того, за многие годы Япония разработала свои тактические методы борьбы с терроризмом и проводит различные учебные курсы и семинары для силовых структур стран Юго-Восточной Азии. Необходимо отметить, что, поскольку Япония пользуется положительной репутацией в арабском мире, именно этой стране приходилось вести дипломатические переговоры с исламскими странами, а также с соседними азиатскими государствами [12].

Япония считается одной из самых безопасных стран мира, а в свете подготовки к летним олимпийским играм 2020 г. в Токио, правительство взяло курс на достижение ещё большей безопасности страны.

В вопросе борьбы с терроризмом Япония налаживает сотрудничество не только со странами Юго-Восточной Азии и США, как упоминалось выше. Прошедшие в Токио российско-японские консультации по антитеррористической проблематике на уровне заместителя министра иностранных дел России и специального представителя правительства Японии показали общность подходов Москвы и Токио ко всем аспектам противодействия международному терроризму. Между странами была достигнута договоренность о сотрудничестве в этой области [16].

Заинтересованность Японии в сотрудничестве с Россией неудивительна, поскольку наша страна достигла существенных результатов в этой области.

Антиэкстремистская и антитеррористическая деятельность России. Терроризм и экстремизм в последние два десятилетия в мире в основном связаны с исламистскими организациями, хотя далеко не только с ними. Согласно мировой статистике, не меньше человеческих жертв уносит христианский и буддистский терроризм. Однако Россия в последнее десятилетие сталкивается именно с так называемым исламским терроризмом. В первую очередь потому, что РФ – один из самых активных участников международной антитеррористической борьбы, поэтому исламисты давно объявили ее своей мишенью.

Исходя из данных, содержащихся в опубликованном Институтом экономики и мира в Лондоне докладе «Глобальный рейтинг терроризма 2014 г.», за последние годы внутренний уровень террористической угрозы в России заметно снизился и в тот момент находился на самом низком уровне с 2007 г. Эксперты считают, что Россия значи-

тельно продвинулась в борьбе с террористической угрозой. С каждым годом число погибших в терактах снижается [5]. Тем не менее, согласно результатам исследования этого же института, но за следующий 2015 г., наша страна, к сожалению, ослабила свои позиции. За 2015 г. наблюдается заметный прирост террористических преступлений – на 38,7 %, в четыре раза по сравнению с предыдущим годом увеличилось количество зарегистрированных терактов. [7; 19]. Самыми опасными в нашей стране остаются регионы Северо-Кавказского федерального округа. Именно там зафиксировано до 80 % всех регистрируемых террористических актов.

Для повышения эффективности борьбы с терроризмом в России была разработана и начала реализовываться программа борьбы и противодействия терроризму, была подготовлена соответствующая законодательная база. Россия активизировала свое участие в Контр-террористическом комитете Совета Безопасности ООН, «Большой восьмерке», ОДКБ, ОБСЕ, ШОС и ряде других организаций. В октябре 2003 г. Россия за успехи в борьбе с финансированием терроризма была принята в постоянные члены ФАТФ. В 2004 г. в 12 субъектах Южного федерального округа, не считая Чечню, были образованы новые постоянно действующие структуры по организации борьбы с терроризмом и проведению антитеррористических операций – группы оперативного управления.

С 1990-х гг. Россия проводит антитеррористические мероприятия в рамках федеральной программы, которая осуществляется силами полиции и служб безопасности против экстремистских исламистских группировок и запрещенных террористических организаций. При этом в Республике Чечня до 2009 г. проводились военные операции.

Одной из мер по борьбе с экстремистской деятельностью в нашей стране стал запрет исламской литературы, которая по решению российских судов была отнесена к экстремистским изданиям. Многие эксперты, однако, считают, что данная мера контрпродуктивна, поскольку вызывает дополнительное раздражение со стороны мусульманского сообщества. Кроме того, подобные шаги властей носят псевдо-антитеррористический характер, так как фактически не достигают поставленной цели.

Противостояние России и Исламского государства эксперты в первую очередь называют политическим, и затем уже экономиче-

ским, никак не рассматривая его, при этом, как религиозный конфликт. Однако исламистские силы как внутри, так и за пределами Российской территории не упускают возможность обвинить руководство Российской Федерации в антимусульманской политике.

Россия, по известным причинам, не входит в Западную коалицию стран-партнеров по борьбе с Исламским государством. С сентября 2015 г. Российская Федерация действует самостоятельно. По просьбе президента Сирии Башара Асада руководством РФ было принято решение начать военную операцию в Сирии силами военно-космических сил и военно-морского флота. Кроме того, Россия оказывает гуманитарную помощь жителям Сирии и военно-техническую помощь вооруженным силам этой страны. Представителями власти нашей страны неоднократно подчеркивалось, что российское вмешательство в конфликт произошло по непосредственной просьбе действующего легитимного руководства Сирии, в отличие от стран Западной коалиции.

Заключение

Итак, и Япония, и Россия столкнулись с экстремизмом на своих территориях как с реальной опасностью. Япония предпринимает серьезные меры по предотвращению внутреннего экстремизма, используя для этого, помимо полиции и Сил самообороны, активность рядовых граждан, а также передовые технологии. Деятельность Японии в этой сфере оказалась весьма эффективной. На международном уровне она не участвует в военных операциях, но осуществляет их финансирование как инструмент борьбы с террористическими силами. Япония также уделяет большое внимание междипломатическим переговорам и консультациям и подготовке кадров для борьбы с экстремизмом и терроризмом как в самой Японии, так и за ее пределами. Все это повысило международный авторитет Японии.

Россия в последние годы значительно продвинулась в деле противодействия экстремистским и террористическим группам. На международном уровне Российская Федерация, в отличие от Японии, проводит военные операции (в Сирии, с сентября 2015 г.), используя свои воздушно-космические силы и военно-морской флот. Также Россия оказывает Сирии гуманитарную помощь. Россия действует во многом как самостоятельный игрок по борьбе с ИГИЛ, взаимодействуя, но не являясь членом Западной коалиции, которую

возглавляют США. Уровень взаимодействия с коалицией на данный момент крайне низкий, что обусловлено противоречиями с США, в которые вступила Россия в ходе антитеррористических операций в Сирии, в том числе из-за разницы в оценке политики президента Сирии Башара Асада.

Необходимо отметить, что сравнивать антитеррористическую стратегию Японии и России довольно сложно, потому что это связано с различиями в положении и роли двух стран на международной арене, различными целями внешней политики, внутренними обстоятельствами, связанными с возможным терроризмом, а также отличающимися историческими условиями и геополитическим положением стран в целом.

Наши страны налаживают российско-японское сотрудничество в деле борьбы с терроризмом. Прошедшие в 2016 и 2017 гг. в Токио российско-японские консультации по антитеррористической проблематике, о военно-политической ситуации и вопросам обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе показали общность подходов Москвы и Токио ко всем аспектам противодействия международному терроризму. В ходе консультаций была достигнута договоренность о сотрудничестве в этой области.

Международное сотрудничество, сплоченность, обмен опытом и единая позиция в оценке действий террористов – ключевые шаги, которые должна предпринять каждая из стран, поставивших перед собой цель предупреждения и пресечения терроризма. Обращение к положительному опыту России и Японии в этой сфере поможет мировому сообществу справиться с этой проблемой.

Литература

1. Алексеев О.Н. Экстремизм в Японии как общественно-политическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2012. №5. С. 232–234.
2. Афонин Б.М. Япония 2015: наиболее значимые события года // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 30–37.
3. В мире осудили казнь японского заложника. Available at: <http://www.tvc.ru/news/show/id/60564>
4. Гуров В.А. Некоторый исторический анализ террористических актов на территории Российской Федерации в период с 1999 по 2008 годы //

Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 7. С. 180–185.

5. Доклад: жертвами террористов в 2014 году в мире стали 32,6 тыс. человек. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2443661>

6. Земляниченко А. Хронология захвата заложников в городе Буденновске. Available at: <https://ria.ru/spravka/20150614/1069425156.html>

7. Институт экономики и мира: рейтинг стран по уровню терроризма 2015 года. Available at: <http://gtmarket.ru/news/2015/11/18/7263>

8. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма / Пер. с фр. В.Д. Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468 с.

9. Кислякова А. От сил самообороны к вооруженным силам. Япония увеличивает военные расходы. Available at: http://nvo.ng.ru /forces/2014-01-24/1_japan.html

10. Кречетов А. «Норд-Ост»: черная дата российской истории. Available at: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/10/121019_dubrovka_hostage_crisis

11. Крушение А321 в Египте. Available at: <http://www.rbc.ru /story/563485059a7947eb4ac53f56>

12. Морозов А.Н. Международный терроризм в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2. С. 15–19.

13. Обыски «Аум Синрике» в России. Полиция нашла сторонников тоталитарной секты в Москве и Санкт-Петербурге. Available at: <https://meduza.io/feature/2016/04/05/obyski-aum-sinrike-v-rossii>

14. Покушение на муфтия в Казани квалифицировали как теракт. Available at: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/07/120719_tatarstan_mufti_attack.shtml

15. Поташев Д.В. Политический экстремизм и терроризм в Японии во второй половине 60-х–90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2014. № 4. С. 119–124.

16. Россия и Япония провели первые за 3,5 года переговоры в формате «2+2». Available at: <https://ria.ru/politics/20170320 /1490404483.html>

17. Самые крупные теракты России в 2000–2007 годах. Справка. Available at: <https://ria.ru/spravka/20080804/150102309.html>

18. Секта «Аум Синрике». Available at: <https://ria.ru/spravka /20160920/1477399434.html>

19. Сухаренко А. Раскаленная планета // Независимая планета. 23.11.2016. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2016-11-23/5_6866_planet.html

20. Токио подтвердил гибель последнего из 10 японцев в Алжире. Available at: <https://ria.ru/world/20130124/919590992.html>

21. Хабутдинов А.Ю. Ваххабизм в Татарстане: сегодняшняя ситуация в исторической ретроспективе // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 86–107.
22. Шарафутдинова А., Штеле Н. Ракетный обстрел в Нижнекамске: власти молчат, жители обсуждают. Available at: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/1026214>

EXPERIENCE OF COMBATING EXTRIMISM OF RUSSIA AND JAPAN: A COMPARISON OF APPROACHES

Guzelbaeva Guzel Yakhievna
Candidate of Sociological Sciences
Kazan Federal University
Guzel.Guzelbaeva@kpfu.ru

In recent decades many countries have encountered extremist danger one way or another. They have used special strategies in combating the threat. The experience of different states can help to analyze the effective counter-terrorism efforts and further enhance possible cooperation in this sphere. This paper focuses on the experience of Russia and Japan and makes a comparative analysis of the approaches of these countries in countering extremism.

The paper reveals the peculiarities of extremism in Japan and Russia since the second half of the XX century and examines specific features of the extremist movements that emerged in both of these countries and the nature of their ideologies, methods of struggle, and acts of terrorism. The largest acts of terrorism experienced by the two countries are described. The Republic of Tatarstan is taken as a Russian region, which has adversely been affected by Islamist activity during the last decade.

The comparison of counter-extremism strategies between Japan and Russia is difficult because they are linked to different positions and roles of the two countries in the international arena, various foreign policy objectives and domestic conditions, as well as differing historical circumstances and the geopolitical situation. Nevertheless it is necessary to study each country's experience with the aim of increasing the effectiveness of pursuing the terrorist forces. The negotiations on the Russian-Japanese cooperation in the fight against terrorism are considered as a promising example.

Japan and Russia have faced extremism on their territories as a real danger. Japan has undertaken serious efforts to prevent domestic extremism using the police and self-defense forces as well as the use of advanced technology and the activity of ordinary citizens. Japan's measures in this field have proved quite

effective. It is not involved in the military operations at the international level, but provides its financing as a tool against terrorist forces. Tokyo also gives great attention to negotiations, consultations and training to combat terrorism both in Japan and abroad. All this has raised the international prestige of Japan.

Russia has made significant progress in countering extremist and terrorist groups in recent years. Unlike Japan, Russia has been conducting military operations in Syria since September 2015 using the Aerospace Forces and the Navy. Russia has also been providing Syria with humanitarian aid. It operates largely as an independent player in the fight against ISIS. Russia is not a member of the Western coalition headed by the USA, but partially interacts with it. The level of interaction with the coalition is extremely low at the moment due to the contradiction from the United States.

Both countries have been establishing their cooperation in the fight against terrorism. The Russian-Japanese consultations on anti-terrorism issues, the military-political situation and security issues in the Asia-Pacific region, held in 2016 and 2017 in Tokyo, demonstrated the common approach of Moscow and Tokyo to all aspects of combating international terrorism. The agreement was reached on cooperation in this area.

International collaboration, solidarity, exchange of experience and common position in the assessment of terrorist actions are the key steps to be taken by each country aiming to prevent and suppress terrorism. Reference to the positive experience of Russia and Japan in this sphere could possibly help to cope with this problem.

Keywords: *terrorism; extremism; religious extremism; counter-terrorism; counter-extremism; international security.*

ОБРАЗ ЯПОНСКИХ УЗНИКОВ СТАЛИНСКИХ ЛАГЕРЕЙ В РОМАНЕ А.М. ГИЛЯЗОВА «ДАВАЙТЕ ПОМОЛИМСЯ!»

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна
кандидат филологических наук
Казанский федеральный университет
mileuscha@mail.ru

В статье анализируются образы японцев-узников сталинских лагерей в романе-воспоминании А.М.Гилязова «Йэгез, бер дога!» («Давайте помолимся!»). Эта тема раскрывается с привлечением обширного исторического материала, сюжетов и источников, лежавших вне поля зрения ученых-востоковедов. Восприятие татарским писателем японцев идет в разрез стереотипам, бытующим в обыденном сознании в России. В фокусе внимания А.М.Гилязова оказались образ жизни, склад характера японцев, оказавшихся в кризисной ситуации – в условиях сталинских лагерей ГУЛАГ. Татарский писатель демонстрирует толерантное отношение к узникам разных национальностей. Об узниках-японцах отзывается уважительно, с восхищением. В его восприятии японцы – это гордый, независимый, свободолюбивый и смелый народ, отличающийся редким трудолюбием, основательностью во всем. А.М.Гилязов восхищается аккуратностью и чистоплотностью японцев в ужасных бытовых условиях неволи. В романе увековечено умение японцев создавать уют вокруг себя даже в условиях сталинского лагеря.

Ключевые слова: образ японцев в литературе, татарская литература, А.М.Гилязов, роман «Давайте помолимся!», сталинский лагерь, японский военнопленный.

Существует ряд научных работ, посвященных изучению «образа Японии» как цельного феномена европейской и русской политической, философской и эстетической мысли, культуры, искусства и массового сознания XIX–XX вв [7]. Встречаются работы, посвященные татарско-японским связям [10]. Цель нашего исследования – выявить своеобразие изображения японских военнопленных-узников КАРЛАГа (Карагандинского исправительно-трудового лагеря) в романе-воспоминании татарского писателя А.М.Гилязова «Йэгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») (1991–1993) [3]. До сих пор эта тема не была предметом самостоятельного изучения. Избранный ракурс позволит по-новому взглянуть на тему «японцы в

литературе и культуре России», лагерную проблематику и послужит укреплению дружбы между нашими народами.

Произведение было опубликовано в татарском «толстом» литературном журнале «Казан утлары» («Огни Казани») в 1993 г. [2], а в виде отдельного издания после авторской доработки – в 1997 г. [3]. В 2016 г. роман был переведен на русский язык и в 2017 г. должен увидеть свет в Казани в виде отдельного издания. В 2017 г. произведение было переведено на венгерский язык и опубликовано в Будапеште [10].

Аяз Гилязов опередил казахских ученых и писателей в разработке темы КАРЛАГА: художественно осмысливая свое прошлое, писатель воссоздал в романе жизнедеятельность лагеря от момента создания до закрытия. Книга Д.А.Шаймуханова и С.Д.Шаймухановой «Карлаг» [9] на эту тему появилась в 1997 г., т.е. спустя четыре года после выхода в свет романа «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») [3].

Татарский писатель А.М.Гилязов (1928–2002) стал известен всему читающему Советскому Союзу в 1964 г., когда на русском языке вышла в свет его повесть «Три аршина земли», которая была отмечена премией журнала «Дружба народов» [4]. Он вошел в литературу сложившейся личностью, человеком со своей выстраданной общественной позицией, со своими выношенными творческими принципами. За плечами у него, кроме филологического факультета Казанского университета, учеба на Высших литературных курсах в Москве, а еще университеты коллективизации, когда в стране ломался вековой крестьянский уклад; Великая Отечественная война, в горниле которой погибли отцы и старшие братья многих его ровесников; шесть лет тюрем и лагерей, сделавших, по его собственному признанию, из него писателя. Это во многом определило специфику творчества писателя. А.Гилязова арестовали 22 марта 1950 г. в годы учебы в Казанском университете. Продержав до конца года в казанской тюрьме на Черном озере, его осудили «за попытку создать антисоветскую организацию, за клевету на вождя народов» [3, р. 171] и отправили по этапу. Джезказган, Кенгир, Балхаш, Актас, Волынка – таков маршрут лагерных мытарств А.М.Гилязова.

Перед созданием автобиографического произведения писатель предпринял в августе 1991 г. поездку в Караганду по местам своего лагерного прошлого. Это путешествие и стало катализатором в ра-

боте над романом-воспоминанием, задуманном как дань памяти тем, кто сгинул или выжил в этой сталинской преисподней. «Многие мои спутники по лагерю, наверное, уже отошли в мир иной, поскольку уже тогда были взрослыми и даже старыми людьми, познавшими нужду и горе. Я не смог согреть их души своей молитвой, потому что среди них были мусульмане, православные, католики, лютеране, баптисты, иудеи, буддисты!.. Слышите ли вы меня?! Я пришел сюда отдать последнюю дань своего уважения вашим светлым душам, летающим над этим адом; только вот обращаюсь к вам на своем родном татарском языке! Здравствуйте, мои дорогие! Мои родные! Я пришёл сюда, тоскуя о вас!» [3, р. 448], – с такой молитвой обратился писатель к своим собратям по несчастью, оказавшись вновь в карьере Волынка.

В интервью, опубликованном в башкирской газете «Татарстан», А.Гилязов признается, что его роман – дань памяти людям, которые сыграли огромную роль в становлении его мировоззрения [10].

А.Гилязов – мастер портретных характеристик. «В романе сотни портретов: политических, легионеров, воров в законе, убийц, репатриантов... Это представители разных национальностей: татары, русские, евреи, молдаване, цыгане, чеченцы, туркмены, казахи, армяне... У каждого свой лик, занятия, манера держаться, движения рук, подмечено богатство души или бедность» [1].

Как верно подметили татарские литературоведы, писатель, обобщив черты разных народов, в романе размышляет о национальном идеале. Японцы в его романе отличаются коллективизмом, трудолюбием, гордостью, независимостью, латыши – бережливостью, основательностью, покорностью, литовцы – раздражительностью, решительностью, крещеные татары – честностью, открытостью, детскостью души и т.д. [5].

Особое место в «Давайте помолимся!» занимают японцы. Первые японские военнопленные в Спасском лагере появились в октябре–ноябре 1945 г. в количестве 11608 человек. Потом их численность была доведена до 22000 человек. Их использовали в качестве рабочей силы в шахтах, на кирпичном, ремонтно-механических заводах, строительных предприятиях. «Японцев в лагере содержали отдельно от европейцев. Рацион питания также несколько отличался. Им давали немного больше рыбы, риса... Сами японцы, по рас-

сказам очевидцев, тоже не общались с другими военнопленными, не вступали в контакты с местным населением.

Лагерное начальство с выгодой использовало особый менталитет японцев, посылая их на самые трудные и изнурительные работы. В основном они работали на рудниках Балхашского региона. Местные жители еще помнят тех суровых мрачных самураев. Каждое утро молчаливые шеренги японцев маршировали на рудник и к полуночи возвращались обратно. Никто из них не произносил ни слова. Но работали, как машины. По сохранившимся данным, японские пленные выполняли план на 120 и даже 150 процентов. А экономика страны в послевоенный период очень нуждалась в рабочей силе. Именно поэтому в первые годы репатриации из лагерей на родину отправляли больных, обессиленных заключенных, которых уже нельзя было использовать на работах.

Но позднее был распространен и другой приказ: передовики производства, выполнявшие и перевыполнявшие план, получали преимущество в скорейшей репатриации. То есть включался мощный стимул работать лучше и эффективней. И здесь японцам не было равных. Но в планы советского правительства не входило быстрое возвращение японцев на родину. Слишком хорошо работали. Их репатриировали последними.

Японские военнопленные покинули Спасский лагерь к середине 50-х. А в 1987 году японское правительство подписало договор с Казахстаном о вывозе останков японских военнопленных, захороненных в Карлаге» [8].

А.Гилязов пишет о японцах с большим уважением и с восхищением: «Я много разных национальностей повидал, но таких дружных и покладистых, как японцы, в любую секунду готовых прийти на выручку соплеменнику, не встречал» (Пер. Н. Ишмухаметова) [3, р. 135]. Писатель включает в роман эпизод драки японцев с уголовниками, чтобы подчеркнуть, что покладистость японцев имеет свои границы. В критической ситуации они ведут себя очень смело и героически.

Японцы упоминаются и в эпизоде, посвященном истории Актаса: «Первостроителями лагеря в Актасе были японские военнопленные. По неизвестным причинам их сменили немецкие военнопленные. Сперва японцы, потом немцы строили в Актасе первую очередь кирпичного завода. И японцы, и немцы жили в землянках не-

подалёку от нынешней территории лагеря» [3, р. 163]. А.М.Гилязов зафиксировал исчезновение японцев из Актасского лагеря в 1948 г.

Чтобы выпукло представить национальную психологию заключённых в Карлаге, А.М.Гилязов подробно описывает их поведение в критической ситуации – переживание голода: «Национальные черты у оголодавшего человека открываются в самых неожиданных ситуациях! Невозможно представить, например, японского офицера, поедающим бутерброд из толчёных рыбных косточек! Никогда вам такого не увидеть! Японцы – это самый гордый, самый непокорный, не теряющий человеческого облика даже в самых тяжелейших испытаниях народ. О-о, они никогда не жалуются, не стонут, если голодны, объедков не ищут, взяв себя в руки, ждут лучшей поры, верят в добро и в своего бога» [3, р. 182].

Автор не в силах скрыть своего восхищения перед гражданами Страны восходящего солнца: «Японцы на удивление единая, дружная, трудолюбивая нация, если судьба собирает в одном месте несколько японцев, то тут же из их числа выделяется старший, а остальные всецело доверяют ему и беспрекословно подчиняются. Когда я, вернувшись домой, рассказал об этом своим приятелям, многие из них, возразив: «Так они же военные, и старшего выбрали, глядя на чин!» – на нет свели мои слова. Но нет, не так дело обстояло, частенько старшинство и авторитет не зависели ни от воинского звания, ни от возраста, у кого крепче дух, непоколебимей вера – того и выбирали главным». Приводя факт за фактом, татарский писатель стремится убедить читателей в том, что это «гордый, непокорный, сильный народ!» [3, р. 182].

А.М.Гилязов выделяет способность японцев к языкам: «Среди иностранных заключённых японцы раньше всех освоили русский язык. Если китайцы за десять лет выучивали десяток слов, то среди японцев я не встречал такого, кто не умел бы говорить по-русски» [3, р. 182].

Описание японцев в романе противоречит некоторым стереотипам, бытующим в русском обыденном сознании: «Говорят, мол, китайцы, корейцы, японцы – на одно лицо. Абсолютно не так, вот если передо мной выстроят в шеренгу представителей этих трёх наций, то я безошибочно сумею определить среди них японцев! В глазах японцев сквозят величие, образованность, уверенность в себе, загадочность и хитрость в хорошем понимании этого слова.

Японцы никогда не принимали участия в национальных разборках, не цеплялись по мелочам, из-за еды ни с кем не враждовали. Вот уж действительно – крепкий, великий народ!» [3, р. 182].

А.М.Гилязов удивляется результативности труда японцев в условиях лагеря, что выделяет их из среды других заключенных: «Нужно сказать несколько слов о том, как они работали, если уж японец берётся за какое-нибудь дело, будь уверен, он его доведёт до конца. В лагере, как обычно, «световой рабочий день», работаешь от темна до темна, вернее, тебя заставляют так работать. Но японец не подчиняется этому дурацкому правилу, отработав четыре часа, он останавливается, отдыхает, набирается сил, а через час снова засучивает рукава ещё на четыре часа, работает на совесть. Можешь вешать его, можешь резать, но заставить трудиться дольше восьми часов не сумеешь. А наши целыми днями болтаются, изображая работу, а дел-то – кот наплакал» [3, р. 182–183].

Татарский писатель отмечает чистоплотность японцев: «Японцы – аккуратисты, опрятный, чистый народ. В Актасе они поселились рядом с баней. Топят её, стирают бельё. Я иногда хвастаюсь... (Что поделать, водится за мной такой грешок!) «Японский генерал-майор стирал мне бельё!» Хотя эти слова истинная правда, но хвастаться этим не нужно бы, наверное?» [3, р. 183].

А.М.Гилязову навсегда врезалась в память сцена прощания с японскими военнопленными, которых отправили на родину: «Накануне расставания японцы подарили мне новое мягкое одеяло. Оно было очень яркое и к тому же ещё и блестело. Со временем это одеяло ещё проявит себя! Близкий друг Абдуллы Али полковник Саттаро Тогучи говорил по-русски бойко и почти без акцента. Однажды я спросил у него: «Саттаро-сан, русские и японцы когда-нибудь будут жить дружно?» Он посмотрел на меня угольками глаз и после недолгих раздумий отрезал: «Никогда!» Я даже испугался, ей-богу! Сейчас, когда идут споры по поводу Курильских островов, я вспоминаю его ответ» [3, р. 183].

В романе А.М.Гилязов приводит факты, свидетельствующие о стремлении японцев создать уют вокруг себя: «Оказывается, в Майкудуке долгое время жили японские военнопленные. А они якобы не успеют на новое место прибыть, как тут же начинают облагораживать его, украшать, причёсывать. Японцы высадили большое количество деревьев, а между ними разбили цветочные клумбы, на

которых посеяли ночные фиалки – маттиолы. В дневное время дремлющие, сомкнув реснички-лепестки, цветы с наступлением сумерек просыпаются и далеко-далеко по округе распространяют своё благоухание» [3, р. 183].

Автор в финале романа благодарит судьбу за то, что она свела его с японцами: «Русские, евреи, японцы, немцы, балкарцы – согнанные со всех уголков мира угнетённые люди, противники большевизма! Я каждому из вас искренне благодарен: вы помогли мне сохранить дух, не дали разбить подаренную Аллахом изначальную его целостность» [3, р. 399]. А.М.Гилязов отмечает их роль в становлении своего независимого мировоззрения.

Особую страницу в романе А.М.Гилязова занимает тема татарских мигрантов в Японии (история татарина Абдуллы Али).

Таким образом, в романе «Давайте помолимся!» татарский писатель разбивает в какой-то степени стереотипы в восприятии японцев, характерные для русских. А.М.Гилязов не использует в произведении каламбуров из японских слов, не приводит такие национальные образы мира, как «харакири». Татарский писатель фиксирует внимание читателей на складе характера и образе жизни японцев, их поведении в критической ситуации. А.М.Гилязов особо выделяет такие черты характера японцев, как гордость, трудолюбие, основательность, дисциплинированность, смелость, аккуратность, чистоплотность. Татарский писатель не одобряет стереотип «азиаты – все на одно лицо», бытующий в обыденном сознании. А.М.Гилязов не развивает концепт «враг» в раскрытии японской темы. Автор романа «Давайте помолимся!» ставит японцев в пример татарам. Произведение является ярким свидетельством дружбы и дружеского отношения татар к японцам.

Литература

1. Ахунов Г. Язучы һәм заман. (Аяз Гыйләжевкә 70 яшь) // Казан утлары. 1998. № 1. Б. 119–126.
2. Гыйләжев А. Йәгез, бер дога! Роман-хатирә // Казан утлары. 1993. № 10. Б. 7–98; № 11. Б. 7–93; № 12. Б. 4–98.
3. Гыйләжев А. Йәгез, бер дога! Роман-хатирә. Казан: Тат. китап. нәшр., 1997. 448 б.
4. Гилязов А. Три аршина земли // Дружба народов. 1964. № 6. С. 65–104.

5. Заһидуллина Д.Ф., Йосыпова Н.М. XX ғасыр татар әдәбияты тарихы. II китап. Казан: Казан университеты, 2011. Б. 97.
6. Интервью А. Гилязова // Татарстан. 1993. 22 декабрь.
7. Молодяков В.Э. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996. 184 с.
8. Тен Т. Последний свидетель и последний самурай // Караван. 2009. 13 марта.
9. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. Караганда: Нац. агентство по делам печати и массовой информации Республики Казахстан, 1997. 175 с.
10. Usmanova L. The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s. Tokyo: Rakudasha, 2007. 367 p.
11. Giljazov A. Imádkozzunk! Budapest: HVG Press, 2017. 415 s.

IMAGE OF STALIN'S CAMPS JAPANESE PRISONERS IN THE NOVEL "LET'S PRAY!" BY A.M. GILYAZOV

Khabutdinova Milyausha Mukhametzyanovna

Candidate of Philological Sciences

Kazan Federal University

mileuscha@mail.ru

The article is devoted to the image of Stalin's camps Japanese prisoners in the reminiscence-novel "Yagez, ber doga!" ("Let's pray!") by Tatar writer A.M. Gilyazov. This topic is covered on the basis of extensive historical material, stories and sources that lay outside the purview of Orientalists. The perception of Japanese by the Tatar writer runs counter to the stereotypes existing in people's minds in Russia. The focus of A.M. Gilyazov is concentrated on the way of life and turn of temper of the Japanese who found themselves in a difficult situation, i.e. in Stalin GULAG camps. The author's position is distinguished by tolerance towards the prisoners of different nationalities. In the perception of the Tatar writer, the Japanese are proud, independent, freedom-loving and brave people who are distinguished by a rare diligence and solidness in all spheres of life. A.M. Gilyazov was admired by neatness and cleanliness of Japanese in a terrible conditions of captivity. In the novel he immortalized the ability of the Japanese to create a cosiness around themselves even in the conditions of Stalin's camps.

Keywords: *image of the Japanese in the literature, Tatar literature, A.M. Gilyazov, "Let's pray!" novel, Stalin prison camp, Japanese prisoner of war.*

**Культурные, экономические, технологические контакты
и взаимодействие Японии и Татарского мира:
история и современность:**

Сборник научных трудов

Выпуск II

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 28.06.2018 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 16,0. Тираж 150 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а

Тел./факс: (843) 231-05-46,

231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф